

**ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**
РАНХИГС ХАБАРОВСК

ISSN:1818-4049

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

А. Б. БАРДАДЬ

Транспортное обеспечение ресурсных отраслей Дальнего Востока на современном этапе

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Н. А. МАСЛЮК, Н. В. МЕДВЕДЕВА

Технологии бережливого производства как основа рационализации регионального инвестиционного стандарта

СОЦИОЛОГИЯ

Н. М. БАЙКОВ

Городской активизм в структуре гражданского общества Хабаровска: социально-политические аспекты

ПРЕДСТАВЛЯЮ К ЗАЩИТЕ

П. Э. ПЕРЕПЕЧАЙ

Субъективные представления о престиже профессии у школьников Хабаровского края: социологический анализ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ХАБАРОВСК

**№1
(102)
2023**

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2023 г. № 1 (102)**

Научный журнал «Власть и управление на Востоке России» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Scientific journal «Power and Administration in the East of Russia» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science must be published.

ISSN 1818-4049

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2023 г. № 1 (102)**

Научный журнал основан
в марте 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор: А. И. Медведев

Адрес редакции:

680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33. Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Тел. (факс): (4212) 305-306. E-mail: rio-dviu@ranepa.ru

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48935 от 12 марта 2012 г.

Редакционная коллегия:

- Н. М. Байков, д.с.н., профессор (Россия)
Ю. В. Березутский, к.с.н., доцент (Россия)
Е. Н. Галичанин, д.э.н., профессор (Россия)
И. А. Гареева, д.с.н., доцент (Россия)
Ю. А. Зубок, д.с.н., профессор (Россия)
С. Г. Максимова, д.с.н., профессор (Россия)
Е. А. Мотрич, д.э.н. (Россия)
А. В. Новокрещёнов, д.с.н., профессор (Россия)
Е. С. Осипова, д.э.н., доцент (Россия)
О. М. Прокапало, д.э.н. (Россия)
О. М. Рензин, к.э.н., ст. науч. сотр. (Россия)
А. М. Сергиенко, д.с.н., доцент (Россия)
О. И. Тишутина, д.э.н., доцент (Россия)
С. Н. Третьякова, д.э.н., доцент (Россия)
Ю. А. Тюрина, д.с.н., профессор (Россия)
Андреас Кнорр, доктор, профессор (Германия)
Зенджиро Сугиура, профессор (Япония)
Ма Юцзюнь, доктор, главн. науч. сотр. (Китай)
Чжун Цзяньпин, д.и.н., профессор (Китай)
- При перепечатке ссылка на журнал «Власть и управление на Востоке России» обязательна. Рукописи рецензируются.
- Мнения, высказываемые авторами, могут не совпадать с точкой зрения редакции.
- Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

ISSN 1818-4049

**POWER AND
ADMINISTRATION
IN THE EAST
OF RUSSIA**

**scientific journal
2023, no. 1 (102)**

Scientific journal is founded
in March, 1998
Is issued 4 times a year

Editor-in-Chief: A. I. Medvedev

Address:

Russia, 680000, Khabarovsk, Muraviova-Amurskogo St., 33. The Far-Eastern institute of management – branch of the Academy of National Economy and Public Administration by the President of the Russian Federation. Tel. (fax): 305-306. E-mail: rio-dviu@ranepa.ru

Founder:

The Federal state budgetary educational institution of the highest education “The Russian Academy of National Economy and Civil Service by the President of the Russian Federation” (119606, Moscow, 82, Vernadskiy prospect)

The periodical is registered by the Federal Service for supervision in the sphere of communication, information technologies and mass communications (Roscomnadzor). The certificate about the registration of the mass information PI № FS77-48935 dated March 12, 2012.

Editorial Staff:

N. M. Baykov, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

Yu.V. Berezutskiy, Candidate of Sociology, Associate Professor (Russia)

E. N. Galichanin, Doctor of Economy, Professor (Russia)

I. A. Gareeva, Doctor of Sociology, Associate Professor (Russia)

Yu. A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

S. G. Maksimova, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

E. L. Motrich, Doctor of Economy (Russia)

A. V. Novokreshchenov, Doctor of Sociology, professor (Russia)

E. S. Osipova, Doctor of Economy, professor (Russia)

O. M. Prokapalo, Doctor of Economy (Russia)

O. M. Renzin, Candidate of Economy, chief scientific researcher (Russia)

A. M. Sergienko, Doctor of Sociology (Russia)

O. I. Tishutina, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)

S. N. Tretyakova, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)

Yu. A. Tyurina, Doctor of Sociology, professor (Russia)

Andreas Knorr, Doctor, Professor (Germany)
Zenjiro Sugiura, Professor (Japan)

Ma Yujun, Doctor, Chief Researcher (China)

Zhong Tsyannpin, Doctor of History, Professor (China)

No part of any material may be reprinted without the reference to the journal “Power and Administration in the East of Russia”. Articles are subject to review.

The authors’ opinions may not coincide with those of the editorial board.

The authors of the articles bear responsibility for the selection and precision of the facts, quotations, economic and statistical data, proper and geographical names.

СОДЕРЖАНИЕ

Дальний Восток: стратегии и модели развития

Бардаль А. Б.	Транспортное обеспечение ресурсных отраслей Дальнего Востока на современном этапе	8
Строева Г. Н.	Топливо-энергетический комплекс Дальнего Востока: трансформация институциональной среды	17
Белоусова А. В. Грицко М. А.	Количественная оценка влияния смертности населения на экономику дальневосточных субъектов Российской Федерации	34
Латышева Н. Е. Назаренко О. А. Агешина Е. Ю.	Экономика Дальнего Востока в 2022 году: аналитические итоги	45

Теория и практика экономики и управления

Маслюк Н. А. Медведева Н. В.	Технологии бережливого производства как основа рационализации регионального инвестиционного стандарта	59
Сюпова М. С. Халикова С. С.	Напряженность на рынке труда как индикатор экономической безопасности региона	70
Ромашин А. А.	Зоны согласования в экономике региона корпоративных и региональных интересов компаний строительного бизнеса	79

Социология

Байков Н. М.	Городской активизм в структуре гражданского общества Хабаровска: социально-политические аспекты	88
--------------	---	----

Гареева И. А.	Социальная обусловленность репродуктивного поведения населения	101
Буланова М. А.	Взаимодействие органов местного самоуправления с городским сообществом Хабаровска: социологический анализ	111
Шугаева И. В.	Формирование адаптивных стратегии населения по борьбе с бедностью в условиях неопределенности (социологический анализ)	125

Представляю к защите

Перепечай П. Э.	Субъективные представления о престиже профессии у школьников Хабаровского края: социологический анализ	134
Карев А. С.	Оценка факторов влияния состояния региональной социальной инфраструктуры на миграционные процессы	147
Криводубова Ю. В.	Монетарная и антиинфляционная политика: японский вариант	162

CONTENTS

The Far East: strategies and development models

Bardal A. B.	Transport support of the resource industries of the Far East at the present stage	8
Stroeva G. N.	The fuel and energy complex of the Far East: transformation of the institutional environment	17
Belousova A. V. Gritsko M. A.	Population mortality: quantitative assessment of the impact on the economy of the Far-Eastern subjects of the Russian Federation	34
Latysheva N. E. Nazarenko O. A. Ageshina E. Yu.	Economy of the Far East in 2022: analytical results	45

Theory and practice of economics and management

Medvedeva N. V. Maslyuk N. A.	Lean manufacturing technologies as a basis for rationalizing the regional investment standard	59
Syupova M. S. Khalikova S. S.	Labor market tension as an indicator of economic security of the region	70
Romashin A. A.	Zones of coordination of corporate and regional interests of construction business companies in the regional economy	79

Sociology

Baykov N. M.	Urban activism in the structure of civil society in Khabarovsk: socio-political aspects	88
--------------	---	----

Gareeva I. A.	Social conditioning of the reproductive behavior of the population	101
Bulanova M. A.	Interaction of the local governments with the city community of Khabarovsk: sociological analysis	111
Shugaeva I. V.	Formation of adaptive strategies of population to combat poverty in the conditions of uncertainty (sociological analysis)	125

Post-Graduate Research

Perepechay P. E.	Subjective ideas about the prestige of profession among schoolchildren of the Khabarovsk territory: sociological analysis	134
Karev A. S.	Assessment of impact of the regional social infrastructure state on migration processes	147
Krivodubova Yu. V.	Monetary and anti-inflation policies: Japanese version	162

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Научная статья

УДК 332.1:338.4(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2023-102-1-8-16

Транспортное обеспечение ресурсных отраслей Дальнего Востока на современном этапе

Анна Борисовна Бардадь

Институт экономических исследований, Дальневосточное отделение Российской академии наук, Хабаровск, Россия

bardal@ecrin.ru

Аннотация. Ресурсные отрасли традиционно являются основой экономики Дальнего Востока. Их функционирование и развитие во многом зависят от работы транспорта. Предметом работы является изучение процессов транспортного обслуживания природно-ресурсных отраслей макрорегиона на современном этапе. Цель состоит в попытке проанализировать ключевые изменения транспортного обеспечения ресурсного сектора в течение 2022 г. В разрезе данного направления можно рассматривать два различающихся по масштабу объектов среза транспортного обслуживания: на уровне отдельных компаний и на уровне макрорегиона в целом. На микроуровне (отдельных компаний) транспортные процессы определяются видом добываемого ресурса, схемой производственных процессов, конфигурацией системы связей с поставщиками и заказчиками. В статье рассмотрено транспортное обеспечение одной из крупнейших компаний ресурсного сектора мирового значения, работающей на Дальнем Востоке – АК «Алроса» (ПАО). Показаны особенности транспортного обеспечения поставок материально-технических ресурсов, процесса производства и сбыта. На уровне макрорегиона можно выделить относительно «традиционные» и новые проблемы транспортного обслуживания ресурсных отраслей. К первым относятся обеспечение доступности перспективных для хозяйственного освоения месторождений и дефицит провозных мощностей инфраструктуры востока страны. К новым проблемам, формирующимся под действием геополитических условий 2022 г., можно отнести: изменение направлений внешнеторговых потоков России; обострившуюся конкуренцию грузоотправителей за инфраструктуру транспортного комплекса Дальневосточного федерального округа; изменение институциональных условий на железнодорожном транспорте; рост тарифов на перевозки. Изменение параметров взаимодействия транспорта и ресурсных отраслей затрагивает основу экономики Дальневосточного макрорегиона. Происходящие геополитические изменения уже повышают степень неопределенности условий национальной экономики. С учетом этого необходимо особенно тщательно оценивать последствия принимаемых решений, в т. ч. изменения транспортных тарифов.

Ключевые слова: ресурсные отрасли, транспортный комплекс, АЛРОСА, транспортное обслуживание

Для цитирования: Бардадь А. Б. Транспортное обеспечение ресурсных отраслей Дальнего Востока на современном этапе // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 1 (102). С. 8–16. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-8-16>

Transport support of the resource industries of the Far East at the present stage

Anna B. Bardal

The Economic Research Institute, the Far-Eastern branch of RAS, Khabarovsk, Russia
bardal@ecrin.ru

Abstract. *The resource industries are traditionally the basis of the Far-Eastern economy. Their functioning and development largely depends on transport. The subject of this article is study of the processes of transport service of the macro-region resource segment at the present stage. The purpose of the work is to analyze the key changes in the transport provision of the resource sector during 2022. There are two segments of transport services that differ in scale: at the level of individual companies and at the level of the macro-region as a whole. At the micro level of companies, transport processes are determined by the type of extracted resource (wood, ore, etc.), the scheme of production processes, and the configuration of the system of relations with suppliers and customers. The article considers the transport support of one of the largest companies in the resource sector operating in the Far East – AC Alrosa (PJSC). The features of transport support for the supply of material and technical resources, the production and marketing process for this company are shown. At the level of the macro-region, relatively “traditional” and new problems of transport services for resource industries can be distinguished. The former include ensuring the availability of deposits that are promising for economic development and the shortage of carrying capacity of the infrastructure in the east of the country. New transport services problems are formed under the influence of geopolitical conditions in 2022. These include: a change in the direction of Russia's foreign trade flows; the intensified competition of shippers for the infrastructure of the transport complex of the Far-Eastern federal district; changing institutional conditions in railway transport; an increase in freight rates. The dynamics of parameters of interaction between the transport and resource industries affects the basis of economic system of the Far East. The ongoing geopolitical changes increase the degree of uncertainty in the conditions of national economy. It is necessary to evaluate carefully consequences of the decisions made, including changes in the transport tariffs.*

Keywords: *resource industries, transport complex, ALROSA, transport services*

For citation: Bardal A. B. Transport support of the resource industries of the Far East at the present stage // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 1 (102). Pp. 8–16. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-8-16>

Введение

Развитие транспортного комплекса Дальнего Востока на всем протяжении освоения во многом ориентировалось на потребности природно-ресурсных отраслей, составляющих каркас экономики региона. С учетом значительных расстояний, сложных природно-климатических условий, рельефа территории наличие транспортной инфраструктуры, затраты на ее строительство во многом определяли физическую доступность и экономическую эффективность вовлечения ре-

сурсов в хозяйственный оборот.

В настоящее время транспорт остается важнейшим элементом обеспечения деятельности природно-ресурсных отраслей Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО), выполняющим значительный объем работ: доставка оборудования, материалов и трудовых ресурсов, необходимых в производственном процессе, а также перевозка продукции к перерабатывающим мощностям либо поставка покупателю (в зависимости от вида ресурса и производственной це-

почки). Крупные добывающие компании региона имеют в своей структуре специальные транспортные подразделения.

Повышение экономической нестабильности, связанной со сложившимися внешнеэкономическими условиями России на современном этапе, сопровождаются в том числе динамичными процессами на транспортном рынке востока страны. В рамках данного материала сделана попытка проанализировать ключевые изменения транспортного обеспечения природно-ресурсных отраслей Дальнего Востока в течение 2022 г., сформулировать формирующиеся тенденции среднесрочной перспективы.

Транспортное обслуживание природно-ресурсных отраслей: краткий обзор публикаций

Рассматривая кратко научные работы по заявленной теме, оставим за скобками огромный пласт работ, исследующих транспорт/транспортную инфраструктуру как базовый фактор развития экономики, включая ее ресурсный сегмент. К этой категории могут быть отнесены публикации, посвященные изучению транспорта как отрасли инфраструктуры.

Для данной работы более важными являются результаты исследований транспортных потребностей конкретных ресурсных отраслей, особенностей организации процессов перевозки отдельных компаний ресурсного сектора, взаимосвязей развития инфраструктуры транспорта и добывающей промышленности.

Отметим, что даже принимаемое ограничение оставляет для рассмотрения весьма существенный спектр работ, которые можно разделить как минимум:

- 1) по видам природных ресурсов (например, транспортное обслуживание лесозаготовок и лесной промышленности, транспортное обслуживание угольной промышленности, золотодобычи и др.);

- 2) по масштабу рассматриваемых объектов (например, проблемы организации транспортных потоков отдельной компании либо вопросы транспортировки природных ресурсов на уровне региональной/национальной экономики в целом).

Понимая значительный объем научных исследований и не претендуя на всеобъемлющий охват, выделим лишь

некоторые направления. Так, одним из актуальных остается изучение потребностей в транспортной инфраструктуре для различных отраслей добывающего сектора. Рассматриваются вопросы необходимости строительства объектов инфраструктуры для обеспечения доступности месторождений [Егорова, Делахова, 2018; Архипова, Бардаль, 2020], анализируется эффективность конфигурации существующей сети дорог, возможности повышения качества дорог (лесовозных) с применением новых материалов [Сушков, Князев, Восстриков, 2018]. Отметим, что более подробно проблемы транспортного фактора в функционировании лесного сектора рассматривались нами ранее [Антонова, Бардаль, 2018].

Еще одним направлением научных исследований выступает анализ процессов транспортировки продукции природно-ресурсного сектора на рынки. При этом организуемые логистические цепочки, использование конкретных видов транспорта и их сочетание, необходимость применения специальных транспортных средств (полувагоны, хопперы, сортиментовозы и пр.), направления перевозки, тарифы значительно отличаются по видам ресурсов и масштабам перевозки [Сушков, Морковин, 2016; Зонова, Шевелева, Слесаренко, 2023].

Проблемы транспортного обеспечения производственных процессов отдельных добывающих компаний и ресурсных отраслей также представлены в публикациях [Леонтьев, Архипова, 2021; Наботова, Гончаров, 2012].

Отдельно хотелось бы отметить научные исследования дальневосточных экспертов, изучающих связи функционирования природно-ресурсных отраслей Дальнего Востока и транспортного комплекса. Так, в работах Антоновой Н. Е. представлена динамика лесного комплекса при изменении институциональных условий 2010-х гг. и в современной ситуации [Антонова, 2021]. Эксперт отмечает, что на каждом из этапов развития лесного комплекса востока страны транспортный фактор не только определяет первоначальную доступность ресурсов, но и формирует параметры эконо-

мической целесообразности их освоения. В публикациях Ломакиной Н. В. рассматриваются экономические аспекты минерально-сырьевого комплекса макрорегиона, в т. ч. направления поставок (включая современный этап) и возможный рост затрат на логистику [Ломакина, 2022]. Исследование топливных ресурсов Дальнего Востока представлено в работах Деминой О. В. Наравне с другими вопросами в публикациях рассматриваются направления перевозок добываемого в регионе угля и транспортные ограничения его экспорта [Демина, 2022].

Влияние транспорта на функционирование природно-ресурсных отраслей Дальнего Востока

Как указывалось выше, транспорт играет важную роль в производственных процессах любой добывающей компании. Рассмотрим организацию транспортного обслуживания на примере одного из крупнейших предприятий добывающего сектора ДФО, компании мирового уровня АК «АЛРОСА» (ПАО).

Перевозки, обеспечивающие деятельность данного предприятия, включают: а) доставку оборудования, материально-технических, трудовых ресурсов; б) перемещение песков, руды в процессе добычи и обогащения; в) транспортировку добытых алмазов в сортировочный центр, отправку в сбытовую организацию и пр.

Группа «АЛРОСА» с дочерними компаниями (АО «Алмазы Анабара», ПАО «Севералмаз») добывает более 90% российских алмазов. По итогам 2021 г. объем составил 32,4 млн карат (из 40,3 млн карат в целом по России)¹. Основные месторождения находятся на территории Республика Саха (Якутия)², где добывается около 80% алмазов (табл. 1).

Общий запас месторождений АК «АЛРОСА» на территории Республики Саха (Якутия) составляет 613,8 млн карат, обеспеченность запасами – около 35 лет. Добыча ценных природных богатств в суровых климатических условиях требует существенных технических, материальных и трудовых ресурсов. В транс-

Таблица 1

Добыча и запасы основных месторождений алмазов Республики Саха (Якутия) (млн карат)

Месторождение (тип)	Запасы*	Добыча в 2021 г.
Трубка Удачная (коренное)	124,6	4,5
Трубка Юбилейная (коренное)	103,6	5,1
Трубка Айхал (коренное)	49,1	2,9
Трубка Интернациональная (коренное)	37,6	2,2
Верхне-Мунское (коренное)	24,7	2,4
Трубка Зарница (коренное)	3,5	0,2
Трубка Ботуобинская (коренное)	65,1	5,7
Трубка Нюрбинская (коренное)	15,1	3,5
Трубка Мир** (коренное)	129,7	–
Нюрбинская россыпь (рассыпное)	8,0	2,8
Россыпь р. Эбелях (рассыпное)	14,4	–

Примечание: * включены категории А+В+С₁ (детально разведанные, предварительно разведанные, разведанные сложного строения и слабо-разведанные); ** разработка приостановлена в 2017 г. в связи с подтоплением, действие лицензии приостановлено до 01.01.2024 г.

Источник: О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2021 г.: государственный доклад. С. 471. URL: <https://www.rosnedra.gov.ru/article/15043.html> (дата обращения: 26.02.2023).

¹ О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2021 г.: государственный доклад. URL: <https://www.rosnedra.gov.ru/article/15043.html> (дата обращения: 26.02.2023).

² Помимо Якутии добыча ведется на объектах месторождения им. М. В. Ломоносова в Архангельской области.

портных схемах доставки оборудования, горюче-смазочных материалов, техники и запасных частей компании используются сложные схемы [Белов, Скрипниченко, 2022]. В период навигации привлекается железнодорожный (до речного порта Осетрово), внутренний водный (до г. Ленск) и автомобильный виды транспорта (проложена сеть грунтовых дорог от г. Ленск до г. Мирный, Удачный, пос. Айхал общей протяженностью 1178 км). Зимой перевозки осуществляются автотранспортом по зимникам (общая протяженность 3042 км) [Саманбетов, 2012]. Срочные грузы (электротехническое оборудование, радиоаппаратура, продукция химической промышленности – около 6–10% общего объема грузов) доставляются воздушным транспортом. Большая часть машин и оборудования перевозится в разобранном виде и собирается по месту работы.

Транспортное обслуживание АК «АЛРОСА» осуществляют в т. ч. дочерние компании: ООО «Алмаздортранс» (автомобильные перевозки), АО «Авиакомпания АЛРОСА» (воздушные перевозки), ООО «Аэропорт Мирный», АО Судоходная компания «АЛРОСА–Лена» (речные перевозки)³.

Транспортное обслуживание непосредственно производственно-сбытового процесса ориентировано в основном на автомобильный, железнодорожный и воздушный виды транспорта (табл. 2).

Выработка песков и руды в производственном процессе на месторождениях компании ежегодно составляет около 30 млн т в год (33,5 млн т в 2021 г.)⁴, что определяет объемы транспортной работы на первых этапах. С расширением использования закрытого способа добычи, увеличением числа месторождений значимость транспортных процессов в деятельности компании возрастает. Од-

новременно растет сложность применяемых при добыче алмазов транспортно-логистических схем обеспечения поставок материально-технических ресурсов и обслуживания производственно-сбытового процесса.

Специфические особенности транспортного обеспечения можно выделить и при обслуживании других отраслей природно-ресурсного сектора (лесозаготовки, золотодобыча, железная руда и др.). Однако, ограничиваясь объемами материала, отметим также более общие тенденции и проблемы транспортного рынка Дальнего Востока, сложившиеся в отношении перевозок ресурсов на современном этапе, а также появившиеся в 2022 г.

К условно «традиционным» проблемам транспортного обеспечения природно-ресурсного сектора можно отнести: а) отсутствие транспортной доступности для вовлечения в хозяйственный оборот ряда месторождений востока страны (Баимское, Таежное, Тарыннахское, Горкитское и пр.); б) дефицит транспортной инфраструктуры (Восточный полигон железных дорог)⁵. При этом дефицит инфраструктурных возможностей транспортного комплекса ДФО в международном направлении ежегодно возрастает, усиливаясь под влиянием изменения внешнеэкономической политики России (поворот на Восток) и санкционного давления западных стран. По итогам 2021 г. дефицит провозных мощностей железной дороги составил по различным оценкам от 70 до 140 млн т⁶.

В течение 2022 г. проявились также новые проблемы обслуживания отраслей природно-ресурсного сектора транспортным комплексом макрорегиона, происходившие на фоне изменения логистических цепочек (невозможность исполь-

³Годовой отчет «АЛРОСА». URL: https://www.akm.ru/upload/akmrating/ALROSA_annual_report_2020.pdf (дата обращения: 28.02.2023).

⁴ Операционные результаты группы «АЛРОСА». URL: <https://www.alrosa.ru/press-center/news/2022/operatsionnye-rezultaty-gruppy-alrosa-za-4-kv-i-12m-2021-g/> (дата обращения: 25.02.2023).

⁵ Подробно см. [Бардаль, 2021].

⁶ Объем неперевезенных по БАМу и Транссибу грузов в 2021 году составил 70 млн тонн. URL: <https://portnews.ru/news/331772/> (дата обращения: 02.02.2023); Дефицит провозной способности Восточного полигона оценивается в 140 млн тонн в год. URL: <https://portnews.ru/news/334975/> (дата обращения: 02.02.2023).

Таблица 2

Транспортное обслуживание отдельных этапов производственно-сбытовых процессов АК «АЛРОСА»

Этап производственно-сбытового процесса		Транспортное обслуживание, применяемые транспортные средства
Добыча	открытым способом	Доставка алмазосодержащего сырья на обогатительные фабрики большегрузными карьерными самосвалами и автопоездами
	подземным способом	Руда из шахты транспортируется до подъемника (скипа) конвейерным транспортом, шахтными электровозами или самосвалами. На поверхности – автотранспортом до обогатительной фабрики
Обогащение		Специальная техника (дробилка, мельница, грохот), конвейерная техника. Сортировка в процессе обогащения с использованием рентгенолюминесцентного сепаратора, пленочной машины
Сортировка		Сортировка как завершающий этап обогатительного процесса (ручной контроль), окончательная – в центре сортировки (г. Мирный, доставка автомобильным/воздушным транспортом*)
Реализация	сбыт	Доставка в Единую сбытовую организацию (г. Москва), затем реализация потребителям в зарубежных странах (воздушный/автомобильный транспорт*)
	огранка, ювелирное производство, сбыт	Доставка на огранку (г. Москва, г. Смоленск, г. Барнаул), ювелирное производство (воздушный/автомобильный транспорт*)

*Примечание: * привлекаются специализированные организации, например, ФГУП «Главный центр специальной связи».*

Источник: ПАО АК «АЛРОСА». URL: <https://alrosadiamond.ru/about/> (дата обращения: 28.02.2023); Годовой отчет «АЛРОСА». URL: https://www.akm.ru/upload/akmrat-ing/ALROSA_annual_report_2020.pdf (дата обращения: 28.02.2023).

зования отдельных объектов транспортной инфраструктуры, переориентация маршрутов при снижении масштабов либо разрыве торговых связей с недружественными странами).

Происходящее привело к обострению конкуренции между грузоотправителями за транспортные мощности Дальнего Востока, усиливающейся под влиянием:

изменения логистических схем внешнеторговых потоков России (в 2022 г. выросли объемы отправок металлов, нефти, лесных грузов, контейнеров (на 56%) из центральных и западных регионов через территорию ДФО в экспортном направлении);

изменения институциональных условий железнодорожного транспорта (отмена правил недискриминационного

доступа, подтверждение на федеральном уровне гарантированных объемов перевозки определенных видов грузов по Восточному полигону для отдельных регионов);

ограничения перевозок при ремонтных «окнах» на железной дороге (продолжаются работы в рамках инвестиционного проекта «Модернизация железнодорожной инфраструктуры Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей с развитием пропускных и провозных способностей»);

заинтересованности транспортных компаний в высокодоходных грузах в ущерб низкодоходным (доходная ставка при перевозке по железной дороге, например, каменного угля в 1,6 раз ниже, чем руды, 2,6 раз – лесных грузов, более

4 раз – металлов);

непредсказуемости режима использования сухопутных пограничных пунктов пропуска (введение временных запретов на перевозки со стороны КНР).

Помимо указанного, происходят существенные изменения тарифных условий железнодорожных перевозок: январь 2022 г. – общее повышение тарифов +6,8% (плановое); июнь 2022 г. – повышение тарифа +11,0% (внеочередное); январь 2023 г. – повышение тарифа +10,0% (базовая индексация и надбавка на капитальный ремонт). Дополнительно для грузов природно-ресурсного сектора проведены следующие изменения тарифов: июнь 2022 г. – отменены понижающие коэффициенты на перевозку угля за дальность (0,4) и при перевозках на экспорт (0,895); январь 2023 г. – отмена понижающего коэффициента на перевозку руд и железорудных концентратов на экспорт на расстояние свыше 5 тыс. км (0,865), вместо этого установлен коэффициент 1,3⁷. Таким образом, затраты на перевозку отдельных видов грузов природно-ресурсного сектора (уголь, руда) существенно возросли.

Заключение

Ресурсные отрасли традиционно представляют собой ядро экономики Дальнего Востока. Наличие транспортных мощностей, обеспечивающих адекватное качество и экономически приемлемые

условия перевозок, – один из базовых факторов функционирования природно-ресурсных отраслей.

Потребности в транспортном обслуживании отдельных компаний определяются спецификой конкретного ресурса, масштабами перевозок, особенностями сложившейся производственно-сбытовой цепочки. Крупные ресурсные компании Дальнего Востока создают собственные транспортные подразделения либо дочерние компании для снижения рисков в процессе перевозки.

На уровне макрорегиона фиксируются как долговременные («традиционные») проблемы обеспечения транспортной доступности перспективных для хозяйственного освоения месторождений и нарастающего дефицита провозных мощностей инфраструктуры, так и новые проблемы современного этапа, формирующиеся вследствие изменения геополитической обстановки. Многоаспектные проявления негативных тенденций в отношении транспортного обслуживания природно-ресурсных отраслей могут сказаться на экономических параметрах их функционирования и нарушить стабильность ядра экономики Дальнего Востока. Это приводит к пониманию необходимости тщательного анализа принимаемых для транспортного комплекса решений и оценке их возможных последствий в межотраслевом срезе.

Список источников:

1. Антонова Н. Е., Бардадь А. Б. Взаимовлияние лесного и транспортного комплексов Дальнего Востока: история вопроса, современные проблемы и возможности развития // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 3 (84). С. 26–35. DOI: 10.22394/1818-4049-2018-84-3-26-35
2. Антонова Н. Е. Национальный лесопромышленный комплекс: изменения в пространственном распределении // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 3. С. 5–20. DOI: 10.14530/reg.2021.3.5
3. Архипова Ю. А., Бардадь А. Б. Минерально-сырьевой потенциал дальневосточных регионов и транспортные ограничения его освоения // География и природные ресурсы. 2020. № 4. С. 170–179. DOI: 10.21782/GiPR0206-1619-2020-4(170-179).
4. Бардадь А. Б. Транспортная система Дальневосточного федерального округа: современное состояние и перспективы Восточного полигона железных дорог // Ре-

⁷ Скорлыгина Н. Тарифы ОАО РЖД вырастут на 10%. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5651246> (дата обращения: 28.02.2023); Хусаинов Ф. Рекордное повышение железнодорожных грузовых тарифов. URL: <https://www.rzd-partner.ru/zhd-transport/opinions/rekordnoe-povyshenie-zheleznodorozhnykh-gruzovykh-tarifov/> (дата обращения: 28.02.2023).

гионалистика. 2021. Т. 8. № 3. С. 21–31. DOI: 10.14530/reg.2021.3.21

5. Белов С. В., Скрипниченко В. А. Направления развития Арктических коммуникаций при освоении месторождений алмазов // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2022. № 6–5 (120). С. 115–119. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.113>

6. Дёмина О. В. Перспективы развития топливно-энергетического комплекса Дальнего Востока в условиях энергоперехода // *Регионалистика*. 2022. Т. 9. № 1. С. 20–33. DOI: 10.14530/reg.2022.1.20

7. Егорова Т. П., Делахова А. М. Оценка транспортно-транзитного потенциала железнодорожной инфраструктуры в зоне экономического развития Южной Якутии // *Уголь*. 2018. № 11 (1112). С. 54–60. DOI: <http://dx.doi.org/10.18796/0041-5790-2018-11-54-60>

8. Зонова О. В., Шевелева О. Б., Слесаренко Е. В. Тренды развития угольной отрасли в условиях внешних шоков // *Уголь*. 2023. № 2. С. 26–30. DOI: 10.18796/0041-5790-2023-2-26-30.

9. Леонтьев Р. Г., Архипова Ю. А. Логистика горного дела (интегрированные системы). Владивосток: изд-во ДВФУ, 2021. 200 с.

10. Ломакина Н. В. Кризис «тотальных санкций»: особенности проявления и потенциального влияния в минерально-сырьевом комплексе Дальнего Востока России // *Регионалистика*. 2022. Т. 9. № 5. С. 32–44. DOI: 10.14530/reg.2022.5.32

11. Наботова М. М., Гончаров А. Е. Логистические схемы ОАО «ГМК «Норильский никель»: транспортные перевозки по Северному морскому пути // *Логистические системы в глобальной экономике*. 2012. № 2. С. 364–370.

12. Саманбетов К. С. Особенности транспортного обеспечения предприятий алмазной отрасли (на примере ОАО «АЛРОСА») // *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2012. № 1 (39). С. 163–166.

13. Сушков А. С., Морковин В. А. Методические основы совершенствования транспортных связей предприятий лесного комплекса. Воронеж: Воронежский гос. Лесотехнический университет, 2016. 154 с.

14. Сушков С. И., Князев А. В., Востриков Д. С. К вопросу использования геосинтетических материалов в строительстве лесных автомобильных дорог // *Воронежский научно-технический вестник*. 2018. Т. 1. № 1 (23). С. 15–21.

References:

1. Antonova N. E., Bardal A. B. (2018) Mutual influence of the forest and transport complexes of the Far East: history of the issue, modern problems and development opportunities *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and management in the East of Russia]. No. 3 (84): 26–35. DOI: 10.22394/1818-4049-2018-84-3-26-35 (In Russ.)

2. Antonova N. E. (2021) National timber industry complex: changes in spatial distribution *Regionalistika* [Regionalistics]. Vol. 8. No. 3: 5–20. DOI: 10.14530/reg.2021.3.5 (In Russ.)

3. Arkhipova Yu. A., Bardal A. B. (2020) Mineral and raw material potential of the Far Eastern regions and transport limitations of its development *Geografiya i prirodnye resursy* [Geography and Natural Resources]. No. 4: 170–179. DOI: 10.21782/GiPR0206-1619-2020-4(170-179). (In Russ.)

4. Bardal A. B. (2021) Transport system of the Far Eastern Federal District: current state and prospects of the Eastern range of railways *Regionalistika* [Regionalistics]. Vol. 8. No. 3: 21–31. DOI: 10.14530/reg.2021.3.21 (In Russ.)

5. Belov S. V., Skripnichenko V. A. (2022) Directions for the development of Arctic communications in the development of diamond deposits *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Scientific Research Journal]. 2022. No. 6–5 (120):

115–119. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.120.6.113> (In Russ.)

6. Demina O. V. (2022) Prospects for the development of the fuel and energy complex of the Far East in the conditions of energy transition *Regionalistika* [Regionalistics]. Vpl. 9. No. 1: 20–33. DOI: 10.14530/reg.2022.1.20 (In Russ.)

7. Egorova T. P., Delakhova A. M. (2018) Evaluation of the transport and transit potential of the railway infrastructure in the economic development zone of South Yakutia *Ugol'* [Coal]. No. 11 (1112): 54–60. DOI: <http://dx.doi.org/10.18796/0041-5790-2018-11-54-60> (In Russ.)

8. Zonova O. V., Sheveleva O. B., Slesarenko E. V. (2023) Trends in the development of the coal industry under external shocks *Ugol'* [Coal]. No. 2: 26–30. DOI: 10.18796/0041-5790-2023-2-26-30. (In Russ.)

9. Leontiev R. G., Arkhipova Yu. A. (2021) Mining logistics (integrated systems). Vladivostok: FEFU publishing house. 200 p. (In Russ.)

10. Lomakina N. V. (2022) The crisis of “total sanctions”: features of manifestation and potential impact in the mineral resource complex of the Russian Far East *Regionalistika* [Regionalistics]. Vol. 9. No. 5: 32–44. DOI: 10.14530/reg.2022.5.32 (In Russ.)

11. Nabotova M. M., Goncharov A. E. (2012) Logistics schemes of OJSC MMC Norilsk Nickel: transportation along the Northern Sea Route *Logisticheskie sistemy v global'noj ekonomike* [Logistic systems in the global economy]. No. 2: 364–370. (In Russ.)

12. Samanbetov K. S. (2012) Features of transport support for diamond industry enterprises (on the example of OJSC ALROSA) *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki* [Scientific and technical statements of the St. Petersburg State Polytechnic University. Economic sciences]. No. 1 (39): 163–166. (In Russ.)

13. Sushkov A. S., Morkovin V. A. (2016) Methodological bases for improving the transport links of forest complex enterprises. Voronezh: Voronezh State Forestry University. 154 p. (In Russ.)

14. Sushkov S. I., Knyazev A. V., Vostrikov D. S. (2018) On the issue of using geosynthetic materials in the construction of forest roads *Voronezhskij nauchno-tekhnicheskij vestnik* [Voronezh Scientific and Technical Bulletin]. Vol. 1. No. 1 (23): 15–21. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.03.2023; одобрена после рецензирования 13.03.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted 01.03.2023; approved after reviewing 13.03.2023; accepted for publication 15.03.2023.

Информация об авторе

А. Б. Бардаль – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН.

Information about the author

A. B. Bardal – Doctor of Economics, Leading researcher, the Economic Research Institute FEB RAS.

Научная статья

УДК 338.4(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2023-102-1-17-33

Топливо-энергетический комплекс Дальнего Востока: трансформация институциональной среды

Галина Николаевна Строева

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия,

gstro@mail.ru

Аннотация. Топливо-энергетический комплекс (ТЭК) является сложным межотраслевым комплексом Дальнего Востока, деятельность которого продолжает ориентироваться на наращивание объемов добычи и экспорта энергоресурсов. Введение санкций против нефтегазового комплекса привели к нарушению логистики экспортных поставок. Начавшийся процесс диверсификации поставок энергоресурсов на быстро развивающийся рынок стран Азиатско-Тихоокеанского региона и внутренний рынок требует реализации инфраструктурных проектов ТЭК по строительству объектов трубопроводного транспорта. Прекращение поставок европейских технологий и оборудования, действующих контрактов на обслуживание поставленной техники, а также запрет на инвестиции обострили проблему технического оснащения и модернизации организаций комплекса. В сложившихся условиях формирование современной институциональной среды становится важным условием повышения эффективности ТЭК и обеспечения эффективного внутреннего спроса на энергоресурсы Дальнего Востока. Решить многие проблемы развития ТЭК можно только путем грамотного сочетания рыночных механизмов саморазвития и эффективных механизмов государственного регулирования. Цель данного исследования – изучение трансформации институциональной среды ТЭК и анализ влияния институтов на развитие комплекса в Дальневосточном федеральном округе. В статье дана характеристика политико-правовых и экономических институтов регулирования и институтов развития, образующих институциональную среду функционирования ТЭК. Систематизированы основные формы и методы государственной поддержки организаций ТЭК. Рассмотрены основные функции ТЭК. Исследование выполнено с применением методов системного и сравнительного анализа.

Ключевые слова: топливо-энергетический комплекс, энергетические ресурсы, энергетика, государственная программа, стратегия, институты

Для цитирования: Строева Г. Н. Топливо-энергетический комплекс Дальнего Востока: трансформация институциональной среды // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 1 (102). С. 17–33. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-17-33>

The fuel and energy complex of the Far East: transformation of the institutional environment

Galina N. Stroevea

The Pacific State University, Khabarovsk, Russia,

gstro@mail.ru

Abstract. The fuel and energy complex (FEC) is a complex inter-industry complex of the Far East, whose activities continue to focus on increasing the volume of

production and export of energy resources. The introduction of sanctions against the oil and gas complex led to a violation of the logistics of export deliveries. The process of diversification of energy supplies to the rapidly developing market of the countries of the Asia-Pacific region and the domestic market that has begun requires the implementation of infrastructure projects of the fuel and energy complex for the construction of pipeline transport facilities. Termination of supplies of the European technologies and equipment, existing contracts for the maintenance of supplied equipment, as well as a ban on investments, exacerbated the problem of technical equipment and modernization of organizations of the complex. The state of the fuel and energy complex of the Far East is characterized by a low level of development and competitiveness of its processing sector. Under the current conditions, the formation of a modern institutional environment is becoming an important condition for improving the efficiency of the fuel and energy complex and ensuring effective domestic demand for the energy resources of the Far East. Many problems of the development of the fuel and energy complex can be solved only through a competent combination of market mechanisms for self-development and effective mechanisms of state regulation. The purpose of this study is to study the transformation of the institutional environment of the fuel and energy complex and analyze the influence of institutions on the development of the complex in the Far-Eastern federal district (FEFD). The article gives description of the political, legal and economic institutions of regulation and development institutions that form the institutional environment for the functioning of the fuel and energy complex. The main forms and methods of state support for organizations of the fuel and energy complex are systematized. The main functions of the fuel and energy complex are considered. The study was performed using the methods of systemic and comparative analysis.

Keywords: fuel and energy complex, energy resources, energy, government program, strategy, institutions

For citation: Stroeveva G. N. The fuel and energy complex of the Far East: transformation of the institutional environment // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 1 (102). Pp. 17–33. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-17-33>

Введение

Топливно-энергетический комплекс (далее – ТЭК) играет важную роль в развитии экономики и формировании комфортных условий жизни населения всех регионов России, удовлетворяя потребности населения и всех хозяйствующих субъектов различными видами топливно-энергетических ресурсов и участвуя в формировании значительной части доходов государственного бюджета. Перед ТЭК поставлена задача не только содействовать социально-экономическому развитию страны, но и помогать другим секторам экономики достигать национальные цели и решать стратегические задачи развития России¹.

Россия входит в число стран, являю-

щихся лидерами по производству и торговле в сфере энергетики. На протяжении длительного периода российский ТЭК удовлетворяет в полном объеме не только внутренние потребности в топливно-энергетических ресурсах, но и покрывает значительную часть потребностей в энергоресурсах многих европейских стран. ТЭК Дальнего Востока, обладающий значительными запасами энергоресурсов, вносит существенный вклад в удовлетворение спроса на эти ресурсы как внутренних, так и внешних потребителей. Повышению роли ТЭК Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) в экономике страны способствует диверсификация поставок энергоресурсов на быстро развивающийся рынок

¹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие энергетики. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 321. URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения 13.02.2023).

стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Начиная с 2014 г. Россия находится под давлением санкционных ограничений, направленных в первую очередь на отрасли экономики, наиболее уязвимые в результате структурных изменений, диспропорций и дисбалансов. Значительная часть санкций направлена против компаний ТЭК [Михайлова, Сидоренко, 2022]. Поэтому государственное регулирование этого комплекса должно способствовать обеспечению его высокой конкурентоспособности на мировом рынке и продуктивного функционирования, максимально эффективного и безопасного использования природных ресурсов, энергетической безопасности страны.

Предприятия ТЭК отличаются от предприятий большинства других отраслей экономики высокой степенью концентрации производственных мощностей, что, с одной стороны, дает им определенные преимущества перед малыми и средними предприятиями, а с другой стороны, создает различные сложности и является одной из причин, обуславливающих необходимость государственного вмешательства в управление комплексом. Обеспечить устойчивое развитие ТЭК можно только путем правильного сочетания рыночных механизмов саморазвития и эффективных инструментов поддержки со стороны государства [Сергеев, Жвакин, 2018].

Обзор литературы

Различные аспекты развития ТЭК в России нашли отражение в трудах многих исследователей. Долгое время считалось, что основным условием экономического роста является наличие у региона природных ресурсов, но практика доказала, что этого недостаточно. Все больше исследователей приходят к выводу, что возможности регионов по обеспечению высоких темпов экономического развития определяются институциональной структурой экономики и качеством институтов. Состояние институциональной среды и наличие специфических институтов, учитывающих особенности ТЭК, все чаще рассматриваются в качестве определяющих факторов его развития и

использования энергетических ресурсов [Крюков, Селезнева, 2013; Дёмина, Гулидов, 2020].

Исследуя процессы трансформации институциональной среды развития ТЭК Дальнего Востока, Дёмина О. В. и Гулидов Р. В. выделили перспективные технологические направления, определяющие материальную основу энергоперехода в России: генерацию на основе возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ) и водородные технологии. Авторы определили факторы, сдерживающие развитие объектов генерации на базе ВИЭ в ДФО: дифференциация государственной поддержки в зависимости от сегментов рынка (благоприятные условия созданы в основном для оптового рынка) и географической локации (ограниченность скромных размеров розничного рынка южными районами округа), относительно низкая коммерческая привлекательность ВИЭ в условиях богатой ресурсной базы органических видов топлива и продолжительный отопительный период [Дёмина, Гулидов, 2020].

Достаточно широко обсуждаются в трудах российских авторов проблемы развития геостратегических территорий страны. Проведя анализ топливно-энергетической базы Республики Саха (Якутия) Ефремов Э. И. пришел к выводу, что эффективным направлением развития ТЭК, отвечающим принципам рыночного устройства производственных отношений, является кластерная структура организации производства, при которой все производственные подразделения, входящие в кластер, поддерживают экономическую самостоятельность и внутрисистемную конкуренцию [Ефремов, 2013]. О факторах, сдерживающих развитие экспортного потенциала ТЭК Сахалинской области, говорится в работе Авдокушина Е. Ф. и Игумнова П. В. [Авдокушин, Игумнов, 2017]. Детальный анализ развития ТЭК в субъектах ДФО проведен в статье Юрченко Н. Ю. и Кулова О. В. [Юрченко, Кулов, 2020].

Отдельно следует отметить работы, посвященные исследованию механизмов государственного регулирования развития ТЭК. Сергеев Н. Н. и Жвакин А. С.

пришли к выводу, что внешняя ориентация ТЭК и развитие его экспортного потенциала во многом определяют характер и выбор механизмов государственного регулирования устойчивого развития комплекса, а также являются инструментом геополитического воздействия на участников мирового хозяйства [Сергеев, 2014; Жвакин, 2018]. Наливайченко Е. В., Волков А. Д. и Тишков С. В. сформировали систему программных инструментов управления ТЭК, а также провели оценку эффективности механизмов государственной поддержки развития комплекса в Арктической зоне России [Наливайченко, Волков, Тишков, 2020].

По мнению ряда авторов, эффективным инструментом повышения конкурентоспособности территорий, экспортно-ориентированных отраслей экономики и развития территориальных экономических объединений, а также драйвером инновационного развития субъектов и отраслей экономики, в том числе ТЭК, является кластерная модель управления [Ефремов, 2013; Батталова, Хасанова, 2016; Галанина, Фролова, 2020].

Многие аспекты развития ТЭК описаны достаточно полно, однако следует отметить недостаточность работ, посвященных оценке эффективности государственного регулирования развития комплекса. Опираясь на гипотезу о наличии устойчивой взаимосвязи между показателями, характеризующими состояние системы управления ТЭК, и показателями, позволяющими оценить динамику развития отраслей ТЭК, Фотина А. В. и Борщевский Г. А. разработали методику количественной оценки результативности государственного управления ТЭК. Авторы предложили использовать для этого два индекса: индекс развития органов государственной власти в ТЭК (исчисляемый по 6 показателям) и индекс развития ТЭК (расчитываемый на основе 17 показателей), а одновременную положительную динамику значений индексов считать признаком эффективного управления [Фотина,

Борщевский, 2018].

Информационная база

Основы государственной энергетической политики, правовые основы и общие принципы организации экономических отношений в сфере электроэнергетики, а также технологические и экономические основы ее функционирования определяет Федеральный закон «Об электроэнергетике». Данный закон разграничивает полномочия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в регулировании отношений в сфере электроэнергетики. В законе также определены требования и правила разработки и утверждения документов стратегического развития электроэнергетики: генеральной схемы размещения объектов электроэнергетики, утверждаемой Правительством РФ; схемы и программы развития электроэнергетических систем России, утверждаемых федеральным органом исполнительной власти, выполняющим функции по разработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере ТЭК².

Возможности экономического роста России, основанные на экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов практически исчерпаны. Появление группы стран-лидеров, ориентированных на использование возобновляемых ресурсов и обладающих новыми производственными технологиями, а также качественное изменение характера энергетических систем, повышение значимости энергооборуженности экономики и наращивание объема выработки и сохранения энергии, ее передачи и использования отнесены в Стратегии научно-технологического развития (далее – НТР) к группе наиболее значимых для научно-технологического развития России вызовов. Поэтому в качестве одного из приоритетных направлений НТР РФ обозначен переход к экологически чистой и ресурсосберегающей

² «Об электроэнергетике». Федеральный закон Российской Федерации (действующая редакция от 1 января 2023 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/420384257?marker=6580IP> (дата обращения: 13.02.2023).

энергетике, повышение эффективности добычи и глубокой переработки углеводородного сырья, формирование новых источников, способов транспортировки и хранения энергии³.

С целью сокращения различий в уровне социально-экономического развития различных регионов страны, ускорения темпов экономического роста и технологического развития, а также укрепления единства экономического пространства страны в Стратегии пространственного развития России выделены геостратегические территории. Под геостратегической территорией понимается «территория в границах одного или нескольких субъектов РФ, имеющая значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности РФ, характеризующаяся специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности»⁴. Все субъекты РФ, входящие в ДФО, включены в перечень приоритетных геостратегических территорий России. В округе расположены 2 из 4-х минерально-сырьевых центра России: в Республике Саха (Якутия) и Сахалинской области. К числу наиболее серьезных изменений в территориальной организации российской экономики относится перемещение производств по добыче углеводородного сырья в малоосвоенные территории Восточной Сибири и Дальнего Востока и акватории шельфов Дальневосточного и Арктического бассейнов. Формирование и развитие минерально-сырьевых центров является одним из условий сокращения уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов РФ и повышения национальной безопасности страны⁴.

Развитие геостратегических территорий рассматривается во многих документах стратегического планирования как важное условие достижения национальных целей, реализации стратегических задач социально-экономического развития России и обеспечения ее экономической безопасности. Так, в Стратегии экономической безопасности РФ приоритетное развитие таких территорий обозначено в качестве одной из задач обеспечения сбалансированного пространственного развития страны. Изменение структуры мирового спроса на энергоресурсы и структуры их потребления, развитие энергосберегающих и «зеленых технологий», снижение материалоемкости продукции; исчерпание экспортно-сырьевой модели экономического развития экономики страны; истощение ресурсной базы топливно-сырьевых отраслей в связи с исчерпанием действующих месторождений в Стратегии экономической безопасности отнесены к основным угрозам и вызовам экономической безопасности России⁵. В этом же документе комплексное развитие энергетической инфраструктуры, внедрение перспективных энергосберегающих технологий, повышение эффективности переработки энергоресурсов и диверсификация направлений их экспорта с учетом мировых тенденций перехода на низкоуглеродную экономику обозначено в качестве одной из основных задач развития реального сектора экономики.

Уникальность экономико-географического положения, обусловленная непосредственной близостью к активно развивающемуся и самому большому в мире рынку Азиатско-Тихоокеанского региона и крупнейшими в мире запасами природных ресурсов, в национальной програм-

³ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 года № 642. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420384257?marker=6580IP> (дата обращения: 13.02.2023).

⁴ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 года № 207-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/552378463> (дата обращения: 13.02.2023).

⁵ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Указ президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года №208. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/strateg_planirovanie/dokumenty_strategicheskogo_planirovaniya/ (дата обращения: 13.02.2023).

ме социально-экономического развития Дальнего Востока отнесены к ключевым конкурентным преимуществам, а слабое развитие энергетической инфраструктуры и высокие тарифы на энергоресурсы – к основным факторам, сдерживающим реализацию крупных инвестиционных проектов в округе. В планах развития экономики округа по-прежнему сохраняется инерционная модель развития, ориентированная в первую очередь на экстенсивное развитие добывающих отраслей и экспорт их продукции⁶.

Приоритеты, цели, направления, задачи и основные инструменты государственной политики в сфере ТЭК определены в основных документах стратегического планирования: Доктрине энергетической безопасности⁷ и Энергетической стратегии РФ⁸.

Инструментами реализации Стратегий являются Государственные программы (далее – Госпрограммы). На развитие ТЭК в России направлена реализация Госпрограммы «Развитие энергетики» (до 2019 г. она называлась «Энергоэффективность и развитие энергетики»). В госпрограмме выделены специфические для ТЭК страны проблемы: текущий и перспективный объем спроса на внутреннем рынке на основные виды продукции ТЭК является недостаточным для его инновационного развития, что обостряет зависимость комплекса от объема спроса и конъюнктуры мировых рынков традиционных энергоресурсов; критическая зависимость организаций ТЭК от импортных технологий, программного обеспечения, оборудования и материалов; дефицит инвестиционных ресурсов⁹.

Анализ состояния ТЭК ДФО проведен по официальным данным Федеральной

службы государственной статистики.

Институциональная среда ТЭК

Институциональную среду функционирования ТЭК образуют политико-правовые и экономические институты, институты, обеспечивающие развитие человеческого капитала, и институты развития. Под институтами понимается совокупность формальных и неформальных правил и организаций, разрабатывающих формальные правила и осуществляющих контроль за их соблюдением. На рисунке 2 представлены основные элементы институциональной среды ТЭК Дальнего Востока.

Политический институт можно определить как совокупность устойчивых правил, на основании которых осуществляется публичная власть, функционируют и реализуют свои цели ведущие субъекты управленческого процесса [Жабров, 2020]. Основными политическими институтами регулирования ТЭК являются Правительство РФ, правительства субъектов РФ, институты исполнительной власти. Обязанности органов исполнительной власти по регулированию ТЭК можно разделить на три блока: планирование, регулирование и контроль [Борщевский, 2018].

Правовые, экономические и организационные основы государственной энергетической политики РФ определены в ФЗ «Об электроэнергетике», в соответствии с которым государство должно:

принимать нормативные правовые акты в области государственного регулирования отношений в сфере электроэнергетики;

проводить оценку применения обязательных требований, содержащихся в нормативных правовых актах в сфере

⁶ Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2020 г. № 2464-р. URL: <http://government.ru/news/40487/> (дата обращения: 13.02.2023).

⁷ Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. N 216. URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 13.02.2023).

⁸ Об утверждении Энергетической стратегий Российской Федерации на период до 2035 года. Распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2020 г. № 1523-р. URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 13.02.2023).

⁹ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие энергетики». Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года №321. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/821/events/> (дата обращения: 13.02.2023).

Нормативно-правовая база					
Федеральные законы		Административные регламенты		Нормативно-правовые акты	Разъяснения
Документы стратегического планирования					
Стратегии	Национальные проекты	Прогнозы	Национальные программы	Госпрограммы РФ, субъектов РФ	Муниципальные программы
Формы и методы государственного регулирования					
Форма			Метод		
Финансовая – оказание финансовой поддержки предприятиям ТЭК		Установление пониженных таможенных тарифов			
		Оптимизация налоговой нагрузки (установление льготных ставок по налогам)			
		Предоставление субсидий и иных межбюджетных трансфертов			
		Совершенствование ценовой политики			
		Льготное кредитование			
		Предоставление бюджетных ссуд			
		Конкурс грантов			
		Государственные закупки			
Имущественная – предоставление прав на пользование государственным имуществом		Государственно-частное и муниципально-частное партнерство			
		Передание во временное пользование или владение зданий, сооружений, оборудования			
Информационная – создание и обеспечение функционирования федеральных, региональных и муниципальных информационных систем		Передание во временное пользование или владение земельных участков			
		Организация и проведение выставок и ярмарок			
		Организация и проведение конкурсов реализованных проектов в области энергосбережения, повышения энергоэффективности и развития энергетики ENES			
Консультационная – консультации по вопросам разработки региональных и муниципальных программ развития ТЭК, подготовки заявок на гранты		Организация и проведение конкурса средств массовой информации и пресслужб компаний топливно-энергетического комплекса «МедиаТЭК»			
		Сбор и предоставление сведений в государственную информационную систему в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности			
		Создание и обеспечение деятельности организаций, оказывающих консультационные услуги			
Подготовка и повышение квалификации кадров		Оказание консультативной помощи муниципальным образованиям субъектов РФ при разработке и реализации муниципальных программ			
		Оказание консультативной помощи предприятиям ТЭК при подготовке заявок на гранты			
		Создание условий для подготовки кадров для предприятий ТЭК			
		Разработка образовательных программ (например, программ повышения квалификации специалистов в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности), учебно- и научно-методическая помощь			
Институты развития ТЭК					
Органы исполнительной власти		Фонды		Организации	
Правительство РФ Правительства субъектов РФ Министерство энергетики РФ Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики Комиссия при Президенте РФ по вопросам стратегии развития ТЭК и экологической безопасности Правительственная комиссия по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока Министерства субъектов РФ Комитеты субъектов РФ		АО «Фонд развития Дальнего Востока и Арктики» (ФРДВА) (ранее – Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона, сейчас ВЭБ.ДВ)		АНО «Агентство Дальнего Востока по привлечению инвестиций и поддержке экспорта» Межрегиональная Ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Дальний Восток и Забайкалье» АО «Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики» Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт систем энергетики им. Л.А. Мелентьева Сибирского отделения РАН Федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования» Некоммерческое партнерство «Национальная ассоциация водородной энергетики» и др.	

Рис. 2. Основные элементы институциональной среды ТЭК Дальнего Востока (разработано автором)

электроэнергетики;

разрабатывать документы перспективного развития электроэнергетики и обеспечивать их реализацию для своевременного удовлетворения потребностей населения и хозяйствующих субъектов в электрической энергии;

разрабатывать и реализовывать госпрограммы, содержащие мероприятия по развитию электроэнергетики;

контролировать соблюдение государственных стандартов в области энергетической безопасности.

Разработкой и реализацией государственной энергетической политики, а также регулированием деятельности ТЭК занимается Министерство энергетики РФ (Минэнерго России) – федеральный орган исполнительной власти. Министерство энергетики РФ разрабатывает проекты федеральных законов, нормативных правовых актов, государственных программ (законодательная функция); обеспечивает исполнение нормативных правовых актов, выполнение госпрограмм (исполнительная функция); контролирует исполнение мероприятий, «дорожных карт» в госпрограммах, направленных на развитие ТЭК (контрольная функция); занимается сбором, обработкой и внесением информации о работе ТЭК в государственную информационную систему ТЭК (информационная функция); осуществляет свою деятельность через подведомственные организации, взаимодействуя с исполнительными органами субъектов РФ, органами местного самоуправления, общественными объединениями и иными организациями (координационная функция)¹⁰.

Государственная энергетическая политика на всех уровнях государственного управления реализуется с помощью законодательных и нормативных правовых актов. Утвержденная Правительством РФ

«Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года» является основным документом стратегического планирования, которым должны руководствоваться федеральные органы исполнительной власти при разработке госпрограмм и других документов стратегического планирования.

В Федеральном законе «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» конкретизированы задачи по энергосбережению и повышению энергетической эффективности, сформулированы основные принципы правового регулирования в данной области, а также определены полномочия органов власти всех уровней управления в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности¹¹. В соответствии с данным законом органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления отвечают за разработку и реализацию региональных и муниципальных программ в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности.

Экономические институты – это нормы и правила, регулирующие отношения собственности, распределения и обмена. Экономическим институтом является законодательство, обеспечивающее устойчивое функционирование и развитие национальной экономики, экономический рост и структурную модернизацию экономики¹².

К экономическим институтам, стимулирующим развитие ТЭК, относятся оптимизация налоговой нагрузки на организации комплекса, снижение таможенных тарифов, предоставление субсидий (один из основных механизмов реализации госпрограммы «Развитие энергетики»), создание государственно-

¹⁰ О Министерстве энергетики Российской Федерации. Постановление Правительства РФ от 28 мая 2008 года № 400. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902103299> (дата обращения: 13.02.2023).

¹¹ Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 23 ноября № 261-ФЗ URL: <https://docs.cntd.ru/document/902186281> (дата обращения: 13.02.2023).

¹² Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 года № 1662-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902130343> (дата обращения: 13.02.2023).

частных и муниципально-частных партнерств и др.

В 2013 г. в первую и вторую главу Налогового кодекса РФ были внесены изменения, направленные на стимулирование реализации инвестиционных проектов в ДФО. Расширению минерально-сырьевой базы, поиску новых месторождений энергоресурсов способствуют такие преференциальные меры для минерально-сырьевых проектов, как введение понижающего коэффициента для налога на добычу полезных ископаемых на 10 лет (от 0 в первые 24 месяца до 0,8 в последние 24 месяца с шагом в 0,2 каждые два года). Воспользоваться этой льготой могут организации, получившие статус «участник регионального инвестиционного проекта» и реализующие такие проекты на территории любого субъекта РФ, входящего в ДФО¹³. В 2014 г. была утверждена методика отбора инвестиционных проектов для их реализации на территории Дальнего Востока и Арктической зоны России¹⁴.

К экономическим институтам, сдерживающим развитие и снижающим эффективность организаций комплекса, относятся установление предельных цен на электроэнергию, ужесточение экологических требований, ограничения на экспорт, лицензирование энергосбытовой деятельности и др.

Институты развития – это организационно-экономические структуры, деятельность которых направлена на решение специфических проблем экономического роста в конкретных условиях. Институты развития представляют собой объединения органов исполнительной власти, финансовых институ-

тов, бизнеса, образовательных и научно-исследовательских институтов, экспертного сообщества и выполняют различные функции. Так, Комиссия при Президенте РФ по вопросам стратегии развития ТЭК и экологической безопасности занимается координацией деятельности органов исполнительной власти всех уровней управления и юридических лиц в сфере развития ТЭК, обеспечения энергетической и промышленной безопасности, эффективного воспроизводства и рационального использования минерально-сырьевых ресурсов¹⁵.

Институты развития в основном занимаются поддержкой развития отдельных регионов (региональные институты развития) и отдельных видов экономической деятельности (отраслевые институты развития), осуществлением операций определенного типа (специализированные институты развития). Например, одна из задач АО «Фонд развития Дальнего Востока и Арктики» – финансирование крупных промышленных и инфраструктурных проектов на Дальнем Востоке и в Арктике путем предоставления займов на льготных условиях и осуществления прямых инвестиций.

Однако существуют и универсальные институты развития, способные обеспечить интересы государства и хозяйствующих субъектов в различных сферах. К ним относятся: многопрофильные научно-исследовательские организации, высшие учебные заведения, инвестиционные и венчурные фонды, ассоциации, партнерства и др. [Хасанов, 2009].

Отличительной особенностью государственного управления ТЭК является его многоаспектный и многосубъектный ха-

¹³ О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части стимулирования реализации региональных инвестиционных проектов на территориях Дальневосточного федерального округа и отдельных субъектов Российской Федерации. Федеральный закон от 30.09.2013 № 267-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152473/ (дата обращения: 13.02.2023).

¹⁴ Об утверждении методики отбора инвестиционных проектов, планируемых к реализации на территории Дальнего Востока и Арктической зоны Российской Федерации. Постановление Правительства Российской Федерации от 16 октября 2014 года № 1055 (с изменениями на 28 декабря 2021 года). URL: <https://docs.cntd.ru/document/420227998> (дата обращения: 13.02.2023).

¹⁵ О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам стратегии развития топливно-энергетического комплекса и экологической безопасности. Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 2012 г. № 859. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102415903&backlink=1&&nd=102157825> (дата обращения: 13.02.2023).

ракти. В состав субъектов управления ТЭК входят не только исполнительные органы власти всех уровней управления, но и специальные субъекты государственного управления – Государственные корпорации «Росатом» и «Ростех». Госкорпорация «Росатом» решает задачи по развитию атомной энергетики и организаций ядерного топливного цикла и обеспечению национальной безопасности. Одна из основных задач государственной корпорации «Ростех» – оказывать содействие организациям ТЭК в разработке и производстве высокотехнологичной продукции, проведении перспективных исследований и развитии технологий.

На формирование институциональной среды ТЭК также оказывают влияние специфический характер его активов и устойчивый характер технологических связей на протяжении всей цепочки переработки и использования добываемых полезных ископаемых. Специфически считаются активы, которым трудно найти адекватную замену на рынке и которые можно использовать только в определенном производстве (например, нефтяные скважины, оборудование нефтеперерабатывающих заводов, нефте- и газопроводы). Поэтому для отраслей ТЭК характерными формами интеграции являются не только интеграция в рамках двух- и многосторонних контрактов, но и интеграция собственности [Крюков, Селезнева, 2013].

Развитие ТЭК Дальнего Востока

ДФО – это самый большой по площади территории (40,6% от всей территории страны) и самый малочисленный (5,6% населения страны) округ России. Основная часть населения округа (52%) проживает в трех из одиннадцати субъектов РФ, входящих в ДФО: Приморском, Хабаровском и Забайкальском крае. Округ отличается сложными природно-климатическими условиями, неравномерностью размещения населенных пунктов по его территории, наличием малоосвоенных и совсем

«пустых» участков. Часть территории Республики Саха (Якутия) и Чукотский автономный округ включены в состав Арктической зоны России.

ТЭК Дальнего Востока – это сложный межотраслевой комплекс, в состав которого входят отрасли, занимающиеся добычей полезных ископаемых, производством кокса и нефтепродуктов; производством, передачей и распределением электроэнергии, пара и горячей воды; производством и распределением газообразного топлива. Основу развития ТЭК округа составляет ресурсная база. Округ обладает богатыми запасами полезных ископаемых и относится к группе крупных минерально-сырьевых регионов России. На территории округа находятся значительные запасы энергоресурсов: свыше 5% от общероссийских запасов нефти, 6% – газа и 49% – угля¹⁶. Основные центры добычи нефти и газа расположены в Республике Саха (Якутия) и на Сахалине.

Объемы добычи энергоресурсов на территории округа ежегодно растут, причем темпы их роста в округе постоянно превышают среднероссийские показатели. За 2013–2020 гг. объем добычи угля вырос в 2,53, нефти – 1,56 и газа – 1,57 раза, что привело к увеличению доли ДФО в общем объеме производства угля с 9,28% до 18,94%, нефти – с 4,13% до 6,42% и газа – с 4,61% до 6,32%. В структуре отгруженной продукции добывающей промышленности округа преобладают топливно-энергетические полезные ископаемые, их доля сократилась с 64,9% в 2013 г. до 62,1% в 2021 г. (доля нефти и газа в 2021 г. составила 48,4%, а угля – 13,7%)¹⁷.

Переработкой нефти на Дальнем Востоке занимаются два крупных завода: АО «ННК-Хабаровский нефтеперерабатывающий завод» (мощность по переработке сырья 5 млн тонн в год) и ООО «РН-Комсомольский НПЗ» (мощность по переработке сырья 8,5 млн тонн в год) и

¹⁶ Справка о состоянии и перспективах использования минерально-сырьевой базы Дальневосточного федерального округа на 15.03.2021 г. URL: <https://www.rosnedra.gov.ru/page/516.html> (дата обращения: 25.02.2023).

¹⁷ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014, 2022. URL: <https://www.rosnedra.gov.ru/page/516.html> (дата обращения: 25.02.2023).

мини-НПЗ компании «Петросах» на Сахалине. Доля производства кокса и нефтепродуктов в объеме отгруженной продукции обрабатывающей промышленности ДФО сократилась с 10,6% в 2013 г. до 4,9% в 2021 г.

Обеспеченность значительными запасами энергоресурсов и доступ к динамично развивающемуся рынку Азиатско-Тихоокеанского региона определяют стратегическую направленность деятельности организаций дальневосточного ТЭК на наращивание объемов добычи и экспорта энергоресурсов. В Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья обеспечение экспорта электроэнергии в страны Северо-Восточной Азии (в первую очередь в Китай) обозначено в качестве важного направления развития электроэнергетики этого макрорегиона.

Транспортировка нефти из Восточной Сибири на Дальний Восток и в страны Азиатско-Тихоокеанского региона осуществляется по магистральному нефтепроводу «Восточная Сибирь – Тихий океан», проходящему по территории Республики Саха (Якутия), Амурской области, Хабаровского и Приморского края.

Транспортировка газа с Ковыктинского месторождения в Иркутской области и Чаандинского в Республике Саха (Якутия) на внутренний рынок Дальнего Востока и в Китай ведется по магистральному газопроводу «Сила Сибири» («восточный» маршрут). Экспортная мощность газопровода – 38 млрд м³ в год.

Электроэнергетика входит в состав ведущих отраслей экономики ДФО. Энергосистемы субъектов РФ, входящих в ДФО, относятся к трем группам энергосистем страны. Первая группа – энергосистемы Республики Бурятия и Забайкальского края, входящие в состав объединенной энергосистемы Сибири, работающей в первой синхронной зоне Единой энергосистемы России. Республика Бурятия и Забайкальский край относятся к ценовым зонам оптового рынка, где действуют рыночные механизмы привлечения инвестиций.

Вторая группа – энергосистемы южной, центральной и западной части Ре-

спублики Саха (Якутия), Амурской области, Хабаровского края, Еврейской автономной области и Приморского края, образующие объединенную энергосистему Востока. Значительная часть генерирующих мощностей этой системы удалена от районов, в которых расположены потребители основных объемов электроэнергии. Энергосистемы данных субъектов РФ относятся к неценовым зонам оптового рынка. Здесь действуют целевые механизмы государственной поддержки строительства новых генерирующих объектов, обусловленные недостаточным развитием магистральных сетей, и осуществляется регулирование тарифов, связанное с необходимостью поддержания низкого уровня цен для потребителей.

Основные проблемы развития энергосистемы Востока, препятствующие повышению надежности электроснабжения отдельных территорий округа и эффективности работы энергосистемы в целом, связаны с ограничениями выдачи мощности электростанций и недостаточной пропускной способностью межсистемных линий электропередачи. Отдельно следует отметить Еврейскую автономную область, энергосистема которой полностью зависит от внешних поставок электроэнергии и топлива, так как на ее территории нет собственных источников генерации электроэнергии и добычи топливно-энергетических ресурсов.

Третья группа – изолированно работающие Магаданская, Чукотская, Камчатская и Сахалинская энергосистемы, зона децентрализованного электроснабжения арктических и северных территорий Республики Саха (Якутия). Главная проблема этих энергосистем – высокая стоимость электроэнергии для потребителей, обусловленная высокой стоимостью привозного топлива и необходимостью содержать повышенный резерв мощности для обеспечения необходимого уровня надежности электроснабжения. Высокие тарифы на электроэнергию являются одним из основных факторов, сдерживающих развитие реального сектора экономики в этих регионах. Реализация инвестиционных проектов по развитию

энергетики в территориально изолированных энергосистемах финансируется за счет бюджетных средств и является предметом особого внимания федеральных органов исполнительной власти.

Неравномерность размещения энергоресурсов по территории округа стала фактором, определяющим особенности пространственной организации энергетической инфраструктуры. В энергосистеме Сибири преобладают гидроэлектростанции, на территории объединенной энергосистемы Востока – тепловые электростанции. Гидроэлектростанциями Дальнего Востока производится примерно 54% электроэнергии, теплоэлектростанциями – около 46%, доля Билибинской атомной электростанции, расположенной в Чукотском автономном округе, и электростанций, использующих возобновляемые источники энергии, – не превышает 0,6%.

Лидером по производству электроэнергии в округе является Амурская область. Мощность электростанций области выросла с 3,8 млн кВт в 2013 г. до 4,4 млн кВт в 2021 г. и составила 21% от мощности всех электростанций округа. В 2021 г. электростанциями области было произведено свыше 26% общего объема электроэнергии в округе (в 2013 г. – 21,6%). Вторые по величине мощности

электростанции находятся в Республике Саха (Якутия), их доля, несмотря на рост с 2,8 млн кВт в 2013 г. до 3,2 млн кВт в 2021 г., не превысила уровень 2013 г. и составила 15,3%, при этом по объему производства электроэнергии Республика находится только на третьем месте, незначительно отставая от Приморского края. В целом за 2013–2021 гг. мощности электростанций и объем производства электроэнергии в ДФО выросли на 14%, а в среднем по РФ – на 12 и 9% соответственно. В двух регионах округа отмечается сокращение объема производства электроэнергии: в Республике Бурятия – на 13% и Забайкальском крае – на 4% от уровня 2013 г. На 25% выросло производство электроэнергии в Амурской и Сахалинской областях¹⁸.

Важным показателем обеспечения экономической безопасности территории является энергоемкость ВРП. Энергоемкость ВРП включена в состав целевых индикаторов региональных программ развития энергетики пяти субъектов РФ, входящих в ДФО: Забайкальского края, Амурской области, Приморского края, Чукотского автономного округа и Хабаровского края. Постепенное снижение энергоемкости ВРП наблюдается во всех регионах Дальнего Востока (табл. 1).

Таблица 1

**Энергоемкость ВРП в текущих ценах,
кг условного топлива/на 10 тыс. рублей**

Субъект РФ	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Республика Бурятия	332,69	184,69	174,79	156,93	164,86	140,83	119,95	108,83
Республика Саха (Якутия)	112,11	96,81	82,91	82,09	65,51	57,17	58,42	63,49
Забайкальский край	197,95	189,75	178,75	157,02	140,72	128,57	117,04	99,86
Камчатский край	153,01	139,39	87,25	66,69	66,90	64,89	62,15	55,76
Приморский край	172,10	167,67	128,93	112,19	105,51	102,45	87,66	83,72
Хабаровский край	146,23	136,08	120,88	124,14	119,73	109,34	101,53	91,43
Амурская область	228,34	191,14	166,00	155,37	156,05	144,80	128,38	108,17
Магаданская область	134,76	129,77	84,55	70,27	74,89	71,80	68,06	53,78
Сахалинская область	56,19	48,65	49,49	63,38	62,78	40,45	44,32	51,21
Еврейская автономная область	165,19	166,34	145,16	130,36	120,23	135,44	128,40	115,97
Чукотский автономный округ	192,68	178,97	155,67	123,36	123,94	108,64	86,38	67,86

Источник: данные Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11189> (дата обращения: 25.02.2023).

¹⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014, 2022. URL: <https://www.gosnedra.gov.ru/page/516.html> (дата обращения 25.02.2023).

ТЭК играет важную роль в социально-экономическом развитии Дальнего Востока, выполняя различные функции (рис. 2).

Социальная функция ТЭК заключается: в обеспечении занятости населения путем создания рабочих мест; развитии и повышении качества человеческого потенциала; повышении уровня и качества жизни населения за счет предоставления качественных услуг по электро-, тепло- и газоснабжению населения и производства, создания комфортных условий жизни и труда; повышении уровня социальной стабильности с помощью достойной оплаты труда работников и выплат социального характера.

В организациях ТЭК работает около 8% от общей численности населения, занятого в экономике Дальнего Востока. Работники организаций, занятых добычей полезных ископаемых, имеют самую высокую среднемесячную заработную плату в ДФО (в 2020 г. она составила 116 721 руб., что в 1,9 раза выше средней заработной платы по округу – 60 358 руб.), на втором месте находятся

организации, производящие кокс и нефтепродукты (91 403 руб.) и только 10-е место занимают организации, обеспечивающие потребителей электрической энергией, газом и паром (62 105 руб.)¹⁹.

Экономическая функция ТЭК состоит в своевременном и полном удовлетворении потребностей всех потребителей в топливно-энергетических ресурсах, формировании бюджетных доходов, обеспечении безопасного развития экономики страны и ее регионов.

Основным источником бюджетных доходов большей части субъектов РФ является налог на доходы физических лиц. Выплачивая своим работникам заработную плату значительно выше средней заработной платы по округу, организации ТЭК обеспечивают формирование существенной части поступлений в бюджет данного налога.

Подавляющее большинство организаций ТЭК, ведущих деятельность на территории округа, – это в основном подразделения вертикально-интегрированных крупных нефтяных компаний и транснациональных корпораций, не являю-

Рис. 2. Основные функции топливно-энергетического комплекса

¹⁹ Труд и занятость в России 2021 г. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_36/Main.htm (дата обращения: 23.02.2023).

щихся резидентами региональной экономики. Все доходы от внешнеэкономической деятельности и практически все налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами поступают в федеральный бюджет.

Несмотря на то, что ТЭК продолжает формировать основную часть экспортной продукции, его доля в товарной структуре экспорта ДФО постепенно сокращается: если в 2013 г. она составляла почти 67%, то в 2021 г. только 49,8%²⁰.

Экологическая функция связана с тем, что побочным негативным результатом деятельности организаций ТЭК является загрязнение окружающей среды и разрушительное воздействие на природу, особенно в процессе добычи угля открытым способом и нефтедобычи. Деятельность по обеспечению экологической безопасности должна обеспечить приближение к мировым экологическим стандартам в сфере добычи и обращения углеводородов; способствовать сохранению экологического равновесия морской и геологической сред в районах добычи и транспортировки нефтепродуктов; ограничить нагрузку ТЭК на окружающую среду. В Энергетической стратегии РФ поставлены задачи и прописаны меры по охране окружающей среды и противодействию изменениям климата.

Правительством РФ принят ряд важных документов в области экологического развития страны и предотвращения изменения климата. Подписав 21.09.2019 г. Постановление № 1228 Правительство РФ признало текущие обязательства России по Рамочной конвенции ООН об изменении климата²¹. Указом Президента РФ № 666 от 4 ноября 2020 г. поставлена задача сокра-

тить выброс парниковых газов к 2030 г. до 70% от уровня 1990 г.²². В июле 2021 г. принят закон «Об ограничении выбросов парниковых газов»²³, а в феврале 2022 г. утверждена «Федеральная научно-техническая программа в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений на 2021-2030 годы»²⁴.

Заключение

Территориальная структура Дальнего Востока характеризуется преобладанием точечного расселения и размещения производительных сил, неразвитостью транспортной и энергетической инфраструктуры, что должно учитываться при разработке и реализации государственной политики по развитию ДФО. ТЭК Дальнего Востока не является единой технологической системой. Пространственные условия использования топливно-энергетических ресурсов отличаются значительной дифференциацией, наличием автономных энергорайонов и пунктов изолированного энергообеспечения.

Преобразования институциональной среды ТЭК направлены на приведение ее в соответствие с тенденциями глобального энергоперехода. Государственное управление ТЭК отличается наличием разветвленной системы субъектов государственного управления, к числу которых относятся не только органы исполнительной власти, но и специфические субъекты государственного управления, целенаправленно занимающиеся проблемами Дальнего Востока. В отраслевые государственные программы и стратегии добавлены разделы, посвященные ДФО.

Цель экономического развития Дальнего Востока – стать конкурентоспособ-

²⁰ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014, 2022...

²¹ О принятии Парижского соглашения. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2019 года № 1228. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561281256> (дата обращения: 13.02.2023).

²² О сокращении выбросов парниковых газов. Указ Президента РФ от 4 ноября 2020 года № 666. URL: <https://docs.cntd.ru/document/566191878> (дата обращения: 23.02.2023).

²³ Об ограничении выбросов парниковых газов. Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ URL: <https://docs.cntd.ru/document/607142402> (дата обращения: 23.02.2023).

²⁴ Об утверждении Федеральной научно-технической программы в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений на 2021-2030 годы. Постановление Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2022 года N 133. URL: <https://docs.cntd.ru/document/728142472> (дата обращения: 23.02.2023).

ным регионом, в диверсифицированной экономике которого преобладают высокотехнологичные производства, поставляющие на экспорт товары с высокой добавленной стоимостью²⁵. Однако существенно сократить долю энергоресурсов в общем объеме экспорта ДФО, несмотря на все институциональные преобразования, пока не удалось. Экспортно-сырьевая ориентация ТЭК делает его и экономику округа уязвимыми от изменений внешнеполитической обстановки и спроса на мировом рынке.

В настоящее время сформированы основные элементы нормативной правовой базы, регулирующей отношения

в ТЭК. Дальний Восток стал регионом, в котором действуют практически все возможные механизмы регулирования и поддержки ТЭК. Но есть проблемы с оценкой эффективности реализации государственной политики в сфере энергетики. Ограниченность официально публикуемых статистических данных о результатах деятельности ТЭК по субъектам РФ и отдельным отраслям комплекса, а также отсутствие единого набора целевых показателей в региональных программах развития энергетики затрудняют проведение сравнительного анализа развития ТЭК в территориальном и отраслевом разрезе.

Список источников:

1. Авдокушин Е. Ф., Игумнов П. В. Азиатский вектор развития энергетического комплекса Сахалинской области // *Власть и управление на Востоке России*. 2017. № 3 (80). С. 8–19. DOI 10.22394/1818-4049-2017-80-3-8-19.
2. Батталова А. А., Хасанова Г. Ф. Механизм создания топливно-энергетического кластера // *Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ»*. 2016. Том 8, №3. <http://naukovedenie.ru/PDF/52EVN316.pdf> (доступ свободный).
3. Борщевский Г. А. Оценка деятельности государственных органов по развитию топливно-энергетического комплекса // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2018. Том 10, № 3. С. 439–465. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-3-439-465.
4. Галанина Т. В., Фролова К. О. Развитие кластерного управления топливно-энергетическим комплексом (на примере Кемеровской области – Кузбасса) // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2020. №7. С. 58–63.
5. Дёмина О. В., Гулидов Р. В. Трансформация ТЭК Дальнего Востока в условиях глобального энергоперехода: роль институтов // *Власть и управление на Востоке России*. 2022. № 4 (101). С. 15–31. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-101-4-15-31.
6. Ефремов Э. И. Топливо-энергетическая база формирования регионального энергетического кластера в республике Саха (Якутия) // *Экономический анализ: теория и практика*. 2014. №39 (390). С. 33–40.
7. Жабров А. В. Политические институты: эволюция представлений и интерпретаций // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»*. 2022. №3. С. 28–45. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-28-45.
8. Крюков В. А., Селезнева О. А. Нефтегазовые ресурсы в меняющейся институциональной среде // *Экономический журнал ВШЭ*. 2013. № 3 С. 433–458.
9. Михайлова С. М., Сидоренко Г. Г. Санкции – последствия, пути решения для компаний топливно-энергетического комплекса // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2022. № 4. С. 223–229. DOI: 10.22394/2079-1690-2022-1-4-223-229.
10. Наливайченко Е. В., Волков А. Д., Тишков С. В. Программные инструменты управления развитием топливно-энергетического комплекса Арктической зоны России // *Экономика строительства и природопользования*. 2020. № 3 (76). С. 55–66.

²⁵ *Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа»*. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 308. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499091773?marker=652> ОИМ (дата обращения: 13.03.2023).

DOI 10.37279/2519-4453-2020-3-55-66.

11. Сергеев Н. Н., Жвакин А. С. Механизмы государственного регулирования устойчивого развития топливно-энергетического комплекса // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2018. Том 10, № 2. С. 217-234. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-1-217-234.

12. Фотина Л. В., Борщевский Г. А. Методология оценки государственного управления и государственной службы в топливно-энергетическом комплексе России // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2018. №8(122). С. 55–63.

13. Хасанов И. Ф. Международный опыт создания и функционирования институтов развития / *Транспортное дело России*. 2009. № 3. С. 37–41.

14. Юрченко Н. Ю., Кулов О. В. Проблемы и перспективы формирования и развития топливно-энергетического комплекса Дальневосточного федерального округа // *Инновации и инвестиции*. 2020. №5. С.308–313.

References:

1. Avdokushin E. F., Igumnov P. V. (2017) Asian vector of development of the energy complex of the Sakhalin region *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 3 (80): 8–19. DOI: 10.22394/1818-4049-2017-80-3-8-19. (In Russ.)

2. Battalova A. A., Khasanova G. F. (2016) Mechanism of the fuel and energy cluster *Naukovedeniye* [Naukovedenie]. Т. 8. No. 3. <http://naukovedenie.ru/PDF/52EVN316.pdf> (free access). (In Russ.)

3. Borshchevskiy, G. A. (2018) «Evaluation of the Government Bodies Activities in Developing the Russian Fuel and Energy Complex» *Iskusstvo upravleniya* [Ars Administrandi]. Vol. 10. No. 3: 439–465. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-3-439-465. (In Russ.)

4. Galanina T. V., Frolova K. O. (2020) Development of cluster management of fuel and energy complex (on the example of Kemerovo region – Kuzbass) *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]. No. 7: 58–63. (In Russ.)

5. Dyomina O. V., Gulidov R. V. (2022) Transformation of the Russian Far East's energy sector against the backdrop of the global energy transition: role of the institutions *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 4 (101): 15–31. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-101-4-15-31. (In Russ.)

6. Efremov E. I. (2014) A fuel and energy base of regional energy cluster in the republic of Sakha (Yakutia) *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: theory and practice]. No 39 (390): 33–40. (In Russ.)

7. Zhabrov A.V. (2022) Political institutions. Evolution of perceptions and interpretations *Vestnik RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya»* [RSUH/RGGU Bulletin. «Political Science. History. International Relations» Series]. No. 3: 28-45. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-28-45. (In Russ.)

8. Kryukov V. A., Seleznjova O. A. (2013) Hydrocarbons reserves in a changing institutional environment *Ekonomicheskii zhurnal VSHE* [HSE Economic Journal]. No. 3: 433–458. (In Russ.)

9. Mikhailova S. M., Sidorenko G. G. (2022) Sanctions – consequences, solutions for fuel and energy companies. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski*. [State and Municipal Management. Scholar Notes]. No. 4: 223–229. Doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-4-223-229. (In Russ.).

10. Nalivaychenko E. V., Volkov A. D., Tishkov S. V. (2020) Program tools of fuel-energy complex development of the Arctic zone of Russia *Ekonomika stroitel'stva i prirodopol'zovaniya* [Construction economic and environmental management]. No. 3 (76): 55-66. DOI 10.37279/2519-4453-2020-3-55-66. (In Russ.)

11. Sergeev, N. N. and Zhvakin, A. S. (2018) State Regulation Mechanisms in Sustainable Development of Fuel and Energy Complex of the Russian Federation *Iskusstvo upravleniya* [Ars Administrandi]. Vol. 10. No. 2: 217–234. DOI: 10.17072/2218-9173-2018-2-217-234. (In Russ.)

12. Fotina L. V., Borshchevsky G. A. (2018) Methodology for assessing public administration and public service in the fuel and energy complex of Russia *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura* [Ethnosocium and Interethnic Culture]. No. 8 (122): 55-63. (In Russ.)

13. Hasanov I. F. (2009) The international experience of creation and functioning of institutes of development *Transportnoye delo Rossii* [Transport business in Russia]. No. 3: 37–41. (In Russ.)

14. Yurchenko N. Yu., Kulov O. V. (2020) Problems and prospects of the formation and development of the fuel and energy complex of the Far Eastern Federal District *Innovatsii i investitsii* [Innovations and Investments]. No. 5: С. 308–313. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.02.2023; одобрена после рецензирования 10.03.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 28.12.2023; approved after reviewing 10.03.2023; accepted for publication 13.03.2023.

Информация об авторе

Г. Н. Строева – кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, Тихоокеанский государственный университет

Information about the author

G. N. Stroeveva – Candidate of Sociology, associate professor, the economic theory and national economy chair, the Pacific State University

Научная статья

УДК 332.14(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2023-102-1-34-44

Количественная оценка влияния смертности населения на экономику дальневосточных субъектов Российской Федерации

Анна Васильевна Белоусова¹, Мария Анатольевна Грицко²

^{1, 2} Институт экономических исследований, Дальневосточное отделение Российской академии наук, Хабаровск, Россия,

¹ belousova@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8780-8146>

² gritsko@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7853-0413>

Аннотация. *Статья посвящена количественной оценке влияния смертности населения трудоспособного возраста на экономику дальневосточных субъектов РФ. Представлены результаты анализа демографической ситуации на Дальнем Востоке в допандемийный и пандемийный период. Показано, что отрицательный демографический тренд в макрорегионе сохраняется. Более того, ежегодно увеличивается темп сокращения населения Дальнего Востока. По итогам 2022 года демографические потери в несколько раз превысили показатели пандемийного периода 2020–2021 гг. С использованием производственной функции Кобба-Дугласа, построенной на основе панельной структуры данных за 2017–2021 гг., получены оценки эластичности валового регионального продукта дальневосточных субъектов РФ по численности занятого населения в возрасте от 15 до 72 лет. Обнаружено уменьшение влияния занятости на экономическую динамику Дальневосточного федерального округа по сравнению с периодом 2000–2007 гг. С использованием соответствующих оценок проведен количественный анализ влияния смертности занятого трудоспособного населения на экономическую динамику регионов Дальнего Востока. Показано, что в регионах с диверсифицированной структурой экономики ущерб от смертности занятого населения трудоспособного возраста выше по сравнению с ресурсными регионами, в которых специализированные виды экономической деятельности отличаются более высокой капиталоемкостью.*

Ключевые слова: *смертность населения, экономическая динамика, производственная функция, функция Кобба-Дугласа, Дальневосточный федеральный округ, субъект РФ*

Для цитирования: Белоусова А. В., Грицко М. А. Количественная оценка влияния смертности населения на экономику дальневосточных субъектов Российской Федерации // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 1 (102). С. 34–44. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-34-44>

Population mortality: quantitative assessment of the impact on the economy of the Far-Eastern subjects of the Russian Federation

Anna V. Belousova¹, Mariya A. Gritsko²

^{1, 2} The Economic Research Institute, the Far-Eastern branch of RAS, Khabarovsk, Russia

¹ belousova@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8780-8146>

² gritsko@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7853-0413>

Abstract. *The article is devoted to a quantitative assessment of the impact of mortality of the working-age population on the economy of the Far-Eastern regions of the Russian Federation. The results of analysis of the demographic situation in the Far East in the pre-pandemic and pandemic period are presented. It is shown that the negative demographic trend in the macro-region persists. Moreover, the rate of population decline in the Far East is increasing every year. At the end of 2022nd, demographic losses exceeded indicators of the pandemic period of 2020–2021 several times. Using the Cobb-Douglas production function, built on the basis of a panel data structure for 2017–2021, assessment of elasticity of the gross regional product of the Far-Eastern subjects of the Russian Federation in terms of population was obtained the employed population aged 15 to 72. Decrease in the impact of employment on economic dynamics of the Far-Eastern federal district in comparison with the period of 2000–2007 was found. Using the appropriate estimates, quantitative analysis of the impact of mortality of the employed able-bodied population on the economic dynamics of the regions of the Far East was carried out. It is shown that in regions with a diversified structure of economy, the damage from mortality of the employed working-age population is higher compared to the resource-rich regions, where specialized types of economic activity are characterized by the relatively high capital intensity.*

Keywords: *population mortality, economic dynamics, production function, Cobb-Douglas function, the Far-Eastern federal district, constituent entity of the Russian Federation*

For citation: Belousova A. V., Gritsko M. A. Population mortality: quantitative assessment of the impact on the economy of the Far-Eastern subjects of the Russian Federation // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 1 (102). Pp. 34–44. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-34-44>

Введение

Рост продолжительности жизни и сокращение смертности населения являются одними из ключевых целей, на достижение которых направлена современная демографическая политика. Для Дальнего Востока, отличающегося самой низкой продолжительностью жизни населения в стране, высокими показателями смертности населения, в особенности трудоспособного возраста, эти вопросы имеют особую актуальность. Сокращение демографического потенциала макрорегиона происходит на фоне поставленной цели по ускоренному экономическому развитию макрорегиона.

Исследования экономических эффектов, возникающих в результате смертности населения, представлены весьма в ограниченном объеме. Одной из возможных причин данного обстоятельства являются трудности идентификации количественных связей между смертностью населения и результирующими показателями экономической деятельности. В подавляющем большинстве современных исследований полученные выводы основываются лишь на расчете значе-

ний показателей, связывающих «объемы» смертности (численность умерших; суммарное количество лет, не дожитых до «естественной» границы продолжительности жизни; численность умерших в возрасте, не достигшем «естественной» границы продолжительности жизни (преждевременная смертность)) и среднедушевую величину валового продукта, интерпретируемую в качестве стоимости жизни человека. Производство соответствующих показателей трактуется как ущерб экономики (упущенная выгода) от смертности населения [Козлова, Зубарев, 2020. С. 845–858; Козлова, Нифантова, Макарова, 2017. С. 511–523; Морев, Короленко, 2018. С. 110–123; Шабунова, Дуганов, Калашников, 2012. С. 26–30; Шабунова, Калашников, 2008. С. 53–61]. Правомерность указанного подхода, по мнению авторов, представляется спорной, поскольку валовой продукт в среднедушевой проекции является исключительно показателем распределения, а не показателем, отражающим влияние численности населения на экономическую динамику. Иными словами, используемый подход допускает случаи, при ко-

торых снижение (стабилизация) смертности населения при прочих равных демографических параметрах может сопровождаться ростом экономического ущерба, что, в свою очередь, обуславливается возможностями «независимого» роста валового продукта.

Вышесказанное определило цель настоящего исследования: получение корректных количественных оценок экономического ущерба, возникающего в результате смертности занятого в экономике региона населения. В качестве последнего рассматривается единица административно-территориального деления Российской Федерации – Дальневосточный федеральный округ (далее – ДФО), представленный одиннадцатью субъектами РФ.

Демографическая ситуация на Дальнем Востоке

Устойчивость отрицательного тренда

демографической динамики на Дальнем Востоке сохраняется неизменной на протяжении уже более трех десятилетий. Основной причиной ежегодной убыли населения длительное время являлся миграционный фактор. Отрицательное сальдо миграции стабильно превышало естественный прирост населения, а в отдельные годы потери населения в результате миграции усугублялись естественной убылью. Шоковое воздействие пандемии коронавируса привело к смене основного фактора, определяющего демографическую динамику.

По предварительным данным численность населения Дальнего Востока на 1 января 2023 г. составила 7902,61 тыс. человек. Количественная оценка демографических потерь 2022 года существенно разнится в зависимости от статистического источника – от 62,7 до более чем 188 тыс. чел¹. Но в любом случае сокращение

Таблица 1

Численность населения Дальнего Востока, на начало года, тыс. чел.

Территория	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Дальневосточный федеральный округ	8245,80	8222,60	8188,62	8169,20	8124,05	8091,24	7902,61
Республика Бурятия	984,13	984,51	983,27	985,94	985,43	982,63	975,25
Республика Саха (Якутия)	962,84	964,33	967,01	972,00	981,97	992,12	996,24
Забайкальский край	1078,98	1072,81	1065,79	1059,70	1053,49	1043,47	992,20
Камчатский край	314,73	315,56	314,72	313,02	311,67	312,70	289,03
Приморский край	1923,12	1913,04	1902,72	1895,87	1877,84	1863,01	1820,13
Хабаровский край	1333,29	1328,30	1321,47	1315,64	1301,13	1298,98	1283,99
Амурская область	801,75	798,42	793,19	790,04	781,85	772,53	756,27
Магаданская область	145,57	144,09	141,23	140,15	139,03	137,77	134,57
Сахалинская область	487,34	490,18	489,64	488,26	485,62	484,18	459,99
Еврейская автономная область	164,22	162,01	159,91	158,31	156,50	153,83	147,43
Чукотский автономный округ	49,82	49,35	49,66	50,29	49,53	50,04	47,51

Источник: Численность постоянного населения на 1 января. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31557>; Предварительная численность постоянного населения на 1 января ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/62296> (дата обращения: февраль 2023)

¹ Оценка численности постоянного населения на 1 января 2023 г. и в среднем за 2022 г. и компоненты ее изменения (с учётом итогов Всероссийской переписи населения 2020 г.) URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>; Предварительная численность постоянного населения на 1 января ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/62296> (дата обращения: февраль 2023)

населения за 2022 г. существенно превысило потери предыдущих лет. Даже в период активного распространения пандемии снижение численности населения Дальнего Востока происходило меньшими темпами. За 2020 г. демографические потери составили 45,15 тыс. человек, в 2021 г. – 32,81 тыс. чел. (табл. 1).

Наиболее высокими темпами сокращения население происходило в Забайкальском и Камчатском краях, Еврейской автономной области. В первых двух субъектах относительно начала 2017 года население уменьшилось на 9%, в последнем – на 10,3%. Также значительно сократилось население Магаданской области – на 8%. Единственным дальневосточным субъектом с положительной демографической динамикой стала Республика Саха (Якутия), население которой по сравнению с началом 2017 г. увеличилось на 3,5%.

Определяющим демографическую динамику фактором является естественное и миграционное движение населения. Длительное время сокращение дальневосточников было обусловлено в первую очередь отрицательным миграционным сальдо, а естественное движение то увеличивало демографические потери, то позволяло несколько уменьшить их масштаб, благодаря превышению рождаемости

над смертностью населения [Белоусова, Грицко, 2022. С. 37–51; Грицко, 2021. С. 36–46; Грицко, Поливаева, 2020. С. 48–59; Дальний Восток..., 2021; Найден, 2022. С. 38–53; Социально-экономическая..., 2022]. Но в анализируемый период отрицательный вклад в динамику численности населения внесли оба фактора (исключение – 2017 год, когда небольшой естественный прирост компенсировал часть миграционных потерь, и 2021 год, когда масштабная естественная убыль населения на фоне пандемии новой коронавирусной инфекции, превысившая 40 тыс. человек, частично была компенсирована положительным миграционным сальдо) (рис. 1).

К числу отличительных черт естественной динамики населения Дальнего Востока можно отнести стабильно высокие показатели смертности населения от отдельных причин. В целом уровень смертности населения в округе от всех причин не превышает среднероссийского. Только в четырех субъектах (Приморский и Хабаровский края, Амурская область и Еврейская автономная область) значение показателя в среднем на 7–10% выше среднего по стране. Но в разрезе отдельных причин ситуация на Дальнем Востоке отличается от общероссийской в худшую сторону. Так, смертность на-

Рис. 1. Естественный и миграционный прирост населения Дальнего Востока, чел.

селения от болезней органов дыхания на 40% выше среднероссийского показателя, причем разрыв с каждым годом возрастает. Если в 2017 г. дальневосточный показатель был выше только на 4%, то к концу рассматриваемого периода увеличился до 40%. Превышение показателя смертности в результате болезней органов пищеварения составило 20%. Неизменно высоким остается уровень смертности населения Дальнего Востока в результате воздействия внешних причин. В целом по округу показатель выше среднероссийского уровня более чем на 40%, а в Чукотском автономном округе, остающимся лидером по данному показателю не только в округе, но и по стране в целом, разрыв достигает 2,4 раза.

Для Дальнего Востока характерен повышенный уровень смертности населения в экономически активных возрастах (табл. 2). По итогам 2021 г. смертность населения трудоспособного возраста в расчете на 100 тыс. населения превысила среднероссийский показатель на 15% (646,3 против 560 чел.). Самый высокий уровень смертности отмечен в Чукотском автономном округе, в 2021 г. показатель составил 890 чел. на 100 тыс. населения, превысив среднероссийский уровень в 1,6 раза.

Высокий уровень смертности населения, прежде всего в результате болезней

органов дыхания, системы пищеварения и внешних причин, а также ее возрастные особенности, определили низкую продолжительность жизни населения. Проблема низкой продолжительности жизни характерна для всех российских территорий, но ее острота на Дальнем Востоке выше по сравнению с другими регионами. Макрорегион значительно отстает по данному параметру от среднероссийского уровня и развитых западных регионов страны, более того разрыв с годами не уменьшается, а нарастает. Причем происходит это даже в период реализации в отношении макрорегиона специальных мер демографической политики (табл. 3).

Демографическая ситуация на Дальнем Востоке в исследуемый период оставалась неблагоприятной. Сокращение демографического потенциала продолжилось, а высокий уровень смертности и низкая продолжительность жизни населения остались в числе основных демографических характеристик макрорегиона.

Методика исследования

Очевидно, что, с точки зрения роли населения, для экономической динамики последнее не является однородным. В данном случае наиболее важной его характеристикой является возрастной состав. Целесообразно деление прожи-

Таблица 2

Смертность населения трудоспособного возраста, на 100 тыс. населения, чел.

Территория	2017	2018	2019	2020	2021
Российская Федерация	484,5	482,2	470	521,6	560
Дальневосточный федеральный округ	589,3	589,7	593	620,6	646,3
Республика Бурятия	546,2	547,1	560	547,9	578,4
Забайкальский край	563,3	604,3	628,4	636,4	652,9
Республика Саха (Якутия)	516,7	468,8	465,2	518,4	514,5
Камчатский край	577,3	609,6	572,3	617,4	697,7
Приморский край	584,3	595,9	589,2	618,6	645,7
Хабаровский край	603,3	600,2	607,1	647,6	671,6
Амурская область	630,9	654,6	681,7	736,9	758
Магаданская область	678,2	667,8	698,6	696,4	797,5
Сахалинская область	601,7	631,8	610,1	618,9	668,2
Еврейская автономная область	595,5	641,4	688,7	682,3	703,3
Чукотский автономный округ	822,7	954,6	801,3	836,8	890

Источник: Смертность населения трудоспособного возраста (на 100 тыс. населения). ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59267>; (дата обращения: февраль 2023)

Таблица 3

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет

Показатели		2017	2018	2019	2020	2021
РФ	Оба пола	72,7	72,91	73,34	71,54	70,06
	Женщины	77,64	77,82	78,17	76,43	74,51
	Мужчины	67,51	67,75	68,24	66,49	65,51
ДФО	Оба пола	70,09	70,2	70,22	69,15	68,06
	Женщины	75,53	75,4	75,57	74,49	72,9
	Мужчины	64,8	65,04	64,99	64,03	63,42
Отставание от среднероссийского уровня	Оба пола	-2,61	-2,71	-3,12	-2,39	-2,00
	Женщины	-2,11	-2,42	-2,6	-1,94	-1,61
	Мужчины	-2,71	-2,71	-3,25	-2,46	-2,09

Источник: Ожидаемая продолжительность жизни при рождении. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: февраль 2023)

вающих на территории макрорегиона людей как минимум на три группы: до 15 лет, с 15 до 72 лет, старше 72 лет. Возможны и другие деления, включая более детализированные; при этом приведенные возрастные интервалы обусловлены массивом официальной статистической информации, публикуемой Федеральной службой государственной статистики в открытом доступе.

Первым этапом авторского исследования, проводимым в рамках настоящей статьи, являлась оценка влияния смертности населения, занятого в экономике (в возрасте от 15 до 72 лет), на ее динамику.

Логика исследования включала следующие шаги: 1) количественная идентификация «ценности» жителя для экономики региона (оценка «вклада» жителя в совокупные результаты экономической деятельности в регионе); 2) оценка ущерба экономики региона от смертности его населения.

Поскольку объектом исследования является занятое в экономике население, в качестве инструментального средства, используемого для проведения вышеуказанного количественного анализа, выбрана производственная функция. Последняя позволяет представить результирующий признак в виде зависимости от объемов и соотношения факторов производства.

В рамках настоящей статьи использовалась двухфакторная функция Кобба-Дугласа (1):

$$Y = AK^{\alpha}L^{\beta} \quad (1),$$

где Y – валовой региональный продукт (ВРП), L – труд (численность занятого населения в возрасте 15-72 лет), K – капитал (инвестиции в основной капитал), α , β , A – оцениваемые коэффициенты: α , β – коэффициенты эластичности ВРП по капиталу и труду соответственно, A – совокупная факторная производительность.

Коэффициент α (β) показывает, насколько в среднем процентов изменится Y при изменении K (L) на 1%. Коэффициент A показывает влияние неучтенных в функции (1) факторов на Y .

Функция Кобба-Дугласа линеаризовалась [Мун Де Ен, 2007. С. 159–171; Мун Де Ен, Разумовская, 2013. С. 60–64] (проводилась процедура логарифмирования) (2); оценка коэффициентов функции проводилась с использованием эконометрических методов и, в частности, регрессионного анализа:

$$\ln(Y) = \ln(A) + \alpha \ln(K) + \beta \ln(L) \quad (2)$$

В качестве программного обеспечения, позволяющего осуществить оценку значений коэффициентов, использовался специализированный пакет Eviews 8.0.

Знание значения коэффициента « α » позволило осуществить переход от относительных показателей к абсолютным, а именно определить абсолютное изменение валового продукта при абсолютном единичном изменении численности занятых.

Сопоставление полученных данных и

статистики смертности трудоспособного населения позволило количественно идентифицировать ущерб экономики ДФО от убыли населения в результате смертности за исследуемый период.

Результаты исследования

Для оценки зависимости (2) использовались статистические данные по 11 субъектам РФ, входящим в состав ДФО, за период 2017–2021 гг. Отметим, что выбор левой границы соответствующего временного промежутка обуславливался отсутствием позже данного года изменений в методологии формирования показателей, включенных в модель (2). Ограничение периода исследования справа определено наличием статистических данных о значениях ВРП исследуемых регионов.

Все стоимостные значения показателей, необходимых для построения функции Кобба-Дугласа, переводились в сопоставимые цены; в качестве базы был выбран 2021 г.

Сравнительно небольшая длина исследуемого временного промежутка обусловила организацию панельной структуры массива входных данных. Массив последних включал 55 наблюдений (5 лет, 11 регионов).

Перед оценкой функции Кобба-Дугласа строилась корреляционная ма-

трица всех показателей, включенных в производственную функцию, в абсолютном выражении (табл. 4).

Необходимость получения данных таблицы 1, прежде всего, связывалась с проверкой существования между исследуемыми факторами линейных зависимостей, что означало бы присутствие в оцениваемой эконометрической модели такого явления как мультиколлинеарность. Однако, как показали расчеты, коэффициент корреляции между численностью занятых и инвестициями в основной капитал для дальневосточных субъектов РФ имел значение 0,49. Полученная оценка оказалась меньше «критического» значения (0,6–0,7), свидетельствующего о наличии строгой функциональной зависимости между факторами [Эконометрика, 2009].

Оценки коэффициентов функции Кобба-Дугласа в логарифмическом виде (2) при исследовании случая общей регрессии (без учета факторов местоположения) представлены в таблице 5.

Данные таблицы 5 показывают высокое качество построенной модели: присутствуют высокие значения коэффициента детерминации (объясняющая способность модели 85%), статистики Фишера (153,53), статистик Стьюдента (все коэффициенты модели статистически зна-

Таблица 4

Коэффициенты корреляции между ВРП и факторами для дальневосточных субъектов РФ

Показатель	ВРП	Численность занятых в возрасте 15–72 лет	Инвестиции в основной капитал
ВРП, млн руб.	1,00		
Численность занятых в возрасте 15–72 лет, тыс. чел.	0,64	1,00	
Инвестиции в основной капитал, млн руб.	0,78	0,49	1,00

Источник: расчеты авторов.

Таблица 5

Оценки коэффициентов зависимости (2) для дальневосточных субъектов РФ

$\ln(A)$	α	β	R^2	F-статистика
4,18 (6,85)	0,65 (8,79)	0,22 (3,98)	0,85	153,53

Источник: расчеты авторов.

Примечание: в скобках указаны значения t-статистики.

чимы). Коэффициент эластичности ВРП дальневосточных субъектов РФ по труду (β) равен 0,22. Его значение значительно меньше значения коэффициента эластичности ВРП по капиталу (0,65). Отметим, что диаметрально противоположная ситуация наблюдалась в 2000–2007 гг., когда эластичность ВРП по труду превосходила эластичность по инвестициям (0,73 против 0,24 соответственно) [Власюк, Редько, 2010. С. 32–41]. Экономика регионов ДФО характеризуется убывающей отдачей от масштабов факторов производства ($0,65+0,22<1$): рост ВРП происходит медленнее по сравнению с увеличением затрат труда и капитала.

С точки зрения интерпретации, полученное значение коэффициента при факторе труд означает следующее: при изменении объема труда на 1% изменение ВРП дальневосточного субъекта РФ составит в среднем 0,22%. Данное соотношение относительных показателей может быть переведено в абсолютные величины. Получаем, что 1 занятый в возрасте от 15 до 72 лет, проживающий на территории ДФО, обеспечивает в среднем за год 382235,99 руб. ВРП субъекта РФ (место его жительства). Полученная оценка «ценности» работника для экономики приравнивается к ее же потерям в случае его преждевременной смерти.

Соотнесение полученной оценки и статистики смертности занятого населе-

ния в возрасте от 15 до 72 лет в ДФО может позволить провести количественный анализ динамики упущенной выгоды экономики субъектов РФ округа в среднем (без определения специфики каждого региона). При этом, исходя из данных, предоставляемых Федеральной службой государственной статистики для официального открытого доступа, а именно данных исключительно о смертности трудоспособного населения (женщины – 16–55 лет, мужчины – 16–60 лет), становится возможным оценить динамику лишь части вышеуказанных потерь. Тем не менее на начальном этапе исследований взаимосвязи демографических и экономических параметров региона соответствующая оценка также представляется важной.

Поскольку не все трудоспособное население занято в экономике региона, имеющиеся данные о смертности были дополнительно скорректированы. Согласно авторским оценкам, доля занятых среди населения трудоспособного возраста составила 0,87.

Динамика ущерба экономики дальневосточных субъектов РФ от смертности занятого населения в трудоспособном возрасте без учета региональной специфики, выраженная в процентах от объема ВРП, представлена в таблице 6.

Как видно из таблицы, менее чувствительными к смертности населения оказы-

Таблица 6

Динамика ущерба экономики дальневосточных субъектов РФ от смертности занятого трудоспособного населения (% от ВРП)

Субъект РФ / год	2017	2018	2019	2020	2021
Республика Бурятия	0,59	0,57	0,56	0,55	0,55
Республика Саха (Якутия)	0,48	0,51	0,51	0,49	0,47
Забайкальский край	0,11	0,10	0,10	0,12	0,10
Камчатский край	0,21	0,20	0,19	0,20	0,21
Приморский край	0,33	0,33	0,30	0,32	0,31
Хабаровский край	0,29	0,28	0,28	0,30	0,29
Амурская область	0,41	0,41	0,37	0,39	0,37
Магаданская область	0,13	0,12	0,12	0,11	0,12
Сахалинская область	0,08	0,08	0,08	0,08	0,09
Еврейская автономная область	0,45	0,47	0,50	0,48	0,46
Чукотский автономный округ	0,11	0,13	0,10	0,11	0,11

Источник: расчеты авторов.

ваются ресурсные регионы, специализированные виды экономической деятельности которых отличаются сравнительно высокой капиталоемкостью.

Заключение

Настоящая работа представляет собой начальный этап изучения проблемы достоверной оценки влияния смертности населения на экономическую динамику региона. Проведение дальнейших исследований предполагает уточнение полученных оценок с учетом специфики развития экономики каждого субъекта РФ (количественный анализ моделей, построенных на основе панельных данных, с фиксированными/случайными эффектами); оценку экономического ущерба дальневосточных субъектов РФ от смертности населения остальных возрастных групп и т. д.

Особый научный интерес представляет совокупная оценка влияния убыли населения на экономический рост региона. В данном случае в показатель убыли помимо смертности населения включается и его миграция. Все вышесказанное составит предмет следующего этапа науч-

ного исследования.

Полученные же в данной работе результаты также характеризуются научной ценностью. Во-первых, сделана попытка нивелирования пробела в части количественной идентификации взаимосвязи экономической динамики региона и смертности населения без использования показателей распределения результатов экономической деятельности. Во-вторых, несмотря на сравнительно малый «масштаб» (менее 1% ВРП) полученных оценок (см. табл. б), последние не должны восприниматься в качестве «незначимых» для экономики. Следует учесть, что ввиду отсутствия статистической информации о смертности занятых в экономике женщин в возрасте 56–72 лет и мужчин в возрасте 61–72 лет, они не были учтены в анализе. Между тем, исходя из роста вероятности смерти по мере увеличения возраста, включение соответствующих групп населения в расчеты (что также предполагается осуществить на следующем этапе научного исследования), может обусловить резкий рост полученных оценок.

Список источников:

1. Белоусова А. В., Грицко М. А. Демографическая динамика Дальнего Востока России в условиях реализации национальных приоритетов: устойчивые тренды и ограничения роста // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 6. С. 37–51. DOI: 10.14530/reg.2022.6.37
2. Власюк Л. И., Редько В. В. Факторы роста экономики Дальнего Востока в 2000–2007 гг. // Пространственная экономика. 2010. № 4. С. 32–41. DOI: 10.14530/se.2010.4.032-041
3. Грицко М. А. Социально-демографические параметры Дальнего Востока России в условиях реализации документов стратегического развития // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 2 (95). С. 36–46. DOI: 10.22394/1818-4049-2021-95-2-36-46.
4. Грицко М. А., Поливаева О. Г. Демографический потенциал Дальнего Востока: ожидания и реальность // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4 (93). С. 48–59. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-93-4-48-59
5. Дальний Восток России: тенденции экономического развития (последствия пандемии) / отв. ред. О. М. Прокапало; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2021. – 200 с.
6. Козлова О. А., Зубарев Н. Ю. Комплексная оценка экономических потерь региона от преждевременной смертности населения // Экономика региона. 2020. Т. 16, вып. 3. С. 845–858. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-3-13>
7. Козлова О. А., Нифантова Р. В., Макарова М. Н. Методические вопросы оценки экономического ущерба от смертности населения, занятого в экономике региона // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 2. С. 511–523.

8. Морев М. В., Короленко А. В. Оценка демографических и социально-экономических потерь вследствие преждевременной смертности населения России и Вологодской области // Проблемы прогнозирования. 2018. №2 (167). С. 110–123.
9. Мун Де Ен. Оценивание интенсивных факторов экономического роста Хабаровского края // Пространственная экономика. 2007. № 1. С. 159–171. DOI: 10.14530/se.2007.1.159-171
10. Мун Де. Ен., Разумовская М. И. Проблемы использования метода производственной функции для прогнозирования потребности экономики в наёмном труде // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 4 (65). С. 60–64.
11. Найден С. Н. Динамика смертности и продолжительность жизни населения регионов Дальнего Востока России: 2013–2021 гг. // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 3. С. 38–53. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.3.38>
12. Социально-экономическая динамика на Дальнем Востоке России: устойчивые тренды и новые вызовы / отв. ред. П. А. Минакир; Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2022. – 328 с.
13. Шабунова А. А., Дуганов М. Д., Калашников К. Н. Преждевременная смертность как причина экономических потерь региона // Здравоохранение Российской Федерации. 2012. № 3. С. 26–30.
14. Шабунова А. А., Калашников К. Н. Экономическая оценка потерь трудового потенциала населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2008. № 4(4). С. 53–61.
15. Эконометрика: учеб. / под ред. И. И. Елисеевой. М., Проспект, 2009. 288 с.

References:

1. Belousova A. V., Gritsko M. A. (2022) Demographic Dynamics of the Russian Far East in the Context of the Implementation of National Priorities: Sustainable Trends and Growth Constraints *Regionalistica* [Regionalistics]. Vol. 9. No. 6: 37–51. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.6.37> (In Russ.)
2. Vlasyuk L. I., Redko V. V. (2010) Factors of economic growth in the Far East in 2000–2007 *Prostranstvennaya Ekonomika* = Spatial Economics. No. 4: 32–41 DOI: 10.14530/se.2010.4.032-041 (In Russ.)
3. Gritsko M. A. (2021) Socio-demographic parameters of the Far East of Russia in the conditions of the implementation of documents of strategic development // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 2 (95): 36–46. DOI 10.22394/1818-4049-2021-95-2-36-46 (In Russ.)
4. Gritsko M. A., Polivaeva O. G. (2020) Demographic potential of the Russian Far East: expectations and reality // Power and Administration in the East of Russia. No. 4 (93): 48–59. DOI 10.22394/1818-4049-2020-93-4-48-59 (In Russ.)
5. Russian Far East: Economic Development Trends (Consequences of the Pandemic) / ed. by O.M. Prokapalo; Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Khabarovsk : ERI FEB RAS, 2021. – 200 p. (In Russ.)
6. Kozlova, O. A. & Zubarev, N. Yu. (2020). Comprehensive Assessment of Economic Losses from Premature Mortality of the Population in the Region *Ekonomika regiona* [Economy of region], 16(3): 845–858, [https://doi.org/ ekon. reg.10.17059/2020-3-13](https://doi.org/ekon.reg.10.17059/2020-3-13) (In Russ.)
7. Kozlova, O. A., Nifantova, R. V. & Makarova, M. N. (2017). Methodological Issues of Assessment of Economic Losses Caused by Mortality of the Population Employed in Regional Economy *Ekonomika regiona* [Economy of Region]. No. 13(2): 511–523 (In Russ.)
8. Morev M. V., Korolenko A. V. (2018) Assessment of demographic and socio-economic losses due to premature mortality of the population of Russia and the Vologda region // Problems of Forecasting. No. 2 (167): 110–123. (In Russ.)

9. Moon D. E. (2007) Assessment of Intensive Factors of Economic Growth in the Khabarovsk Territory *Prostranstvennaya Ekonomika* = Spatial Economics. No. 1: 159–171. DOI: 10.14530/se.2007.1.159-171 (In Russ.)
10. Moon D. E., Razumovskaya M. I. (2013) The problems of use of a production function's method for forecasting of the needs of economy in wage labor *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 4 (65): 60–64. (In Russ.)
11. Naiden S. N. (2022) Dynamics of Mortality and Life Expectancy of the Population of the Regions of the Far East of Russia: 2013–2021 *Regionalistica* [Regionalistics]. Vol. 9. No. 3: 38–53. [http:// dx.doi.org/10.14530/reg.2022.3.38](http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.3.38) (In Russ.)
12. Socio-Economic Dynamics in the Russian Far East: Sustainable Trends and Emerging Challenges / ed. by P.A. Minakir; Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. – Khabarovsk : ERI FEB RAS, 2022. – 328 p. (In Russ.)
13. Shabunova A. A., Duganov M. D., Kalashnikov K. N. (2012) Premature mortality as a cause of economic losses in the region *Zdravookhraneniye Rossiyskoy Federatsii* [Healthcare of the Russian Federation]. 2012. No. 3: 26–30. (In Russ.)
14. Shabunova A. A., Kalashnikov K. N. (2008) Economic assessment of the losses of the labor potential of the population *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. No. 4(4): 53–61. (In Russ.)
15. Econometrics: textbook. / ed. I. I. Eliseeva. M. E40 Prospekt, 2009. 288 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.02.2023; одобрена после рецензирования 02.03.2023; принята к публикации 03.03.2023.

The article was submitted 20.02.2023; approved after reviewing 02.03.2023; accepted for publication 03.03.2023.

Информация об авторах

А. В. Белоусова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований, Дальневосточное отделение Российской академии наук;

М. А. Грицко – кандидат экономических наук, ученый секретарь, Институт экономических исследований, Дальневосточное отделение Российской академии наук.

Information about the authors

A. V. Belousova – Candidate of Economics, Senior Researcher, the department of regional modeling, forecasting and foreign economic relations, the Economic Research Institute, the Far-Eastern branch of RAS;

M. A. Gritsko – Candidate of Economics, scientific secretary, the department of social development, the Economic Research Institute, the Far-Eastern branch of RAS.

Научная статья

УДК 338.1:311.313(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2023-102-1-45-58

Экономика Дальнего Востока в 2022 году: аналитические итоги

Наталья Евгеньевна Латышева¹, Оксана Анатольевна Назаренко²,
Елена Юрьевна Агешина³

^{1,3} Федеральное автономное учреждение «Восточный центр государственного планирования», Москва, Россия,

² Федеральное автономное учреждение «Восточный центр государственного планирования», Хабаровск, Россия,

¹ n.latysheva@vostokgosplan.ru

² o.nazarenko@vostokgosplan.ru

³ e.ageshina@vostokgosplan.ru

Аннотация. В работе проведен анализ экономического развития Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) в 2022 г. в разрезе регионов и ключевых видов деятельности на основе статистических данных Федеральной службы государственной статистики, информации органов исполнительной власти субъектов ДФО и экспертных оценок. Отмечено, что на региональном уровне влияние внешних условий на социально-экономическое развитие проявлялось неодинаково. Указаны причины динамики промышленного производства, инвестиций в основной капитал, строительства, сельского хозяйства, потребительского сектора. Отмечено, что несмотря на внешние ограничения, которые сдерживали экономическую активность, бизнес адаптировался к новым условиям. Позитивным моментом является рост инвестиций в основной капитал, обусловленный реализацией проектов по импортозамещению и господдержкой инвестиционной активности.

Ключевые слова: промышленное производство, добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, инвестиции, строительство, сельское хозяйство, розничная торговля, Дальневосточный федеральный округ

Для цитирования: Латышева Н. Е., Назаренко О. А., Агешина Е. Ю. Экономика Дальнего Востока в 2022 году: аналитические итоги // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 1 (102). С. 45–58. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-45-58>

Economy of the Far East in 2022: analytical results

Nataliya E. Latysheva¹, Oksana A. Nazarenko², Elena Yu. Ageshina³

^{1,3} The Federal Autonomous Institution «the Eastern Center for State Planning», Moscow, Russia

² The Federal Autonomous Institution «the Eastern Center for State Planning», Khabarovsk, Russia

¹ n.latysheva@vostokgosplan.ru

² o.nazarenko@vostokgosplan.ru

³ e.ageshina@vostokgosplan.ru

Abstract. *The This article analyzed economic development of the Far-Eastern federal district in 2022 in the context of the regions and key activities on the basis of statistical data, information from the executive authorities of the subjects of the Far-Eastern federal district and expert assessments. Reasons for the dynamics of industrial production, investment in the fixed assets, construction, agriculture, and the consumer sector are given.*

Keywords: *industrial production, mining, manufacturing, investment, construction, agriculture, retail, the Far-Eastern federal district*

For citation: Latysheva N. E., Nazarenko O. A., Ageshina E. Yu. Economy of the Far East in 2022: analytical results // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 1 (102). Pp. 45–58. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-45-58>

Введение

В 2022 г. российская экономика оказалась под беспрецедентным санкционным давлением. Торгово-финансовое эмбарго и уход зарубежных компаний с российского рынка привело к необходимости изменения основных транспортно-производственных сетей, технологических цепочек и стало причиной снижения объема выпуска и потребления. [Минакир, 2022]. Вызовы, с которыми столкнулась национальная экономика, в определенной мере аналогичны последствиям пандемического шока 2020 года [Ахапкин 2021, Полякова, Елисеева, Ляшок, 2021, Прокапало, Бардаль, Исаев, Мазитова, Суслов 2021]. Сокращение ВВП составило 2,1%, промышленного производства – 0,6%. Отмечено снижение оборота розничной торговли на 6,7%, в основном из-за падения продаж непродовольственных товаров [Социально..., 2023]. Позитивным моментом является рост инвестиций в основной капитала на 4,6%, обусловленный реализацией проектов по импортозамещению и господдержкой инвестиционной активности. Таким образом несмотря на внешние ограничения, которые сдерживали экономическую активность, бизнес постепенно адаптировался к новым условиям [Региональная..., 2022].

Как и в период пандемии COVID-19 на региональном уровне влияние внешних условий на социально-экономическое развитие проявлялось не одинаково и зависело от отраслевой структуры и экономико-географического положения [Кузнецова, 2020, Прокапало, Бардаль, Мазитова, Суслов, 2022]. Изменение транспортных потоков привело к росту спроса на перевозки в направлении портов Дальнево-

сточного и Азово-Черноморского бассейнов. Ограничения пропускной способности Транссиба и БАМа привели к сокращению объемов добычи угля в СФО [Региональная..., 2022]. Увеличение морских перевозок отечественными транспортными компаниями подстегнуло спрос на продукцию судостроения и услуги судоремонта в Дальневосточном федеральном округе (далее – ДФО).

Промышленное производство

За 2022 г. промышленными предприятиями ДФО отгружено товаров (работ, услуг) на сумму 5 223,7 млрд рублей или 5,3% от объема по РФ (рис. 1).

В региональной структуре промышленного производства основная доля (75,0%) приходилась на четыре субъекта: Республику Саха (Якутия) – 33,4%, Сахалинскую область – 22,4%, Хабаровский и Приморский края – 10,7% и 7,9% соответственно (рис. 2).

Замедление динамики промышленного производства в ДФО отмечается со второго квартала. По итогам 2022 г. зафиксировано снижение его объемов на 4,8% к уровню предшествующего года (далее – ПГ) (табл. 1) – в большей мере, чем в целом по стране (-0,6%).

Основной вклад в формирование отрицательной динамики промышленного производства макрорегиона внес сектор добычи полезных ископаемых, на долю которого приходится 63,3% продукции, отгруженной за год промышленными предприятиями ДФО. Обрабатывающие отрасли в структуре промышленного производства ДФО занимают 27,4%, обеспечение электрической энергией, газом и паром – 8,2%, водоснабжение и водоотведение – 1,1%.

Добыча полезных ископаемых (далее – ДПИ)

Объем отгруженных товаров (работ, услуг) предприятий сектора ДПИ снизился на 5,8% к ПГ (табл. 2) и составил 3 308,7 млрд рублей. Основной вклад в ДПИ ДФО вносят экономики Республики Саха (Якутия) и Сахалинской области, на долю которых приходится 49,0% и 32,0% соответственно от объема отгруженной за 2022 год продукции добывающих отраслей ДФО.

В структуре добываемых на терри-

тории ДФО полезных ископаемых наибольшую долю занимает нефть и природный газ – 50,9% от объема отгруженной продукции ДПИ, на уголь приходится 18,7%, добычу металлических руд – 16,2%, прочие полезные ископаемые – 7,8%, еще 6,4% объема производства относится к сфере предоставления услуг в области ДПИ.

Снижение общего объема ДПИ в ДФО обусловлено сокращением добычи нефти и нефтяного (попутного) газа на территории Сахалинской области¹.

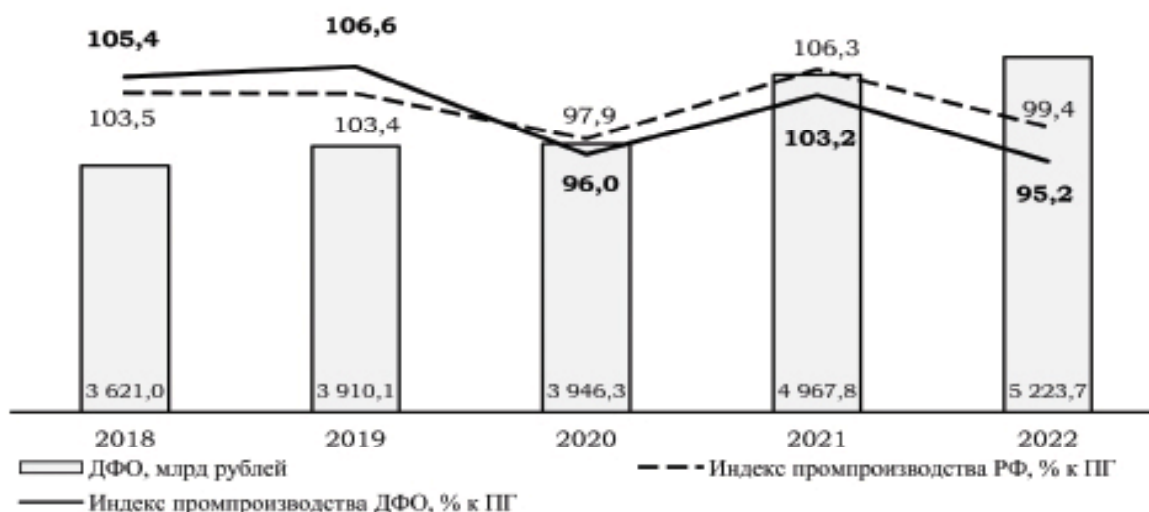

Рис. 1. Динамика промышленного производства

Рис. 2. Структура промышленного производства, % от ДФО

¹ Добыча нефти и конденсата на «Сахалине-1» уменьшилась почти вдвое в 2022 г. URL: <https://tass.ru/ekonomika/15889985> (дата обращения: 28.02.2023)

Таблица 1

Индекс промышленного производства в субъектах ДФО за 2022 год

Территория	Индекс ИП		Добыча полезных ископаемых		Обработывающие производства		Обеспечение электроэнергия, газом, паром		Водоснабжение, водоотведение	
	% к 2021 году									
РФ	99,4	▼	100,8	▲	98,7	▼	100,1	▲	93,9	▼
ДФО	95,2	▼	94,2	▼	98,0	▼	101,6	▲	93,6	▼
Республика Бурятия	110,5	▲	105,6	▲	110,1	▲	124,1	▲	103,3	▲
Республика Саха (Якутия)	110,1	▲	111,4	▲	102,4	▲	97,1	▼	95,3	▼
Забайкальский край	102,5	▲	103,1	▲	93,3	▼	103,8	▲	97,1	▼
Камчатский край	84,5	▼	95,2	▼	80,7	▼	98,7	▼	75,0	▼
Приморский край	98,5	▼	97,1	▼	98,7	▼	102,0	▲	88,4	▼
Хабаровский край	102,5	▲	112,5	▲	95,9	▼	105,7	▲	98,5	▼
Амурская область	101,9	▲	102,6	▲	98,4	▼	103,4	▲	100,1	▲
Магаданская область	100,2	▲	100,1	▲	103,3	▲	99,3	▼	102,6	▲
Сахалинская область	76,7	▼	73,5	▼	122,7	▲	95,8	▼	91,5	▼
Еврейская автономная область	96,3	▼	93,8	▼	95,6	▼	104,7	▲	91,7	▼
Чукотский автономный округ	90,5	▼	88,9	▼	55,7	▼	100,6	▲	92,2	▼

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

Таблица 2

Индексы производства в ДПИ за 2022 год

Территория	Индекс ДПИ	в том числе:										
		уголь		нефть и нефтяной газ		природный газ и газовый конденсат		металлические руды		прочие полезные ископаемые		
% к 2021 году												
РФ	100,8	▲	99,2	▼	101,1	▲	98,1	▼	95,5	▼	105,6	▲
ДФО	94,2	▼	114,0	▲	76,4	▼	107,8	▲	100,8	▲	113,4	▲
Республика Бурятия	105,6	▲	115,8	▲	-	-	-	-	98,4	▼	138,5	▲
Республика Саха (Якутия)	111,4	▲	122,3	▲	108,5	▲	121,8	▲	100,9	▲	113,6	▲
Забайкальский край	103,1	▲	108,7	▲	-	-	-	-	102,3	▲	103,4	▲
Камчатский край	95,2	▼	100,0	-	-	-	76,2	▼	95,6	▼	113,0	▲
Приморский край	97,1	▼	110,0	▲	-	-	-	-	101,6	▲	76,0	▼
Хабаровский край	112,5	▲	89,2	▼	-	-	-	-	119,5	▲	92,6	▼
Амурская область	102,6	▲	101,1	▲	-	-	-	-	101,0	▼	135,2	▲
Магаданская область	100,1	▲	108,5	▲	-	-	-	-	100,2	▲	58,2	▼
Сахалинская область	73,5	▼	105,1	▲	51,2	▼	107,0	▲	45,9	▼	134,8	▲
Еврейская автономная область	93,8	▼	-	-	-	-	-	-	91,1	▼	152,7	▲
Чукотский автономный округ	88,9	▼	182,2	▲	-	-	84,3	▼	81,0	▼	15,2	▼

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

В Республике Саха (Якутия), втором нефтедобывающем регионе ДФО, добыча нефти выросла на 8,5%.

Вместе с тем в макрорегионе выросла добыча:

- природного газа и газового конденсата – на 7,8% за счет роста добычи в Сахалинской области на 7,0%, в том числе по проекту «Сахалин-2» добыча газа выросла на 9,3%, а также в Республике Саха (Якутия) – на 21,8% в соответствии с технологической схемой разработки Чаяндинского НГКМ;

- угля – на 14,0%. Рост добычи отмечен в девяти регионах ДФО, в том числе в Республике Саха (Якутия)², на долю которой по итогам года приходится 53,7% угледобычи макрорегиона, производство выросло на 22,3% к ПГ в основном за счет увеличения объема вскрышных работ ООО «Эльгауголь» как результата обновления горнотранспортного оборудования и в связи с запуском АО ГОК «Инаглинский» дополнительного очистного механизированного комплекса³. Значимое влияние оказал рост угледобычи в Республике Бурятия (увеличение производственной мощности Никольского месторождения разреза Тугнуйский), Забайкальском крае (решены проблемы с железнодорожным подвижным составом) и Сахалинской области (техническое перевооружение и увеличение добычи угля ООО «Солнцевский угольный разрез»). Рост также отмечен в Приморском крае, Амурской области, Чукотском автономном округе и Магаданской области;

- металлических руд – на 0,8%, в том числе добыча руд цветных металлов выросла на 1,0%. Прирост отмечен в регионах с наиболее высокой долей в структуре добычи металлических руд макрорегиона: Забайкальском крае (доля в добыче металлических руд ДФО – 31,5%), Республике Саха (Якутия) (30,4%) и Амурской области (15,1%) за счет наращивания золотодобычи. Положительная динамика отрасли также отмечается в Магаданской области, что связано с ростом до-

бычи серебра на новом месторождении «Приморское», и Приморском крае. Наиболее высокие темпы роста добычи отмечены в Хабаровском крае, где прирост к 2021 году составил 19,5%;

- прочих полезных ископаемых – на 13,4%. Из общего объема ископаемых данной категории, добываемых в ДФО, 93,6% приходится на Республику Саха (Якутия), где производство за анализируемый период выросло на 13,6% за счет добычи алмазов.

Обрабатывающие производства

Отгруженная продукция обрабатывающих производств составляет 27,4% от общего объема промышленного производства ДФО. Объем производства по данному виду экономической деятельности за год снизился относительно 2021 г. на 2,0%, составив 1 431,8 млрд рублей (табл. 3).

Основной вклад в развитие обрабатывающих производств макрорегиона вносят экономики Хабаровского и Приморского краев, на долю которых приходится соответственно 28,6% и 20,3% от общего объема отгруженной продукции, а также Магаданской области с долей 13,3%, Республики Бурятия – 9,3% и Камчатского края – 8,9%.

В структуре обрабатывающих производств наибольшую долю занимает отгруженная продукция металлургии – 28,9%, производства пищевых продуктов – 25,8%, прочих транспортных средств и оборудования – 16,7%, нефтепродуктов – 4,5%, прочей неметаллической минеральной продукции – 4,4%, продукции деревообработки – 2,8%, химических веществ и продуктов – 2,1%, напитков – 1,8%, еще 5,7% приходится на производство работ по ремонту и монтажу машин и оборудования.

По итогам года отмечается сокращение производства в следующих отраслях:

- металлургии (производство снизилось на 18,9% к уровню ПГ), что в основном связано со снижением производства проката черных металлов;
- пищевых продуктов – на 5,0%, где

² Официальный сайт Угледобывающей компании «Колмар» URL: <https://www.kolmar.ru/activity/production/enterprises/gok-inaglinskiy/> (дата обращения: 28.02.2023)

³ Годовой объем добычи угля на Эльге должен составить 20 млн т. URL: <https://dprom.online/chindustry/dobicha-uglya-na-elgye-sostaveet-20-mln-t/> (дата обращения: 12.02.2023)

Таблица 3

Индексы производства в обрабатывающей промышленности за 2022 год

Территория	Обрабатывающие производства		в том числе производство:							
			металлургическое		пищевых продуктов		напитков		прочих транспортных средств и оборудования	
	% к 2021 году									
РФ	98,7	▼	99,2	▼	100,4	▲	103,1	▲	95,8	▼
ДФО	98,0	▼	81,1	▼	95,0	▼	93,0	▼	103,1	▲
Республика Бурятия	110,1	▲	108,3	▲	101,5	▼	118,8	▲	118,5	▲
Республика Саха (Якутия)	102,4	▲	117,4	▲	101,5	▲	107,4	▲	-	-
Забайкальский край	93,3	▼	100,0	-	85,6	▼	77,6	▼	164,7	▲
Камчатский край	80,7	▼	25,4	▼	80,0	▼	99,3	▼	90,0	▼
Приморский край	98,7	▼	33,4	▼	98,7	▼	90,9	▼	102,8	▲
Хабаровский край	95,9	▼	84	▼	107,3	▲	94,4	▼	94,0	▼
Амурская область	98,4	▼	99,8	▼	108,4	▲	79,1	▼	74,8	▼
Магаданская область	103,3	▲	103,6	▲	96,1	▼	99,0	▼	-	-
Сахалинская область	122,7	▲	6,5	▼	120,3	▲	103,8	▲	-	-
Еврейская автономная область	95,6	▼	-	-	87,3	▼	42,9	▼	-	-
Чукотский автономный округ	55,7	▼	-	-	33,6	▼	100,6	▲	100,0	-
	нефтепродуктов		прочей неметаллической минеральной продукции		продукции деревообработки		химических веществ и продуктов		ремонт и монтаж машин и оборудования	
РФ	99,7	▼	99,8	▼	87,5	▼	96,2	▼	95,2	▼
ДФО	96,5	▼	105,2	▲	107,1	▲	101,7	▲	102,9	▲
Республика Бурятия	-	-	101,9	▲	103,1	▲	89,5	▼	-	-
Республика Саха (Якутия)	101,3	▲	90,6	▼	85,3	▼	171,9	▲	91,6	▼
Забайкальский кр.	100,0	-	111,7	▲	91,4	▼	96,7	▼	214,5	▲
Камчатский кр.	-	-	99,3	▼	22,8	▼	81,9	▼	92,5	▼
Приморский кр.	65,2	▼	110,3	▲	104,7	▲	102,2	▲	105,8	▲
Хабаровский кр.	86,1	▼	96,1	▼	113,1	▲	99,4	▼	103,1	▲
Амурская область	100,0	-	106,2	▲	106,9	▲	1,8	▼	112,2	▲
Магаданская область	-	-	154,8	▲	91,6	▼	101,9	▼	138,5	▲
Сахалинская область	116,7	▲	127,4	▲	101,5	▲	85,7	▼	69,7	▼
Еврейская автономная область	-	-	93,8	▼	137,8	▲	-	-	103,4	▲
Чукотский автономный округ	-	-	390,6	▲	-	-	85883,3	▲	49,7	▼

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

определяющим фактором стало сокращение на 20,9% объемов переработки и консервирования рыбы и морепродуктов;

- нефтепродуктов – на 3,5%. Из общего объема производства в ДФО 94,4% приходится на предприятия Хабаровского края, где снижение обусловлено корректировкой головными компаниями годовых производственных планов на фоне ухудшения внешнеэкономических усло-

вий и ограничений, связанных с санкционным давлением;

- напитков – на 7,0%, где на показателях производства сказался уход иностранных брендов Coca-Cola (Приморский край) и Carlsberg (Хабаровский край).

Сохраняется положительная динамика объемов отгруженной продукции в отраслях по производству:

- прочих транспортных средств и оборудования (+3,1%), что связано с ростом производства продукции судостроения в Приморском и Хабаровском краях;

- работ по ремонту машин и оборудования (+2,9%). Рост в основном обеспечили предприятия Приморского края в связи с ростом объема ремонта гражданских судов и Хабаровского края за счет ремонтных работ авиационной техники, предприятиями транспорта и жилищно-коммунального хозяйства, а также Забайкальского края в результате увеличения заказов на специализированный ремонт машин и оборудования. Совокупная доля указанных регионов в отрасли ДФО составляет 75,6%;

- прочей неметаллической минеральной продукции – на 5,2% в связи с ростом спроса со стороны строительных организаций на кирпич, бетон, цемент и строительные смеси;

- обработки древесины – на 7,1%, где рост обеспечен в основном предприятиями Хабаровского и Приморского краев (совокупная доля в отрасли ДФО – 89,4%) в связи с увеличением спроса на пиломатериалы, фанеру и шпон, топливные гранулы;

- химических веществ и продуктов – на 1,7% за счет роста производства в Республике Саха (Якутия) (лакокрасочные материалы, полиграфические краски и мастики, продукция для взрывных работ), Приморском крае (боросодержащая продукция) и Магаданской области (про-

изводство взрывчатки). Доля указанных регионов в химическом производстве ДФО составляет 46,8%.

Инвестиции в основной капитал

По итогам 2022 г. на развитие экономики и социальной сферы ДФО привлечено 2 512,4 млрд рублей инвестиций или 9,0% от их общего объема по стране. Рост по сравнению с ПГ составил 10,8% (в РФ – на 4,6%) (рис. 3), существенно опережая средние темпы роста, сложившиеся в 2010 – 2021 гг. на уровне 6% [Минакир, Исаев, Найден, 2022]. ДФО занимает 1 место среди федеральных округов по темпам роста инвестиций в основной капитал.

Основной приток инвестиций приходится на Республику Саха (Якутия), доля которой в структуре инвестиций ДФО составила 24,5%, и Амурскую область – 18,5% (рис. 4).

Положительная динамика показателя сложилась в восьми регионах ДФО (рис. 5) и, наряду с ассигнованиями федерального бюджета в рамках реализации национальных проектов, Национальной программы развития Дальнего Востока до 2024 г., а также президентской дальневосточной «единой субсидии», обеспечивалась инвестиционными проектами в добыче, производстве прочих транспортных средств и оборудования, производстве химических веществ и химических продуктов, агропромышленном комплексе, транспортировке и хранении, пищевой промышленности⁴.

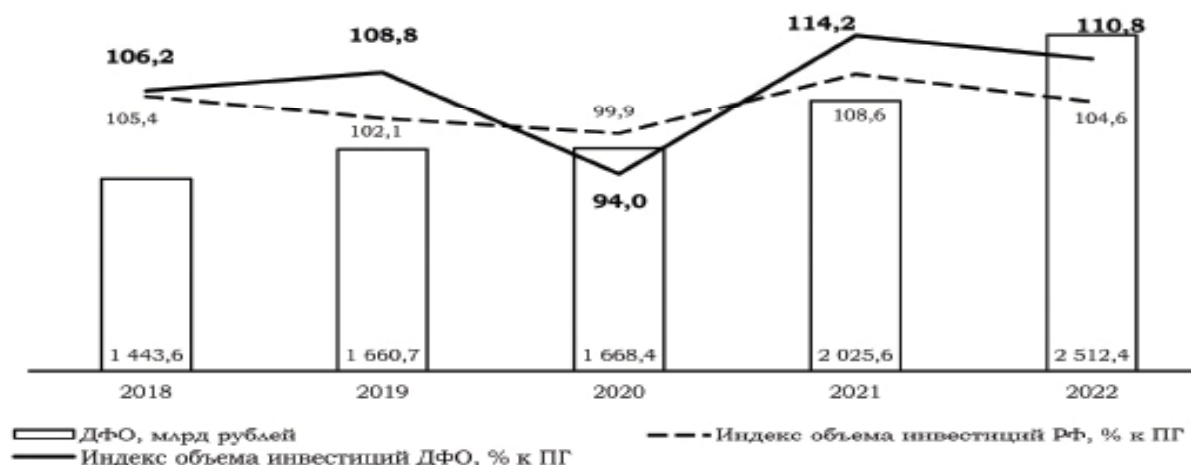

Рис. 3. Динамика инвестиций в основной капитал

⁴ На Дальнем Востоке прирост инвестиций в проекты в 2022 году составил 23%. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16858691> (дата обращения: 28.02.2023)

Рис.4. Структура инвестиций в основной капитал, % от ДФО

Рис.5. Инвестиции в основной капитал субъектов ДФО в 2022 году

Снижение инвестиций в Забайкальском, Хабаровском и Камчатском краях связывается с замедлением инвестиционной активности в условиях санкционного давления вследствие введения торговых, технологических и финансовых ограничений, кроме того, сказалась высокая база 2021 года.

Строительство

Объем строительных работ в ДФО, выполненных за 2022 год, составил 1 058,9 млрд рублей или 8,2% от объема в целом по стране. В сопоставимых ценах показатель вырос на 7,9% к уровню ПГ (РФ – на 5,2%) (рис. 6).

Около 80% объема строительных работ в ДФО обеспечено завершением объектов (или этапов их строительства) на территории 5 регионов (рис. 7): Амурской области – АПИЗ и мостовой переход через р. Зея; Республики Саха (Якутия) – Республиканский кардиологический диспансер, этнокультурный комплекс в

с. Томтор, грузовой терминал в п. Нижний Бестях, Сыллахское угольное месторождение; Приморского края – ССК «Звезда», НЗМУ, интегрированный развлекательный курорт «Приморье»; Хабаровского края – ГОК на месторождении «Малмыжское», инженерная защита г. Комсомольска-на-Амуре, пассажирский международный терминал в аэропорту Хабаровск (Новый), инфраструктура Восточного полигона; Сахалинской области – объекты адресной инвестиционной программы: реконструкция водозаборов, 6 ФАПов (амбулаторий) в селах, второй корпус поликлиники № 4, пансионат для ветеранов в г. Корсакове и другие.

Рост объема выполненных строительных работ отмечен в семи регионах ДФО (рис. 8). Лидер по темпам роста строительства – Республика Бурятия за счет реализации проектов по строительству Озерного ГОК, инженерной и дорожной

инфраструктуры, а также жилья и социальных объектов.

Снижение объема строительства относительно ПГ регионы в основном связывают с высокой базой 2021 г., в том числе в Хабаровском крае в 2021 г. завершены строительные работы на участке магистрального газопровода «Сахалин – Хабаровск – Владивосток», в Магадан-

ской области выполнен значительный объем работ по строительству дамбы на Усть-Среднеканской ГЭС, введены в эксплуатацию объекты на месторождении «Наталкинское».

Жилищное строительство

В десяти регионах ДФО динамика строительной отрасли поддерживается ростом жилищного строительства⁵

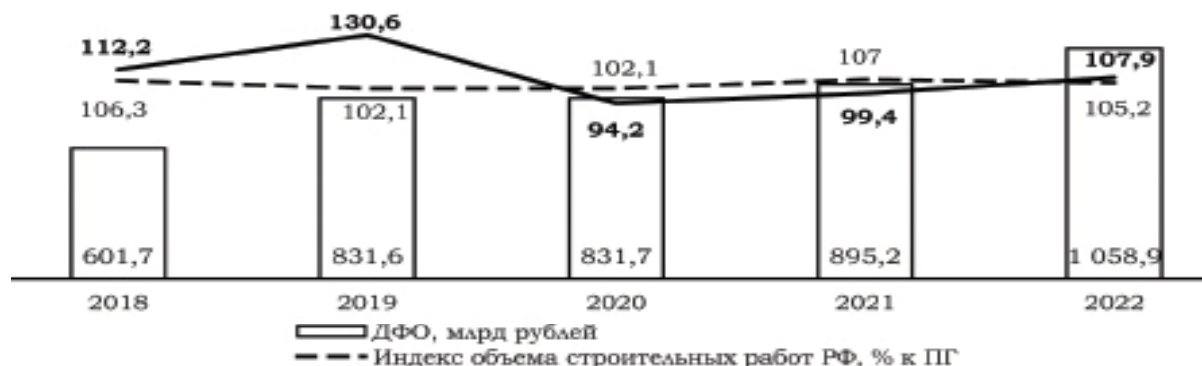

Рис. 6. Динамика строительных работ

Рис. 7 Структура выполненных строительных работ, % от ДФО

Рис. 8. Объем строительных работ в субъектах ДФО за 2022 год

⁵ На Дальнем Востоке в 2022 году построили более 3,5 млн кв. м жилья. URL: <https://tass.ru/nekvizhimost/16858925> (дата обращения: 17.02.2023)

(рис. 9). По итогам года объем ввода жилых помещений на территории ДФО – самый высокий с 1992 г. Всего в эксплуатацию введено 3 567,4 тыс. кв. м жилья, что на 14,5% больше ПГ (РФ – рост на 11,0%).

Лидерами по объему строительства жилья остается Приморский край – 29,3% от общего объема ввода жилых помещений в ДФО, ещё 16,4% введено на территории Республики Саха (Якутия), 14,1% – Сахалинской области, по 11% приходится на Амурскую область и Хабаровский край, по 8% – на Республику Бурятия и Забайкальский край, остальные регионы в структуре ввода жилья по ДФО занимают не более 2% каждый.

Сельское хозяйство

Объем сельскохозяйственной продукции, произведенной в ДФО в 2022 г., составил 321,3 млрд рублей (рис. 10), из которых 60% приходится на продукцию растениеводства. На долю макрорегиона приходится 3,6% от общего объема

сельскохозяйственного производства в стране.

Основной объем сельскохозяйственной продукции (57,5%) производится в Амурской области и Приморском крае, в том числе 70% продукции растениеводства.

Сельскохозяйственное производство в ДФО растет опережающими темпами, которые по итогам 2022 г. составили 111,3% к ПГ (РФ – 110,2%) (таблица 4). Основной вклад в динамику производства вносят отрасли растениеводства, в том числе валовой сбор сои вырос на 35,8%, масличных культур – на 35,8%, кукурузы на зерно – на 34,4%, картофеля – на 9,1%, овощей открытого и закрытого грунта – на 4,1%, при этом достигнутые темпы роста – выше среднероссийских. В животноводстве – на 11,8% выросло производство скота и птицы на убой (в живом весе), в том числе свиней – на 34,4% (52% произведено в Приморском крае с ростом за год в 2,4 раза) и

Рис. 9. Ввод в действие жилых помещений в субъектах ДФО

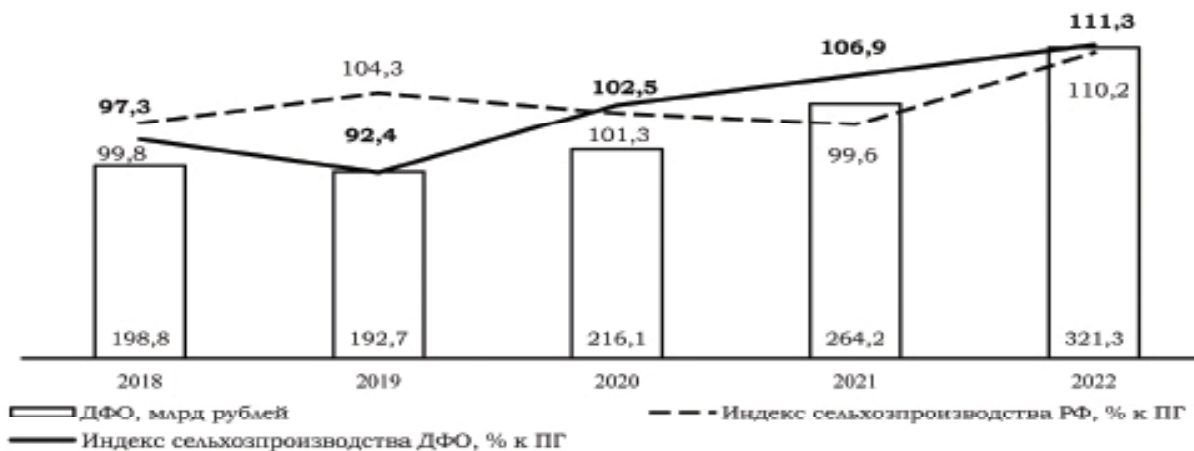

Рис. 10. Динамика промышленного производства

Таблица 4

Сельскохозяйственное производство в 2022 году

Территория	Объем с/х произв-ва млрд рублей	Индекс производства продукции					
		Все с/х производство		Растениеводство		Животноводство	
	в % к 2021 году						
РФ	8 850,9	110,2	▲	115,9	▲	102,4	▲
ДФО	321,3	111,3	▲	116,1	▲	104,8	▲
Республика Бурятия	20,5	98,9	▼	96,5	▼	100,2	▲
Республика Саха (Якутия)	28,8	101,2	▲	105,9	▼	99,3	▼
Забайкальский край	25,8	95,0	▼	94,2	▼	95,3	▼
Камчатский край	12,4	100,9	▲	101,0	▲	100,9	▲
Приморский край	84,9	119,7	▲	110,7	▲	137,5	▲
Хабаровский край	18,9	90,9	▼	92,5	▼	88,6	▼
Амурская область	99,7	124,5	▲	133,7	▲	95,8	▼
Магаданская область	2,9	107,1	▲	113,4	▲	95,9	▼
Сахалинская область	17,7	101,8	▲	104,0	▲	98,9	▼
Еврейская автономная область	8,0	116,5	▲	120,4	▲	101,7	▲
Чукотский автономный округ	1,8	110,8	▲	103,8	▲	113,2	▲

Источник: составлено авторами по данным Росстата.

птицы – на 7,2% (основной прирост также обеспечен производителями Приморского края, на долю которых приходится 33,2% производства ДФО с ростом в 1,3 раза). Одновременно отмечается снижение производства молока на 0,9% и яиц – на 2,2%.

Сдерживающее влияние на динамику сельского хозяйства оказывали природные и социально-экономические факторы, инфекционные патологии, в том числе паводки, вынужденный забой для финансирования текущей деятельности, неблагоприятная ситуация с численностью

и качеством трудовых ресурсов, сельская миграция, последствия заболевания лейкозом коров (Забайкальский край, Приморский край, Амурская область), африканской чумой свиней (Хабаровский край), птичьим гриппом и вирусом рассады томатов (Хабаровский край).

Розничная торговля

Оборот розничной торговли в ДФО за 2022 г. снизился на 1,9% по сравнению с ПГ, составив 2 402,5 млрд рублей (рис. 11). Замедление темпов роста показателя наблюдается с начала II квартала, но остается ниже, чем в целом по стране (РФ

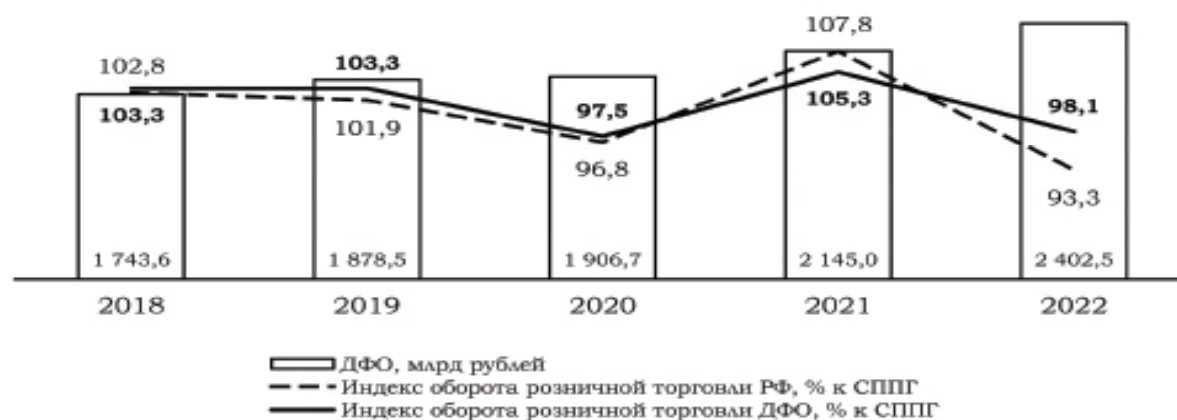

Рис. 11. Динамика оборота розничной торговли

– снижение на 6,7%).

Продажи пищевых продуктов, включая напитки, и табачных изделий в ДФО снизились на 1,2% к ПГ, что сопоставимо с динамикой показателя по стране (РФ – снижение на 1,5%). Объем торговли непродовольственными товарами в ДФО сократился заметно меньше, чем по стране – на 2,6% (РФ – сокращение на 11,1%).

Основное влияние на динамику показателя оказали ограничения, связанные с нарушением логистических цепочек и сужением импортного ассортимента.

Предпринимательство

По состоянию на 10.01.2023 количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на территории ДФО, зарегистрированных как субъекты малого и среднего предпринимательства (далее – МСП), составило 306,7 тыс. единиц, из которых 96,4% составляют микропредприятия. Количество зарегистрированных субъектов МСП на территории ДФО осталось на уровне 2021 года. Среднесписочная численность работников МСП за этот же период выросла на 4,0% до 729,2 тыс. человек. Основная доля субъектов МСП (57,0%) зарегистрирована в Приморском крае – 27,6%, Хабаровском крае – 16,2% и Республике Саха (Якутия) – 13,2% от общего числа субъектов МСП в ДФО.

По данным на 10.03.2023 количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, отнесенных к субъектам МСП, увеличилось на 3,7 тыс. единиц, при этом численность работников МСП к ПГ сократилась на 2,0 тыс. человек.

По итогам 2022 г. доля прибыльных предприятий и организаций (без учета субъектов малого предпринимательства) составила 65,9% от их общего числа, что ниже среднероссийского значения на 8,0

п.п. (РФ – 73,9%). По сравнению с ПГ доля прибыльных предприятий в ДФО снизилась на 1,2 п.п. Самая низкая доля прибыльных предприятий отмечается в Магаданской области (56,1%), самая высокая – в Приморском крае (73,7%).

Выводы

Данные о дальневосточной экономической динамике показывают, что в 2022 г. был отмечен спад в добывающей промышленности преимущественно за счет нефтедобычи Сахалинской области, в значительной мере пострадавшей от санкционных ограничений. Противоположная динамика отмечена во втором по значимости регионе ДФО, специализирующемся на энергоресурсах – Республике Саха (Якутия).

Отрасли глубокой переработки продемонстрировали падение за счет металлургии, производства пищевых продуктов и напитков. Положительный вклад в поддержку показателя внесли производства прочих транспортных средств, неметаллической минеральной продукции, обработки древесины.

Инвестиционная активность в макрорегионе превысила рост национального показателя за счет проектов в добыче полезных ископаемых, транспортно-логистическом комплексе, производстве химических веществ и продуктов.

Среднероссийской значение также превысила показатель объема строительных работ. Динамика отрасли в существенной мере была поддержана беспрецедентным ростом жилищного строительства.

Потребительский спрос по итогам 2022 г. в ДФО восстановился быстрее и на более высоком уровне, чем по стране в среднем.

Список источников:

1. Ахапкин Н. Ю. Промышленное производство в условиях пандемии коронавируса: динамика и структура // Вестник Института экономики РАН. 2021. № 6. С. 67–80. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_6_67_80.
2. Кузнецова О. В. Уязвимость структуры региональных экономик в кризисных условиях // Федерализм. 2020. № 2. С. 20–38. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-20202-20-38>.
3. Минакир П. А. Мировая экономика: идеальный шторм // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 2. С. 7–37. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.2.007-037>.

4. Минакир П. А., Исаев А. Г., Найден С. Н. Экономическое развитие и социальная динамика на Дальнем Востоке России: сценарный прогноз // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 6. С. 23–36. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.6.23>.
5. Полякова А. Г., Елисеева М. А., Ляшок В. Ю. Социально-экономическая ситуация между первой и второй волной пандемии: итоги третьего квартала 2020 г. // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 1. С. 64–76.
6. Прокапало О. М., Бардаль А. Б., Исаев А. Г., Мазитова М. Г., Суслов Д. В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2020 г. // Пространственная экономика. 2021. № 2. С. 81–126. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.081-126>
7. Прокапало О. М., Бардаль А. Б., Мазитова М. Г., Суслов Д. В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2021 г. // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 2. С. 135–182. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.2.135-182>.
8. Региональная экономика: комментарии ГУ / Центральный банк Российской Федерации. 2022. № 16. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43537/report_08122022.pdf
9. Социально-экономическое положение России / ФСГС. 2023. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b22_01/Main.htm
10. Федеральная служба государственной статистики. URL: rosstat.gov.ru

References:

1. Akhupkin N. Yu. (2021) Industrial production in the context of the coronavirus pandemic: dynamics and structure *Vestnik Instituta ekonomiki RAN* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. No. 6: 67–80. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_6_67_80. (In Russ.)
2. Kuznetsova O. V. (2020) Vulnerability of the structure of regional economies in crisis conditions *Federalizm* [Federalism]. No. 2: 20–38. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-20202-20-38>. (In Russ.)
3. Minakir P. A. (2022) World economy: an ideal storm *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. Vol. 18. No. 2: 7–37. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.2.007-037>. (In Russ.)
4. Minakir P. A., Isaev A. G., Nayden S. N. (2022) Economic development and social dynamics in the Russian Far East: scenario forecast *Regionalistika* [Regionalistics]. V. 9. No. 6: 23–36. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.6.23>. (In Russ.)
5. Polyakova A. G., Eliseeva M. A., Lyashok V. Yu. (2021) Socio-economic situation between the first and second waves of the pandemic: results of the third quarter of 2020 *Ekonomicheskoye razvitiye Rossii* [Economic development of Russia]. Vol. 28. No. 1: 64–76. (In Russ.)
6. Prokapalo O. M., Bardal A. B., Isaev A. G., Mazitova M. G., Suslov D. V. (2021) Economic situation in the Far Eastern Federal District in 2020 *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. No. 2: 81–126. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.2.081-126>(In Russ.)
7. Prokapalo O. M., Bardal A. B., Mazitova M. G., Suslov D. V. (2022) Economic situation in the Far Eastern Federal District in 2021 *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics]. V. 18. No. 2: 135–182. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.2.135-182>. (In Russ.)
8. Regional economy: comments GU / Central Bank of the Russian Federation. 2022. No. 16. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43537/report_08122022.pdf. (In Russ.)
9. Socio-economic situation in Russia / FSGS. 2023. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b22_01/Main.htm (In Russ.)
10. Federal State Statistics Service. URL: rosstat.gov.ru (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.03.2023; одобрена после рецензирования 22.03.2023; принята к публикации 23.03.2023.

The article was submitted 15.03.2023; approved after reviewing 22.03.2023; accepted for publication 23.03.2023.

Информация об авторах

Н. Е. Латышева – руководитель сектора «Мониторинг регионального социально-экономического развития», Федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования»;

О. А. Назаренко – старший аналитик, Федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования»;

Е. Ю. Агешина – кандидат экономических наук, директор по научно-методическим проектам, Федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования».

Information about the authors

N. E. Latysheva – Head of the sector «Monitoring of the regional socio-economic development», the federal autonomous scientific institution «The Eastern state planning center»;

O. A. Nazarenko – senior analyst, the federal autonomous scientific institution «The Eastern state planning center»;

E. Y. Ageshina – Candidate of Economics, director of the scientific and methodological projects, the federal autonomous scientific institution «The Eastern state planning center».

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 330.322.012

doi:10.22394/1818-4049-2023-102-1-59-69

Технологии бережливого производства как основа рационализации регионального инвестиционного стандарта

Наталя Альбертовна Маслюк¹, Надежда Васильевна Медведева²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления – филиал, Санкт-Петербург, Россия

¹ maslyuk-na@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6973-2056>

² medvedeva-nv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0674-6199>

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические и практические аспекты применения концепции бережливого производства в реализации государственной инвестиционной политики в части инструментария регионального инвестиционного стандарта. Успешная концепция бережливого производства, сформированная в сфере производства и бизнеса, находит своё применение при оптимизации процессов взаимодействия участников инвестиционного процесса и органов публичной власти. Одним из элементов Регионального инвестиционного стандарта является свод инвестиционных правил, содержащий алгоритмы действий инвестора в процессе реализации инвестиционных проектов. Методика сквозного инвестиционного потока, основанная на концепции бережливого производства, оптимизирует наполнение свода инвестиционных правил в составе регионального инвестиционного стандарта. Практическая реализация данной методики в пилотных регионах из числа субъектов Российской Федерации позволила сократить сроки клиентского пути инвестора и устранить дублирующие действия при взаимодействии органов власти и инвестора. Проведённый авторами обзор научных источников, содержащих теоретическое обоснование и подходы к адаптации концепции бережливого производства к сфере публичного управления, в том числе и экономическими процессами, представляет научный и практический интерес. Анализ фактических данных, характеризующих результаты внедрения модели сквозного инвестиционного потока, позволяет наглядно представить действие этой концепции в сфере инвестиционной политики. Отражённые в статье результаты исследования могут представлять интерес для практического применения органами публичной власти в сфере реализации инвестиционной политики региона, а также для исследователей в области инвестиционных процессов. Выводы авторов обосновывают внедрение технологии бережливого производства в свод инвестиционных правил регионального инвестиционного стандарта, что будет способствовать сокращению времени прохождения инвестором клиентского пути.

Ключевые слова: бережливое производство, сквозной инвестиционный поток, свод инвестиционных правил, региональный инвестиционный стандарт

Для цитирования: Маслюк Н. А., Медведева Н. В. Технологии бережливого производства как основа рационализации регионального инвестиционного стандарта // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 1 (102). С. 59–69. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-59-69>

Lean manufacturing technologies as a basis for rationalizing the regional investment standard

Nataliya A. Maslyuk¹, Nadezhda V. Medvedeva²

¹ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa, Khabarovsk, Russia

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the North-Western institute of management – branch of RANEPa, St. Petersburg, Russia

¹ maslyuk-na@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6973-2056>

² medvedeva-nv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0674-6199>

Abstract. *The article deals with the theoretical and practical aspects of application of the concept of lean manufacturing in implementation of the state investment policy in terms of the regional investment standard instruments. Successful concept of lean manufacturing, formed in the field of production and business, finds its application in optimizing the processes of interaction between investment process participants and public authorities. One of the elements of the Regional Investment Standard is the code of investment rules containing algorithms for the investor's actions in the process of implementing investment projects. Methodology of the end-to-end investment flow, based on the concept of lean manufacturing, optimizes the content of the code of investment rules as a part of the Regional Investment Standard. Practical implementation of this methodology in the pilot regions from among the subjects of the Russian Federation made it possible to reduce the terms of the investor's client trip and to eliminate duplicate actions in the interaction of the authorities and the investor. The review of scientific sources conducted by the authors, containing theoretical justification and approaches to adapting the concept of lean manufacturing to the field of public administration, including economic processes, is interesting for science and practice. Analysis of the actual data characterizing the results of introduction of the end-to-end investment flow model makes it possible to visualize the effect of this concept in the investment policy. The results of the research described in the article are interesting from the perspective of practical use by the government bodies in realization of the investment policy of the region, as well as by the researchers of problems of the investment sphere. Conclusions of the authors substantiate introduction of the Lean manufacturing technology into the code of the investment rules of the Regional Investment Standard, which will help reduce the time for investor to pass the client path.*

Keywords: *the Lean manufacturing, end-to-end investment flow, code of the investment rules, the Regional Investment Standard*

For citation: Maslyuk N. A., Medvedeva N. V. Lean manufacturing technologies as a basis for rationalizing the regional investment standard // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 1 (102). Pp. 59–69. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-59-69>

Введение

Усложнение современной действительности в сочетании с непрерывным поиском адекватных моделей управления актуализирует развитие системы бережливого производства.

Опыт повышения эффективности де-

ятельности организаций на основе применения концепции бережливого производства (производства без потерь) позволил трансформировать его в сферу публичного управления [Ожаровский и др., 2021. С. 30; Гусельникова, 2022. С. 25]. Условием такой трансформации высту-

пил сетевой эффект, возникающий при внедрении системы бережливого производства на уровне организаций.

Сущностные характеристики концепции бережливого производства выступают искомыми направлениями совершенствования государственного управления. Повышение удовлетворенности населения качеством услуг, результативности и эффективности деятельности органов публичной власти, оптимизация численности и функций органов публичной власти, быстрота и гибкость реагирования системы публичного управления на изменения и вызовы внешней среды – производные от сформулированных в национальных стандартах бережливого производства возможностей применения концепции бережливого производства в сфере бизнеса.¹

Бенчмаркингу подлежит представление бизнеса в контексте бережливого производства как непрерывного потока создания ценности для потребителя и неуклонного стремления к устранению всех видов потерь (действий, которые не создают ценность) [Долгопятова, Шиляева, 2017. С. 16], что соответствует пониманию клиентоцентричного государства.²

Является единым и не требует адаптации к сфере государственного управления понимание бережливого производства как определенного способа (культуры) мышления, рассматривая любую деятельность с точки зрения ценности для потребителя и сокращения всех видов потерь [Тяглов, Такмашева, 2019. С. 112; Макаров и др., 2021. С. 4841]. Равно как и представление бережливого управления как интегрированной системы управления, которая базируется на повышении эффективности процессов через снижение всех видов потерь [Со-

ломахин, 2020. С. 101].

Концепт бережливого производства, формируя новую политику бережливого управления как модели государственного управления, характеризуется поступательным развитием территориального и отраслевого применения, а также технологическим наполнением [Чазова, Соломенникова, 2021. С. 836].

Оптимизация государственного и муниципального управления на основе технологий бережливого производства становится непреложным фактором безбарьерной трансформации делового климата и повышения инвестиционной привлекательности. Не противоречит и общей логике концепции бережливого производства «доработка» нового инструмента на этапах его внедрения, что соответствует философии кайдзен³ как практике постоянного улучшения.

Предпосылки рационализации регионального инвестиционного стандарта

Внедрение регионального инвестиционного стандарта нового поколения «второй волны» сопровождается качественным наполнением каждого из структурных элементов, к числу которых относится свод инвестиционных правил [Медведева, Маслюк, 2022. С. 90]. Свод инвестиционных правил определен как оптимальный алгоритм действий («клиентский путь») инвестора, планирующего реализацию инвестиционного проекта на территории субъекта Российской Федерации.⁴ Определены оптимальные алгоритмы действий инвестора для обеспечения доступа к ключевым элементам инфраструктуры на территории региона. При ведении свода инвестиционных правил субъекты Российской Федерации могут актуализировать набор шагов,

¹ ГОСТ Р 56020-2014 Бережливое производство. Основные положения и словарь (Переиздание) // Официальное издание. М.: Стандартинформ, 2020.

² О проведении эксперимента по апробации инструментов, обеспечивающих внедрение принципов клиентоцентричности в государственном управлении: распоряжение Правительства РФ от 27.12.2021 № 3878-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112280022>

³ Кайдзен – одна из ключевых концепций менеджмента, в основе которой лежит непрерывное улучшение всех процессов производства.

⁴ О системе поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации («Региональный инвестиционный стандарт»): приказ Минэкономразвития России от 30 сентября 2021 г. № 591 (с изм. на 15 декабря 2022 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/608913625?section=status> (дата обращения: 10.02.2023).

сроков и количество процедур по шагам алгоритма, а также при необходимости расширять набор атрибутов, предусмотренных в алгоритмах действий. Эти действия способствуют рационализации регионального инвестиционного стандарта как одного из основных современных инструментов государственной инвестиционной политики.

Вместе с тем в субъектах Российской Федерации, внедривших в 2021 и 2022 гг. новый региональный инвестиционный стандарт, работа по совершенствованию инструментов его реализации приобрела перманентный характер. Анализ практического апробирования регионального инвестиционного стандарта выявил препятствия и избыточные требования к инвесторам. Для разрешения вопроса по сокращению сроков подключения бизнеса к инфраструктуре стало необходимым усовершенствовать алгоритмы действий инвесторов. Этому способствует формирование практики заключения соглашений по взаимодействию между регионами и ресурсоснабжающими организациями. В них определена информация, которой обмениваются стороны для удобства инвестора: сведения о расположении инфраструктуры, мощностях сетей, сроках подключения, возможностях снижения издержек и перспективах реализации проектов на конкретных площадках.⁵ При этом становится понятным, какие факторы влияют на сроки подключения бизнеса к газовым и электросетям. Это несоблюдение на местах регламентов оформления прав на земельные участки под сетевые объекты, а также длительные сроки получения разрешительной документации при строительстве сетевых объектов, согласование пересечений с иными собственниками. Становится очевидным применение межорганизационного (сквозного) потока действий инвестора, его маршрутизация по отработанному в

своей последовательности пути посредством бережливых технологий. Данный системный подход позволит избежать локальной оптимизации (улучшения одного из этапов в ущерб всей системе) как главной угрозы сквозного потока [Царенко, 2023. С. 69].

Проектирование сквозного инвестиционного потока

Качественное воплощение бережливые технологии получили в проекте Минэкономразвития России и государственной корпорации «Росатом» «Сквозной инвестиционный поток».⁶

Цель проекта «Сквозной инвестиционный поток» заключается в оптимизации отдельных направлений сквозного («клиентского») пути инвестора путем уменьшения количества процедур, сокращения сроков оформления и выдачи документов.

Разработка проекта сквозного инвестиционного потока в регионах предполагает создание его паспорта, карт текущего (измеряемого) и целевого состояния инвестиционного процесса (его этапов), реестр проблем и мероприятий по их разрешению.

Бережливый проект «Сквозной инвестиционный поток» основывается на методике измерения скорости прохождения клиентского пути инвестора (далее также – методика). Методика, в свою очередь, основана на концепции бережливого производства, предполагающего сквозные материальные потоки и устранение процессов, несущих потери потребительской ценности. В методике концепция бережливого производства адаптирована к процессам подключения инвестора к необходимым объектам инфраструктуры.

Методика проекта сквозного инвестиционного потока оптимизирует качественное наполнение свода инвестиционных правил в составе регионального

⁵ Минэкономразвития усовершенствует алгоритмы подключения бизнеса к инфраструктуре: информация размещена на официальном сайте Минэкономразвития России. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_usovershenstvuet_algoritmy_podklyucheniya_biznesa_k_infrastrukture.html

⁶ Бережливый проект: «Сквозной инвестиционный поток». Проект (B1). Росатом, август 2022. URL: <http://www.nvatom.ru/press-sluzhba/novosti-otrasli/1251-ob-yavleno-o-zapuske-sovmestnogo-proekta-minekonomrazvitiya-i-rosatoma-po-uskoreniyu-prisoedineniya-biznesa-k-infrastrukture>

инвестиционного стандарта. В данном аспекте речь идёт о совершенствовании элемента регионального инвестиционного стандарта, непосредственно используемого инвестором и существенно повышающего инвестиционную привлекательность региона. Внедрение методики в систему регионального инвестиционного стандарта, предположительно, позволит кратно сократить сроки подключения к объектам инфраструктуры и оптимизировать алгоритмы действий в этом процессе.

В рамках методики сквозного инвестиционного потока был определён ключевой параметр, подлежащий измерению и сокращению – скорость клиентского пути инвестора, т. е. время протекания процесса подключения к объектам инфраструктуры от начального момента подачи заявки на технические условия до заключительного этапа – получения зарегистрированного договора на подключение. Также были установлены целевые показатели по всем алгоритмам свода инвестиционных правил. По мнению экспертов Росатома, их достижение позволит регионам сократить клиентский путь инвестора в 1,5–2 раза.⁷

Методикой предлагаются три основных, обязательных к измерению показателя – скорость клиентского пути (этапа), трудоемкость клиентского пути (этапа), число документов на клиентском пути (этапе).

1. Измерение скорости клиентского пути инвестора и мониторинг ее изменений. К инструментам измерения скорости клиентского пути относятся картирование потоков и производственный анализ.

Основной целью картирования потоков является графическая визуализация потока на базе текущей ситуации путем построения схемы (карты) всех связей в образующих поток процессах [Малахова, 2020. С. 620]. На основании сформиро-

ванных карт выбираются участки для измерения скорости и характеризующие их значимые документы.

Скорость клиентского пути инвестора определяется временем протекания процесса (прохождения пути), соответственно каждый из элементов процесса необходимо хронометрировать (в днях) и определить потери, ведущие к увеличению сроков получения документов, и возможности на основе процедуры производственного анализа.

Дальнейшие действия заключаются в анализе проблем и возможностей, разработке карты целевого состояния и плана реализации улучшений (после его выполнения цикл картирования повторяется вновь).

2. Измерение трудоемкости клиентского пути инвестора. Трудоемкость процесса характеризуется затратами труда на его выполнение. Поддержание оптимальной трудоемкости процессов возможно на основе стандартизированного выполнения необходимых действий в процессах (этапах) клиентского пути инвестора.

Стандартизированная работа (как определено в национальных стандартах бережливого производства) – это точное описание каждого действия, включающее время такта, время цикла, последовательность выполнения определенных задач, минимальное количество запасов для выполнения работы.⁸ Стандартизированная работа при помощи хронометража позволяет выяснить, какие именно методы и процедуры являются оптимальными для того или иного процесса. Целью такой работы является повышение эффективности за счет минимизации потерь в каждой процедуре.

Измерение трудоемкости процессов клиентского пути инвестора производится отдельно для задействованного персонала инвестора и задействованного персонала органов публичной власти

⁷ Минэкономразвития отобрало лучшие практики работы с инвесторами в регионах: информация размещена на официальном сайте Минэкономразвития России. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_otobralo_luchshie_praktiki_raboty_s_investorami_v_regionah.html

⁸ БГОСТ Р 56908-2016 Бережливое производство. Стандартизация работы (Переиздание) // Официальное издание. М.: Стандартинформ, 2020.

и подведомственных учреждений и организаций (относительно последнего далее – трудоемкость власти).

Показателями расчета относительной трудоемкости выступает отношение трудоемкости инвестора к общей трудоемкости процесса и, соответственно, отношение трудоемкости власти к общей трудоемкости процесса. При этом трудоемкость инвестора определяется расчетным путем на основе интервьюирования руководства инвестора и непосредственных участников процесса. В свою очередь трудоемкость власти определяется на основе карты текущего состояния и таблиц производственного анализа (фиксируется в чел./час и чел./день, 8 чел./час = 1 чел./день).

В карте текущего состояния для определения трудоемкости клиентского пути инвестора применяется, помимо показателя в днях, дополнительный показатель – количество лиц, участвующих на каждом из измеряемых участков, что позволяет определить как трудоемкость этапа, так и рассчитать показатели относительной трудоемкости.

В процессе производственного анализа необходимо отслеживать изменение относительной трудоемкости инвестора, обеспечивая предпочтительный вариант – снижение относительной трудоемкости инвестора.

3. *Измерение числа документов на клиентском пути инвестора.* Измерение (подсчет) числа значимых документов, создаваемых на клиентском пути инвестора, ведется на основе матричных карт текущего и целевого состояния. Карта текущего состояния для определения числа документов клиентского пути дополняется непосредственно создаваемыми документами, приобретая форму матрицы, что позволяет соотнести количество дней на измеряемых участках, действий в эти дни на работу с документами с числом входных и итоговых документов. Возможность выявления излишних, несущественных и дублирующих

документов может оптимизировать как трудоемкость, так и скорость клиентского пути [Воронина, Мизина, 2018. С. 35].

Рассмотренная методика измерения скорости прохождения клиентского пути инвестора имеет потенциал своего развития в части утверждения текущих нормативов основных параметров клиентского пути инвестора, что обеспечит возможность расчета относительной скорости прохождения путем соотношения нормативного времени по алгоритму фактического времени прохождения участка.

Региональный опыт внедрения сквозного инвестиционного потока

Известны первые результаты реализации проекта «Сквозной инвестиционный поток».

В июле 2022 г. были определены семь пилотных регионов, которые начали внедрение и адаптацию «Сквозного инвестиционного потока»: Краснодарский край, Липецкая, Орловская, Нижегородская, Ростовская, Кемеровская и Сахалинская области. Цель выбора пилотных регионов и апробации методики – формирование лучших практик, тиражирование и использование которых остальными регионами может привести к сокращению клиентского пути в несколько раз.

Так, например, в Орловской области ключевой параметр – клиентский путь инвестора с момента подачи заявления на земельный участок до ввода объекта в эксплуатацию предполагалось сократить более чем в 2 раза – с 1239 до 555 дней; в Липецкой области – почти вдвое – с 869 дней до 451 дней. В процессе применения методики сквозного инвестиционного потока было выявлено около 50 проблем, замедлявших этот процесс. Губернаторы данных регионов подготовили предложения для корректировки как федерального, так и регионального законодательства для смягчения регуляторной политики и, как результат, сокращения указанных сроков.⁹

В Орловской области за счёт изменения

⁹ Минэкономразвития отобрало лучшие практики работы с инвесторами в регионах: информация размещена на официальном сайте Минэкономразвития России. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_otobralo_luchshie_praktiki_raboty_s_investorami_v_regionah.html

внутренних регламентов работы с бизнесом получилось сократить сроки: получения разрешения на строительство – на 8 рабочих дней; согласования присоединения инвестора к дорожной инфраструктуре – на 26 дней, подключения к водоснабжению – на 35 дней. В общей сложности в регионе было реализовано 113 мероприятий по оптимизации процедур, что привело к сокращению клиентского пути инвестора на 10% до 1114 дней.¹⁰

В Ростовской области ключевой параметр – скорость клиентского пути инвестора планировалось сократить на 30%, в том числе за счёт процедуры предоставления земельных участков без торгов инвесторам, реализующим масштабные инвестиционные проекты, также планировалось сократить эти сроки. К реализации бережливого проекта «Сквозной инвестиционный поток» в регионе было привлечено более 200 участников – правительство области, команды муниципальных образований, а также 8 пилотных инвесторов в таких отраслях, как промышленность, жилищное строительство, логистика.

В начале реализации проекта были выявлены «узкие места» в клиентском пути инвестора, разработан и утверждён план-график по достижению целевых показателей. Для ускорения процедуры принятия решения о подготовке документации по планировке территории в муниципальных регламентах ряд процессов, ранее протекавших последовательно, будут реализовываться параллельно. Это приведёт к сокращению срока процедуры на 37 дней (с 79 до 42 дней). Также длительность процедуры «Утверждение документации по планировке территории» была сокращена на 60 дней (с 158 до 98 дней) путём сокращения сроков публичных слушаний до 30 дней. Соответствующие изменения в муниципальные регламенты внесены на временной основе (на период реализации пилотного

проекта) до конца 2023 года. Однако при успешной практике данные положения возможно закрепить путём внесения поправок в федеральное законодательство. Также Ростовской областью направлены в Минэкономразвития России еще ряд предложений по внесению изменений в Градостроительный кодекс.¹¹

Бережливый проект по завершении пилотных сроков в регионах не останавливается, а становится моделью постоянной работы по оптимизации «клиентского пути» инвестора.

В другом пилотном регионе – Нижегородской области – в реализации бережливого проекта участвуют профильные министерства, органы местного самоуправления, ресурсоснабжающие организации и в качестве консультантов – инвесторы. Участники проекта до II квартала 2023 года должны сформировать предложения по оптимизации клиентского пути инвестора. Планируется оптимизировать процедуры получения земельного участка в аренду, подключения к объектам инфраструктуры (электрическим сетям, объектам теплоснабжения и газоснабжения, водоснабжения и водоотведения), обеспечения доступа к дорожной инфраструктуре, а также процедуры получения разрешения на строительство и ввод объектов в эксплуатацию, оформления права собственности на введенный в эксплуатацию объект.¹²

В Кемеровской области в рамках реализации бережливого проекта «Сквозной инвестиционный поток» заключено соглашение о сотрудничестве между министерством экономического развития Кузбасса, инвестиционным агентством региона и кузбасским филиалом «Россети Сибирь». Взаимодействие с ресурсоснабжающей организацией позволит сократить сроки по алгоритмам подключения инвестора к электрическим сетям, включая уменьшение срока получения информации от энергетической ресур-

¹⁰ В Орловской области поделились опытом сокращения «клиентского пути» инвестора. URL: <https://orel.bezformata.com/listnews/orlovskoy-oblasti-podelilis-opitom/113704676/>

¹¹ «Сквозной инвестиционный поток» сократит на треть общее время протекания инвестпроцесса в Ростовской области: Официальный портал Правительства Ростовской области. URL: <https://www.donland.ru/news/21320/>

¹² «Сквозной инвестиционный поток». URL: <https://moyaokruga.ru/Print.aspx?articleId=549097>

соснабжающей организации, обеспечение оперативного обмена сведениями о мощностях и возможности технического присоединения.¹³

Краснодарский край при реализации бережливого проекта планирует более чем в 2 раза сократить время согласования и запуска инвестиционных проектов. В процессе реализации «Сквозного инвестиционного потока» запущено 11 региональных проектов по оптимизации «клиентского пути» инвестора, подготовлено 28 карт текущего, идеального и целевого состояния процессов, проведено интервьюирование 398 инвесторов и экспертов ресурсоснабжающих организаций по всем направлениям «клиентского пути». Также в проекте участвуют свыше 50 государственных и частных организаций (всего более 700 человек) сформирована головная группа, а также 8 рабочих групп по направлениям алгоритмов Свода инвестиционных правил. Были выявлены проблемные этапы «клиентского пути».¹⁴

Сахалинская область также приступила к внедрению «сквозного инвестиционного потока». В рамках этой работы предлагается, например, сократить срок реализации алгоритма присоединения инвестора к сетям газоснабжения в 3 раза (со 189 до 64 дней).¹⁵

Наряду с пилотными регионами, оптимизацию алгоритмов действий инвестора самостоятельно проводят и другие регионы. Так, в Ленинградской области работает проект «Зеленый коридор», который вошёл в число лучших региональных

практик по сопровождению инвесторов. Он объединил на одной цифровой платформе органы исполнительной власти, ресурсоснабжающие организации и администрации 8 муниципальных районов (остальные 10 войдут в проект до конца 2023 года). Если до внедрения проекта срок подготовки инвестором пакета документов для подключения к сетям составлял 30–45 дней, то сейчас за 7 дней инвестор получает сведения о возможности технического присоединения¹⁶.

В Москве заявка на технологическое присоединение подается через ресурс mos.ru. Подается одна заявка на подключение сразу к нескольким видам инженерных сетей. Средний срок заключения договора на подключение составляет 15 календарных дней¹⁷.

Следует отметить, что решение проблемы оптимизации сроков прохождения инвестором «клиентского пути» – достаточно сложная и многоплановая задача, так как данный процесс включает различных участников, действующих в рамках существующего законодательства и исходя из своих целей, задач или интересов, таких как: бизнес, органы государственной власти и местного самоуправления, участвующие в реализации инвестиционной политики территории; контрольно-надзорные органы, ресурсоснабжающие, коммунальные, градостроительные организации, население территории.

В результате деятельности экспертов бережливого проекта «Сквозный инвестиционный поток» выявлено более 200 типовых проблем. Из них выделили пять

¹³ В Кузбассе начнут применять бережливые технологии при работе с инвесторами. URL: <https://kemerovo.bezformata.com/listnews/kuzbasse-nachnut-primenyat-berezhlivie/107906681/>

¹⁴ На Кубани вдвое сократят сроки запуска инвестиционных проектов: информация размещена на Краснодарском бизнес портале Глобалкрас.ру. URL: <https://globalkras.ru/news/id/11562>

¹⁵ Сквозной инвестиционный поток как инструмент бережливого производства при реализации инвестпроектов: презентация Лимаренко В. И., Губернатор Сахалинской области // материалы Межрегионального форума по внедрению инвестиционного стандарта. Пленарное заседание «Региональный инвестиционный стандарт как инструмент экономического роста». URL: <https://xn----7kcahoew7bcepucgbpcfxs.xn--p1ai/program/>

¹⁶ Проект Ленинградской области «Зелёный коридор для инвесторов» вошёл в число лучших российских практик по сопровождению инвестпроектов. URL: <https://gtn-pravda.ru/2022/12/12/leningradskiy-zeleniy-koridor-dlja-investorov.html>

¹⁷ Андрей Белоусов: инвестстандарт активно вовлек ресурсоснабжающие компании в работу с бизнесом: информация размещена на официальном сайте Минэкономразвития России. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/andrey_belousov_investstandart_aktivno_vovlek_resursosnabzhayushchie_kompanii_v_rabotu_s_biznesom.html

наиболее значимых:

дублирование бумажного и электронного документооборота;

излишние согласования;

неэффективное межведомственное взаимодействие информационных баз данных;

отсутствие банка типовых ошибок;

существенное число отказов, возвратов, приостановки обработки заявлений¹⁸.

Устранение этих и других проблем станет условием перехода инвестиционных процессов в России на качественно более высокий уровень и их активизации.

Однако, несмотря на преимущества модели «Сквозного инвестиционного потока», возникает вопрос о системе управления этим потоком. Пока вопросы и проблемы законодательного регулирования и выстраивания взаимоотношений с ресурсоснабжающими организациями решаются при помощи «административного ресурса» губернатора и органов власти региона, положительный синергетический эффект от «сквозного потока» будет не-

предсказуемым и существенно разниться в различных регионах, что наблюдаем по приведённым выше данным.

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, обоснованным является вывод об очевидном положительном факторе стандартизации инвестиционных правил как приглашению внутренних инвесторов к сотрудничеству, что обеспечит приток инвестиций в экономику страны. Обеспечивающим фактором тому выступает идея стандартизации, которая сводится к фиксации ответственности органов региональной власти за взятые обязательства, дает гарантии дальнейшего «неухудшения» инвестиционного проекта, открывает инвестору доступ к системе различных льгот и программ поддержки. Внедрение технологий бережливого производства в систему инвестиционных правил будет способствовать переходу от алгоритмизации единичных процессов к сокращению времени присоединения ко всем сетям на сквозном пути инвестора.

Список источников:

1. Бережливое управление в госсекторе. Как наладить процессы / под ред. А. В. Ожаровского, К. А. Ткачевой. - Москва: РАНХиГС, 2021. – 184 с.
2. Воронина Л. А., Мизина Д. Н. Перспективы применения лин-менеджмента в сфере услуг // Вестник науки и образования. 2018. № 6 (42). С. 33–37.
3. Гусельникова О. Ю. От бережливого производства к бережливому государству: эволюция представлений о бережливом управлении // Инновации и инвестиции. 2022. № 8. С. 25–35.
4. Долгопятова Т. Г., Шиляева Е. В. Сетевые эффекты при внедрении системы бережливого производства // Управленец. 2017. № 4 (68). С. 14–23. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30611969>
5. Макаров И. Н., Хрючкина Е. А., Назаренко В. С., Байсара Э. Р. Концепция бережливого производства как отображение изменения культуры производственного менеджмента в условиях ресурсодефицитной экономики // Креативная экономика. 2021. Том 15. № 12. С. 4837–4850.
6. Малахова А. А., Старова О. В., Арефьев В. А. Бережливое производство как фактор повышения эффективности менеджмента // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Том 10. № 3. С. 615–634. DOI: 10.18334/err.10.3.100428
7. Медведева Н. В., Маслюк Н. А. Эволюция регионального инвестиционного стандарта // Современные тенденции развития инвестиционного потенциала в России. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2022. С. 87–94.

¹⁸ Материалы парламентских слушаний «Новые подходы к привлечению инвестиций в регионах в рамках решения задач пространственного развития. Москва, 20 октября 2022 г. URL: <http://council.gov.ru/media/files/N50fmOFLlf6ufo5M7ayvsw7thgw2txLr.pdf>

8. Соломахин А. Н. Особенности реализации бережливого управления в органах публичной власти: теория и практика // Регион: системы, экономика и управления. 2020. № 3 (50). С. 98–107. DOI: 10.22394/1997-4469-2020-50-3-98-107
9. Тяглов С. Г., Такмашева И. В. Развитие бережливого производства в условиях трансформации региональной экономики // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2019. Том.10. № 1. С. 107–119. DOI: 10.17835/2078-5429.2019.10.1.107-119
10. Царенко А. С., Гусельникова О. Ю. «Бережливое мышление» в государственном управлении : монография. Москва : Издательство Юрайт, 2023. – 206 с.
11. Чазова И. Ю., Соломенникова С. И. Применение методов бережливого управления в органах государственной власти // Вестник Удмуртского университета. 2021. Т. 31, вып. 5. С. 834–842. DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-5-834-842

References:

1. Lean management in the public sector. How to set up processes / ed. A. V. Ozharovsky, K. A. Tkacheva. Moscow: RANEPА, 2021. - 184 p. (In Russ.)
2. Voronina L. A., Mizina D. N. (2018) Prospects for the use of lean management in the service sector *Vestnik nauki i obrazovaniya* [Bulletin of Science and Education]. No. 6 (42): 33–37. (In Russ.)
3. Guselnikova O. Yu. (2022) From lean production to a lean state: the evolution of ideas about lean management *Innovatsii i investitsii* [Innovations and investments]. No. 8: 25–35. (In Russ.)
4. Dolgopyatova T. G., Shilyaeva E. V. (2017) Network effects in the implementation of a lean production system *Upravlenets* [Manager]. No. 4 (68): 14–23. (In Russ.)
5. Makarov I. N., Khryuchkina E. A., Nazarenko V. S., Baysara E. R. (2021) The concept of lean production as a reflection of the change in the culture of production management in a resource-deficient economy *Kreativnaya ekonomika* [Creative Economy]. Vol. 15. No. 12: 4837–4850. (In Russ.)
6. Malakhova A. A., Starova O. V., Arefiev V. A. (2020) Lean production as a factor in improving management efficiency *Ekonomika, predprinimatel'stvo i parvo* [Economics, Entrepreneurship and Law]. Vol. 10. No. 3: 615–634. DOI: 10.18334/epp.10.3.100428 (In Russ.)
7. Medvedeva N. V., Maslyuk N. A. (2022) Evolution of the regional investment standard. Modern trends in the development of investment potential in Russia in IV All-Russian Scientific and Practical Conference. Moscow. Pp. 87–94. (In Russ.)
8. Solomakhin A. N. (2020) Features of the implementation of lean management in public authorities: theory and practice *Region: sistemy, ekonomika i upravleniya* [Region: systems, economics and management]. No. 3 (50): 98–107. DOI: 10.22394/1997-4469-2020-50-3-98-107 (In Russ.)
9. Tyaglov S. G., Takmasheva I. V. (2019) The development of lean production in the context of the transformation of the regional economy *Journal of Economic Regulation (Voprosy regulirovaniya ekonomiki)* [Journal of Economic Regulation (Issues of economic regulation)]. Vol. 10. No. 1: 107–119. DOI: 10.17835/2078-5429.2019.10.1.107-119 (In Russ.)
10. Tsarenko A. S., Guselnikova O. Yu. (2023) “Lean thinking” in public administration: monograph. Moscow: Yurayt Publishing House. – 206 p. (In Russ.)
11. Chazova I. Yu., Solomennikova S. I. (2021) Application of lean management methods in state authorities *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of the Udmurt University]. Vol. 31. No. 5: 834–842. DOI: 10.35634/2412-9593-2021-31-5-834-842 (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.02.2023; одобрена после рецензирования 27.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted 13.02.2023; approved after reviewing 27.02.2023; accepted for publication 01.03.2023.

Информация об авторах

Н. А. Маслюк – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

Н. В. Медведева – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления – филиал.

Information about the authors

N. A. Maslyuk – Candidate of Economics, Associate Professor, the chair of management and public administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА;

N. V. Medvedeva – Candidate of Economics, Associate Professor, the public and municipal administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the North-Western institute of management – branch of RANEPА.

Научная статья

УДК 331.5

doi:10.22394/1818-4049-2023-102-1-70-78

Напряженность на рынке труда как индикатор экономической безопасности региона

Марина Сергеевна Сюпова¹, Светлана Сергеевна Халикова²

¹ Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

¹ 003624@pnu.edu

² khalikova-ss@ranepa.ru

Аннотация. Конъюнктура рынка труда играет особую роль в вопросах обеспечения экономической безопасности страны и её отдельных территорий. С одной стороны, состояние рынка труда оказывает прямое влияние на уровень благосостояния населения и степень социальной защищенности, динамику реального объема производства и производительность труда. С другой стороны, показатели рынка рабочей силы характеризуются высокой чувствительностью к существующим угрозам социального, экономического и демографического характера. Пандемия COVID-19 и введение антироссийских санкций стали причиной серьезных трансформаций, которые привели к росту напряженности и формированию новых очагов уязвимости на рынке рабочей силы. Исследуя напряженность как индикатор экономической безопасности региона, в статье выделены угрозы, которые возникают в результате дисбаланса на региональном рынке труда (открытая безработица, застойная безработица, неполная занятость). Наряду с этим, в работе рассматриваются факторы, повышающие напряженность на рынке труда и, одновременно, снижающие уровень экономической безопасности в регионе (низкая обеспеченность населения трудоспособного возраста, низкий уровень экономической активности населения, неустойчивый экономический рост). Для оценки уровня напряженности и анализа глубины угроз предлагается использовать систему статистических показателей, которые в ходе исследования нормируются и формируют интегральный индекс напряженности. Предложена шкала оценки напряженности на рынке труда в регионе, согласно которой высокий уровень интегрального индекса свидетельствует о благоприятной ситуации на рынке труда и отсутствии исследуемых угроз. По мере снижения обобщенного показателя степень напряженности повышается, что снижает общий уровень экономической безопасности. Результаты подобных исследований могут выступать инструментом оценки проводимой региональной политики и использоваться для принятия обоснованных управленческих решений в сфере занятости населения.

Ключевые слова: рынок труда, напряженность, экономическая безопасность, угрозы, регион

Для цитирования: Сюпова М. С., Халикова С. С. Напряженность на рынке труда как индикатор экономической безопасности региона // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 1 (102). С. 70–78. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-70-78>

Labor market tension as an indicator of economic security of the region

Marina S. Syupova¹, Svetlana S. Khalikova²

¹ The Pacific State University, Khabarovsk, Russia

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА, Khabarovsk, Russia

¹ 003624@pnu.edu

² khalikova-ss@ranepa.ru

Abstract. *Labor market conditions play special role in ensuring the economic security of the country and its individual territories. On the one hand, the state of labor market has a direct impact on the level of well-being of the population and the degree of their social security, the dynamics of real production and labor productivity. On the other hand, labor market indicators are characterized by a high sensitivity to existing threats of a social, economic and demographic nature. The COVID 19 pandemic and the introduction of anti-Russian sanctions have caused serious transformations that have led to an increase in tension and formation of the new hotbeds of vulnerability in the labor market. Examining tension as the indicator of economic security of the region, this article highlights the threats that arise as a result of imbalance in the regional labor market (open unemployment, stagnant unemployment. Along with this, the article considers factors that increase stress.*

Keywords: labor market, tension, economic security, threats, region

For citation: Syupova M. S., Khalikova S. S. Labor market tension as an indicator of economic security of the region // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 1 (102). Pp. 70–78. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-70-78>

Введение

Сфера занятости оказывает существенное влияние на уровень экономической безопасности страны и её отдельных регионов. От ситуации на рынке труда напрямую зависит уровень доходов и качество жизни населения. Показатели занятости и безработицы определяют объемы и динамику валового внутреннего продукта, влияют на производительность труда. Одновременно конъюнктура рынка рабочей силы характеризуется высокой чувствительностью к социально-экономическим вызовам и угрозам, происходящим в обществе.

В настоящее время российский рынок труда трансформируется под воздействием целого ряда факторов. Наиболее существенный из них – пандемия COVID-19, кардинально изменившая объемные и структурные параметры спроса и предложения и ставшая источником формирования новых проблемных зон в сфере занятости населения. Резкое сокращение

деловой активности сопровождалась ростом уровня безработицы и сокращением объемов рабочего времени. С середины 2020 года отечественные предприятия расширили практику перевода персонала в режим неполной занятости, что, в конечном счете, негативно отражается на показателях производительности труда и уровне заработной платы. Трудности, связанные с трудоустройством в период пандемии, увеличили показатели средней продолжительности поиска работы и усилили процессы перераспределения трудоспособного населения из состава рабочей силы в экономическую неактивность. Чаще всего официальный рынок труда покидали представители наиболее уязвимых групп работников: люди предпенсионного возраста, женщины, молодежь. Часть из них перешла в неформальный сектор экономики, другие – вообще вышли из состава рабочей силы. Предложение рабочей силы сокращалось также за счет убыли иностранных трудовых мигран-

тов. Наряду с этим, усилились тенденции «утечки кадров» из страны [Забелина, Мирзабалаева, Санкова, 2022].

Региональные рынки труда по-разному отреагировали на происходящие в обществе структурные и институциональные изменения. В отдельных субъектах РФ основные параметры рынка труда удалось удержать на социально безопасном уровне, в других – ситуация оказалась трудноуправляемой и степень напряженности достигала критических значений. В большинстве регионов пандемический кризис привел к обострению существующих проблем и формированию новых очагов уязвимости на рынке рабочей силы.

В связи с этим возникает необходимость уточнения угроз экономической безопасности, влияющих на напряженность рынка труда в субъектах РФ в современных реалиях, а также выделить показатели и критерии интегральной оценки состояния регионального рынка труда. Данные показатели могут быть положены в основу проводимого мониторинга ситуации на рынке рабочей силы, что позволит своевременно выявлять существующие угрозы и принимать обоснованные управленческие решения в ходе проведения региональной политики в сфере занятости населения.

Угрозы экономической безопасности, определяющие уровень напряженности на рынке труда в субъекте РФ

Конъюнктура рынка труда играет двоякую роль в вопросах оценки и обеспечения экономической безопасности региона. С одной стороны, напряженность на рынке труда выступает источником формирования ряда угроз экономической безопасности в субъекте РФ. С другой, анализ состояния и тенденций изменения основных параметров рынка рабочей силы позволяет выявить существующие проблемы социального, демографического и экономического характера в регионе.

Одной из важнейших угроз экономической безопасности, возникающей вследствие дисбаланса спроса и предложения рабочей силы, является безработица. Негативные последствия, вызванные безработицей, носят как экономический, так и социальный характер. В

качестве главной экономической проблемы снижения занятости населения выступает существенное превышение объемов потенциального валового выпуска над реальными объемами производства. «Недопроизводство в экономике» сокращает суммы налоговых поступлений в бюджетную систему страны. Однако основной причиной пристального внимания органов государственной власти к проблеме безработицы является рост социальной напряженности. Оставшись без работы, человек теряет стабильный источник дохода, который обеспечивает ему нормальные условия для существования. Как результат, в обществе усиливается дифференциация доходов населения, растет уровень бедности. Кроме того, незанятость способна спровоцировать в сознании многих людей личностную трагедию, из-за чего могут возникнуть психические расстройства и отклонения, вызванные чувством бесполезности собственного существования [Дудина, Арсельгова, 2019]. Как правило, на фоне роста уровня безработицы растет число лиц девиантного поведения, обостряется криминогенная ситуация. Массовая безработица часто приводит к развитию очень быстрых и бурных перемен в социально-политической сфере жизнедеятельности общества.

Особенно опасна для общества застойная (длительная) безработица, когда продолжительность поиска работы составляет 12 месяцев и более. Прежде всего, отсутствие работы продолжительное время обостряет материальное и эмоциональное состояние безработного. Наряду с этим, застойная безработица приводит к частичной потере квалификации работников, что повышает риск их ухода из состава рабочей силы. Высокие риски для региона возникают, когда большинство «застойных» безработных формируют работники предпенсионного возраста и молодые сотрудники. Так, преждевременный уход с рынка труда представителей старших возрастных групп приводит к тому, что региональная экономика теряет часть трудовых ресурсов, имеющих достаточный опыт работы и уровень квалификации. Более долгосрочные и серьезные последствия влечет за собой

застойная безработица среди молодежи. Испытывая трудности с трудоустройством, молодые люди, в числе которых выпускники профессиональных учебных заведений, относительно легко меняют место жительства и эмигрируют из региона. В этом случае нарушаются естественные процессы воспроизводства человеческого капитала, что в перспективе ухудшит качество и размеры трудового потенциала территории. Потеря молодых квалифицированных кадров снижает способность региональной экономики к созданию и восприимчивости инноваций. Следует отметить, что основными очагами формирования застойной безработицы в регионе являются сельские территории и провинциальные города, где ограничено число фактических и потенциальных рабочих мест.

Несколько иного рода риски и угрозы порождает латентная (скрытая) безработица, которая представляет собой основную форму неэффективной занятости населения. Неэффективная занятость одновременно выполняет роли «социального амортизатора и экономического тормоза» [Колесник, 2021]. С одной стороны, латентный характер безработицы позволяет поддерживать уровень занятости на достаточно высоком уровне, обеспечивая минимальный уровень доходов для значительной части трудоспособного населения [Садыков, Мигунова, 2016]. С другой – формирует значительное число «работающих бедных». Это приводит к социальному расслоению общества и ускоряет процесс формирования класса прекариев [Соболева, Соболев, 2021]. Неполная занятость приводит к снижению производительности труда и сдерживает рост уровня средней заработной платы в регионе.

Уровень заработной платы, являясь эндогенным фактором рынка труда, во многом определяет социальное и экономическое благополучие жителей территории. Заработная плата выступает основным источником дохода для большинства занятого населения и составляет 2/3 структуры доходов всего населения [Садыков, Мигунова, 2016]. Невысокий уровень доходов негативно влияет на качество жизни занятого населения, что

повышает социальную нестабильность в регионе. Одной из наиболее острых социальных проблем может стать добровольная безработица застойного характера, вызванная несоответствием между фактическим и ожидаемым уровнем заработной платы. К угрозам экономического характера относится также массовый отток кадров из региона. Миграционная убыль трудовых ресурсов сокращает предложение рабочей силы и может породить дефицит работников отдельных сегментов регионального рынка труда. Чтобы решить вопрос нехватки кадров, работодатели начинают необоснованно повышать заработную плату для «дефицитных» специалистов. Это ведет к усугублению дифференциации населения и обострению социально-экономической обстановки.

Очевидно, что ситуация на рынке труда формируется под воздействием социально-экономических процессов в регионе. Так, потребность экономики в работниках является величиной, производной от основных макроэкономических показателей. Увеличение спроса на рабочую силу объясняется стабильным экономическим ростом, улучшающим ситуацию не только в сфере занятости, но и обществе в целом. В условиях кризиса численность занятых и свободных вакансий сокращается, как следствие повышается напряженность на рынке труда. Предложение рабочей силы определяется численностью активной части трудоспособного населения. Поэтому существенное влияние на объемы предложения труда оказывают такие демографические процессы, как естественное и механическое движение населения. Снижение численности населения в трудоспособном возрасте представляет собой угрозу для трудодефицитных регионов, где спрос на рабочую силу превышает предложение. Нехватка трудовых ресурсов уменьшает потенциал производственного роста, а производительность труда опережает рост заработной платы. Наряду с этим, критических значений достигают показатели демографической нагрузки. В трудоизбыточных регионах наоборот миграционная убыль снижает напряженность на рынке труда, что при-

водит к ослаблению социальных проблем, вызванных высоким уровнем безработицы. Важным фактором, определяющим предложение труда в регионе, выступает экономическая активность населения.

Таким образом, дисбаланс на рынке труда порождает такие угрозы экономической безопасности как открытая безработица, застойная безработица и неполная занятость. Наряду с этим, анализ и оценка степени напряженности на рынке труда позволяет выявить такие угрозы экономической безопасности, как обеспеченность региона населением трудоспособного возраста, уровень экономической активности населения, устойчивость экономического роста.

Показатели и критерии оценки напряженности на рынке труда региона

В отечественной научной литературе сформировалось два подхода к анализу и оценке уровня напряженности на рынке труда. Представители первого подхода в своих работах [Колесникова, 2013; Кондусова, Бахина, 2019] опираются на коэффициент напряженности, считая его достаточно чувствительным к происходящим изменениям. В рамках второго подхода напряженность на рынке труда рассматривают [Коровин, Долгова, Королев, Сеница, 2020; Тупкина, Кочека, Матов, 2013] как интегральную характеристику, которую можно оценить целым рядом показателей. При этом в зависимости от целей и периода исследования, совокупность анализируемых показателей отличается по составу.

Для оценки напряженности на рынке труда традиционно используются показатели, являющиеся базовыми в характеристике состояния рынка труда: уровень занятости населения; уровень общей и регистрируемой безработицы; доля безработных, ищущих работу 12 и более месяцев; коэффициент напряженности. В последние годы, учитывая последствия новых вызовов и угроз на рынке труда, авторы рассматривают более широкий спектр показателей. Так, ученые Института народнохозяйственного прогнозирования РАН [Коровин, Долгова, Королев, Сеница, 2020] рассчитывают модифици-

рованный интегральный индекс напряженности на рынке труда, включающий характеризующие движение рабочей силы показатели. Забелина О. В., Мирзабалаева Ф. И., Санкова Л. В., преследуя цель выявления регионов «новой напряженности», наряду с другими показателями, анализируют среднюю продолжительность поиска работы социально уязвимых групп населения [Забелина, Мирзабалаева, Санкова, 2022]. Чаще авторы стали исследовать показатель уровня участия в рабочей силе [Соболев, Соболева, 2021], который отражает экономическую активность трудоспособного населения.

На наш взгляд, напряженность на региональном рынке труда представляет интегральную величину, которая является обобщенным отражением состояния рынка рабочей силы. Исследуя напряженность как индикатор экономической безопасности региона, предлагается использовать следующую систему статистических показателей.

В состав исследуемых показателей входят, прежде всего, показатели открытой безработицы. К ним относится уровень безработицы, измеряемый по методологии Международной организации труда (далее – МОТ). Он отражает уровень общей безработицы в регионе и в условиях устойчивого экономического состояния не должен превышать 5–6% от численности экономически активного населения. В нестабильной экономической ситуации необходимо также рассматривать динамику уровня зарегистрированной безработицы, так как данный показатель более восприимчив к кризисным проявлениям. Так, в 2020 г., несмотря на то, что уровень общей безработицы находился в пределах социально безопасных значений (по данным Росстата – 6,3%), сегмент регистрируемой безработицы достиг критических значений (4,9%)¹.

Застойная безработица может быть оценена при помощи таких показателей, как средняя продолжительность поиска работы и удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более. Считается, что соискатель при поиске работы наиболее активен 2–3 месяца.

¹ Критическое значение уровня регистрируемой безработицы составляет 4–5%.

Однако данная норма длительности безработицы весьма условна, так как период поиска работы зависит от многих факторов, включая профессиональную деятельность и опыт работы, регион и особенности его рынка труда. Поэтому масштабы застойной безработицы более целесообразно оценивать путем сравнения фактических значений показателей в регионе со средними по стране.

Уровень латентной безработицы можно оценить, используя статистические показатели, характеризующие долю лиц, работающих в состоянии неполной занятости, и динамику фактически отработанного рабочего времени. Следует отметить, что в российской действительности работодатели избегают увольнений в условиях сокращения потребности в рабочей силе и переводят сотрудников на сокращенный график работы либо предоставляют им вынужденные отпуска. В связи с этим показатели латентной безработицы в России резко реагируют на негативные тенденции в экономике. В качестве критериев оценки существующих рисков и угроз могут применяться среднероссийские значения показателей в исследуемый период, а также значения базовых (докризисных) годов.

Основным показателем, позволяющим оценить характер и степень сбалансированности рынка рабочей силы, является коэффициент напряженности. Он показывает отношение общей численности безработного населения к числу вакантных рабочих мест. Ситуация на рынке считается напряженной, когда коэффициент напряженности больше 1, что характерно для трудоизбыточных регионов. Низкая напряженность возникает в трудодефицитных территориях, когда спрос превышает предложение труда, и коэффициент напряженности меньше единицы. Уровень заработной платы является главным инструментом согласования спроса и предложения на рынке труда. Очевидно, что размер оплаты труда существенно различается в отраслевом и профессионально-квалификационном разрезе. Поэтому для оценки угроз экономической безопасности применяется средняя заработная плата, исчисляемая путем соотношения показателей общего

фонда заработной платы и среднесписочной численности работников организаций за определенный период.

Следующая группа объединяет показатели, которые определяют уровень напряженности на рынке труда в регионе. Со стороны предложения рост напряженности обостряют такие негативные демографические процессы, как изменение численности трудоспособного населения и его доли в общей структуре населения; отрицательное сальдо миграционного движения населения, а также уровень участия трудоспособного населения в рабочей силе. Спрос на рабочую силу сильно зависит от динамики реального объема выпуска (далее – ВРП). Снижение темпов роста ВРП ниже допустимых значений усиливает риски роста напряженности на рынке труда.

Предлагаемая к использованию система показателей представлена в таблице 1.

Для оценки степени удаленности показателей от их пороговых значений и выявления угроз экономической безопасности в субъекте РФ используются коэффициенты соотношения. Они представляют собой относительную величину, которая показывает, во сколько раз значение показателя в субъекте РФ больше либо меньше нормативных значений:

$$K_i = \frac{X_{\text{факт}}}{X_{\text{порог}}} \quad (1),$$

где K_i – коэффициент соотношения; $X_{\text{факт}}$ – фактическое значение показателя в субъекте РФ; $X_{\text{порог}}$ – нормативное (пороговое) значение показателя.

В качестве нормативных (пороговых) значений могут быть использованы среднероссийские значения показателей либо общепринятые в мировой практике критические значения.

В случае, когда рост показателя повышает угрозы экономической безопасности и способствует повышению напряженности на рынке труда в регионе, коэффициент соотношения определяется, наоборот, путем соотношения порогового значения с фактическим.

Полученные результаты предлагается оценивать по следующим критериям:

если K_i находится в диапазоне от 1,0 и

Таблица 1

Угрозы и показатели, характеризующие напряженность на рынке труда региона

Угроза	Показатель
Открытая безработица	Уровень безработицы по методологии МОТ, % к экономически активному населению
	Уровень регистрируемой безработицы, в % от экономически активного населения
Застойная безработица	Средняя продолжительность поиска работы, мес.
	Удельный вес безработных, ищущих работу 12 месяцев и более
Неполная занятость	Доля лиц в состоянии неполной занятости в численности занятого населения, %
	Фактическое количество отработанных человеко-часов в расчете на 1 занятого
Сбалансированность рынка труда	Напряженность на рынке труда (число безработных на 1 вакансию)
	Средняя начисленная заработная плата, тыс. руб.
Численность трудоспособного населения и экономическая активность	Удельный вес численности трудоспособного населения в общей численности населения, %
	Уровень участия в рабочей силе, %
	Миграционный прирост на 10 000 чел. населения
	Индекс физического объема ВРП, % к предыдущему году

Примечание: составлено авторами на основе результатов исследований [Коровин, Долгова, Королев, Синица, 2020; Садыков, Мигунова, 2016; Соболева, Соболев, 2021]

выше, то фактическое значение показателя не вызывает угрозы экономической безопасности и снижает напряженность на рынке труда;

если K_i находится в диапазоне 0,99 – 0,8, то данный показатель может вызывать некоторые нарушения исследуемых социально-экономических процессов в регионе;

если K_i находится в диапазоне 0,79 – 0,6, то данный показатель представляет собой одну из проблемных зон в регионе и является одним из факторов, повышающих напряженность на рынке труда;

если K_i находится в диапазоне 0,59 – 0,4, то уровень данного показателя представляет собой серьезную проблему

(угрозу), которая стимулирует рост напряженности на рынке труда;

если K_i находится в диапазоне 0,39 – 0,00, то глубина существующих угроз и уровень напряженности на рынке труда приобретает значимость национального масштаба, так как значение данного показателя меньше установленного критического значения более, чем в два раза.

Оценить уровень напряженности на рынке труда позволяет значение интегрального индекса. Интегральный индекс определяется как среднее арифметическое нормированных значений показателей (K_i). Оценка уровня напряженности на рынке осуществляется по шкале, представленной в таблице 2.

Таблица 2

Шкала оценки уровня напряженности на рынке труда в регионе

Критериальные границы	Ситуация на рынке труда
1,00 и выше	Благополучная
0,99 – 0,8	Низконапряженная
0,76 – 0,6	Средненапряженная
0,59 – 0,4	Кризисная
0,39 – 0,00	Критическая

Примечание: составлено авторами на основе результатов исследований [Тупикина, Кочева, Матев, 2013]

Заключение

Новые вызовы, с которыми сталкивается современное российское общество, заметно трансформируют уровень напряженности на рынках труда, вызывая новые риски и угрозы, дестабилизирующие социально-экономическую ситуацию в субъектах РФ. Выделенные угрозы и показатели оценки напряженности на рынке труда позволят получить не только комплексную оценку состояния на рынке рабочей силы в отдельном регионе, но и одновременно определить кризисные зоны социально-экономического и демографического развития террито-

рии. Важно отметить, что интегральная характеристика напряженности на рынке труда может рассматриваться двояко: как индикатор экономической безопасности и как инструмент оценки проводимой региональной политики. Результаты подобных исследования могут быть использованы региональными органами власти в процессе разработки социально-экономических стратегий и государственных программ и выступать основой при выборе приоритетных направлений в деятельности государственных органов управления в субъекте РФ.

Список источников:

1. Дудина О. М., Арсельгова М. А. Социальные и экономические последствия безработицы // Экономика труда. 2019. Том 6. № 2. С. 923–940.
2. Забелина О. В., Мирзабалаева Ф. И., Санкова Л. В. Региональная трансформация напряженности на рынке труда: новые векторы // Лидерство и менеджмент. 2022. Том 9. №1. С. 137–160.
3. Колесник Е. А. Неэффективная занятость как источник прекаризации труда // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2021. Т.19, №1. С. 5–12.
4. Колесникова О. А. О некоторых подходах к оценке напряженности на рынке труда и определению уровня естественной безработицы // Вестник ВГУ. – Серия: экономика и управление. 2013. С. 101–104.
5. Кондусова В. Б., Бахина В. А. Напряженность на рынке труда: региональный разрез // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 1. С. 12–17.
6. Коровин А. Г., Долгова И. Н., Королев И. Б., Сеница А. Л. Напряженность на рынке труда: региональный и отраслевой аспекты // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2020. №18. С. 449–465.
7. Миляева Л. Г. Формальная неэффективная занятость персонала: методические и прикладные аспекты // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 2531–2535.
8. Савина Т. Н. Угрозы экономической безопасности на рынке труда: оценка и прогноз // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 11. С. 2166–2184.
9. Садыков Р. М., Мигунова Ю. В. Угрозы на региональном рынке труда и проблема занятости населения // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 3. С. 156–168.
10. Соболева И. В., Соболев Э. Н. Открытая и латентная безработица в условиях пандемии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 5. С. 186–201.
11. Тупикина Е. Н., Кочева Е. В., Матев Н. А. Разработка методики оценки степени напряженности на региональном рынке труда // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2013. № 4 (68). С. 20–31.

References:

1. Dudina O. M., Arselgova M. A. (2019) Social and economic consequences of unemployment *Ekonomika truda* [Labor Economics]. 2019. Vol. 6. No. 2: 923–940. (In Russ.)
2. Zabelina O. V., Mirzabalaeva F. I., Sankova L. V. (2022) Regional transformation of

tension in the labor market: new vectors *Liderstvo i upravleniye* [Leadership and management]. Vol. 9. No. 1: 137–160. (In Russ.)

3. Kolesnik E. A. (2021) Inefficient employment as a source of labor precarization *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika»* [Bulletin of the Omsk University. Series “Economics”. Vol. 19. No. 1: 5–12. (In Russ.)

4. Kolesnikova O. A. (2013) On some approaches to assessing the tension in the labor market and determining the level of natural unemployment. *Vestnik VGU Seriya: ekonomika i upravleniye* [Bulletin VGU. Series: economics and management]. Pp. 101–104. (In Russ.)

5. Kondusova V. B., Bakhina V. A. (2019) Tension in the labor market: regional cross-section *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovation. Investments]. No. 1: 12–17. (In Russ.)

6. Korovin A. G., Dolgova I. N., Korolev I. B., Sinitsa A. L. (2020) Tension in the labor market: regional and sectoral aspects *Nauchnyye trudy: Institut narodnokhozyaystvennogo prognozirovaniya RAN* [Scientific works: Institute of Economic Forecasting RAS]. No. 18: 449–465. (In Russ.)

7. Milyaeva L. G. (2016) Formal inefficient employment of personnel: methodological and applied aspects *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept»* [Scientific and methodological electronic journal “Concept”. Vol. 15: 2531–2535. (In Russ.)

8. Savina T. N. (2017) Threats to economic security in the labor market: assessment and forecast *Natsional’nyye interesy: priority i bezopasnost’* [National interests: priorities and security]. Vol. 13. No. 11: 2166–2184. (In Russ.)

9. Sadykov R. M., Migunova Yu. V. (2016) Threats in the regional labor market and the problem of employment of the population *Regional’naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice]. No. 3: 156–168. (In Russ.)

10. Soboleva I. V., Sobolev E. N. (2021) Open and latent unemployment in a pandemic *Ekonomicheskiye i sotsial’nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. Vol. 14. No. 5: 186–201. (In Russ.)

11. Tupikina E. N., Kocheva E. V., Matev N. A. (2013) Development of a methodology for assessing the degree of tension in the regional labor market. *Izvestiya Dal’nevostochnogo federal’nogo universiteta. Ekonomika i upravleniye* [Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management]. No. 4 (68): 20–31. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 02.03.2023.

The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 02.03.2023.

Информация об авторах

М. С. Сюпова – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, Тихоокеанский государственный университет;

С. С. Халикова – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

M. S. Syupova – Candidate of Economics, associate professor, the chair of economic theory and national economic, the Pacific State University;

S. S. Khalikova – Candidate of Sociology, associate professor, the chair of management and public administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Northwestern institute of management – branch of RANEPА.

Научная статья
УДК 332.14:338.2
doi:10.22394/1818-4049-2023-102-1-79-87

Зоны согласования корпоративных и региональных интересов компаний строительного бизнеса в экономике региона

Андрей Алексеевич Ромашин

Агентство недвижимости «Мэншен», Москва, Россия,
rss6@mail.ru

Аннотация. В статье обосновано, что в экономике современного типа для обеспечения устойчивости региональных экономик и локальных рынков необходимо учитывать интересы всех участников рыночных отношений, в том числе сферы строительства, путем согласования их интересов. Выделены показатели, характеризующие финансовую устойчивость компаний и эффективность деятельности организаций строительного бизнеса в регионе. Представлена методика расчета интегрального показателя финансовой устойчивости компаний строительного бизнеса и интегрального показателя региональной эффективности данных бизнес-структур на примере Московской области. Как результат, была составлена карта зон согласования корпоративных и региональных интересов компаний строительного бизнеса в экономике региона. Представленный методический подход может быть применен для согласования корпоративных и региональных интересов компаний, что позволит определить зоны согласования интересов компаний строительного бизнеса в экономике любого региона.

Ключевые слова: экономика региона, согласование интересов компаний, эффективность деятельности компаний, интегральный показатель эффективности, зоны согласования корпоративных и региональных интересов компаний строительного бизнеса

Для цитирования: Ромашин А. А. Зоны согласования корпоративных и региональных интересов компаний строительного бизнеса в экономике региона // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 1 (102). С. 79–87. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-79-87>

Zones of coordination of corporate and regional interests of construction business companies in the regional economy

Andrey A. Romashin

The Real Estate Agency “Menshen”, Moscow, Russia,
rss6@mail.ru

Abstract. The article substantiates the need to coordinate interests of all participants of economic activity in the regional economy. Indicators characterizing the financial stability of companies and efficiency of the construction business organizations in the region have been identified. An integral indicator of financial stability of the construction companies and the integral indicator of the regional efficiency of these business structures were calculated on the example of the Moscow region. As a result, a map of zones of coordination of corporate and regional interests of the construction companies in the modern economy was compiled

Keywords: *economy of the region, coordination of interests of companies, efficiency of companies, integral indicator of efficiency, zones of coordination of corporate and regional interests of companies, construction business*

For citation: Romashin A. A. Zones of coordination of corporate and regional interests of construction business companies in the regional economy // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 1 (102). Pp. 79–87. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-79-87>

Этапы «корпоратизации» российской экономики

С точки зрения развития рыночной экономики, в России условно выделяются два этапа, различных по масштабам корпоративных преобразований, секторальной направленности, доминирующим формам.

Появление массового процесса «корпоратизации» экономики России относится к 90-м гг. XX в. В указанный период на выбор решений по организации бизнеса влиял фактор максимизации текущей прибыли, а не повышения конкурентоспособности и инновационности в долгосрочной перспективе. Это способствовало появлению бизнеса «инсайдерской» направленности, существенно зависящего от агентских отношений, по своей сути противоречащего формированию эффективного собственника и тормозящего развитие корпоративного управления [Красильникова, 2016]. Все это осложнялось быстрым развитием перераспределительных процессов, которые сопровождалась корпоративными конфликтами [Российская корпорация..., 2009].

Такое целеполагание при образовании корпораций способствовало их появлению в сырьевых секторах экономики: нефтяной, частично в цветной металлургии. В большинстве секторов и видов бизнеса, напротив, происходила дезинтеграция, образовывались акционерные общества в результате распада производственных комплексов. Так, существовавший прежде отраслевой строительный комплекс превратился в неструктурированное множество средних и мелких самостоятельных организаций, не взаимодействующих или слабо взаимодействующих между собой. Как следствие, изменились

как организационно-правовые формы предприятий строительного бизнеса, так и цели их деятельности, принципы и методы функционирования.

Следующий этап «корпоратизации» российской экономики охарактеризовался образованием крупных структур, в некоторых случаях даже ТНК, в высокотехнологических отраслях: авиа-, машино- и приборостроении. Кроме общепринятых классификаций, когда выделяют масштабы деятельности, формы интеграции, отраслевую специфику, а также уровень диверсификации бизнеса, можно выделить также новые классификационные признаки, присущие II этапу «корпоратизации» российской экономики, которые представлены на рисунке 1.

В экономике современного типа для обеспечения устойчивости региональных экономик и локальных рынков необходимо учитывать интересы всех участников рыночных отношений, в том числе сферы строительства, путем согласования их интересов. Рассмотрению этих вопросов посвящена настоящая статья.

Результаты исследования. Определение зон согласования корпоративных и региональных интересов (на примере строительства в Московской области)

Для определения зон согласования корпоративных и региональных интересов нами были отобраны 10 крупных застройщиков Московской области по данным Единого ресурса застройщиков¹, которые представлены на рисунке 2.

Места в представленном рейтинге распределились согласно объему строящихся квадратных метров жилья и занимаемой компанией доли в регионе среди прочих застройщиков. Более

¹ ТОП застройщиков Московской области по данным Единого ресурса застройщиков. URL: <https://erzrf.ru/top-zastroyshchikov/moskovskaya-oblast?topType=0&date=221101>

Наличие консолидирующего ядра	<ul style="list-style-type: none"> • Финансово-промышленные группы (объединения банков и промышленных предприятий) • Торгово-финансовые группы (объединения банков и торговых компаний) • Финансово-медийные группы (объединения банков и компаний СМИ) • Промышленные группы (включают в себя исключительно промышленные компании) • Торговые группы (объединяют исключительно торговые компании)
Характер связей по капиталу	<ul style="list-style-type: none"> • «Жесткие» – по типу холдинга: классические холдинги (основаны на отношениях головного и дочерних обществ); распределенные холдинги (возглавляются сложной сетью переплетенных компаний и аффилированных лиц); перекрестные холдинги (основаны на взаимном участии в капитале) • «Мягкие»: консорциум, стратегический альянс, союз
Взаимосвязь с государством	<ul style="list-style-type: none"> • Государственные, основанные на передаче государственной собственности вновь создающемуся юридическому лицу • С незначительной степенью взаимосвязи с государством • Основанные на передаче госсобственности уже существующему юридическому лицу • Со значительным государственным участием • Созданные для реализации конкретного государственного проекта • Создающиеся с санкциями и под гарантией государства • Создающиеся с санкциями, но без гарантий государства
Ресурсное обеспечение	<ul style="list-style-type: none"> • Имеющие собственные ресурсы • Финансируемые на фондовом рынке; финансируемые за счет банковских кредитов • Основанные на государственной поддержке
Глубина отработанности принципов управления	<ul style="list-style-type: none"> • Фактически реализующие корпоративное управление • Объединяющие отдельные элементы корпоративного управления (производство, сбыт, маркетинг, НИОКР и т. д.) • На практике не реализующие корпоративное управление

Рис. 1. Типы корпораций, присущие II этапу «корпоратизации» российской экономики [Проконова, 2009]

детальные характеристики компаний строительного бизнеса приведены в таблице 1. По данным таблицы 1 видно, что такие лидеры рейтинга, как ГК ПИК и ГК Гранель, несмотря на сравнительно высокую площадь строящихся квадратных метров жилья, имеют значительные объемы площади объектов с переносом

срока ввода в эксплуатацию, что подвергает сомнению их ведущие места в представленном рейтинге. С учетом отмеченного актуализируется необходимость формирования собственного рейтинга отобранных компаний с целью определения и согласования зон корпоративных и региональных интересов с

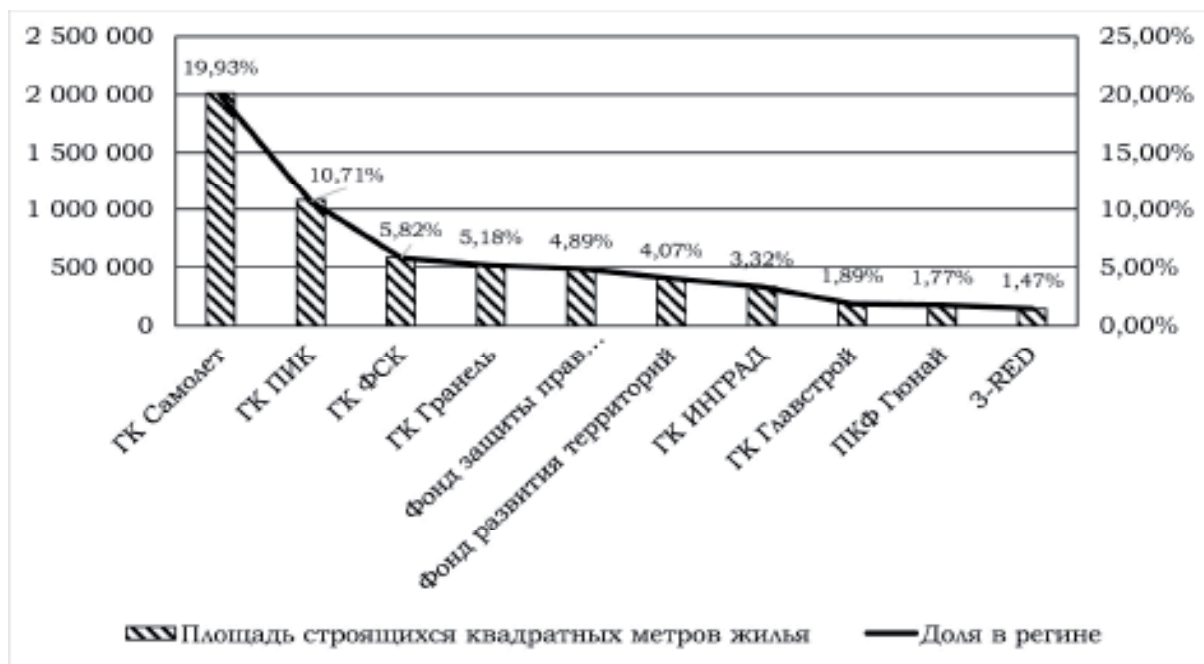

Рис. 2. Рейтинг крупнейших застройщиков Московской области по данным Единого ресурса застройщиков¹

Таблица 1

Отдельные характеристики компаний строительного бизнеса Московской области по данным Единого ресурса застройщиков²

Место в регионе	Наименование застройщика	Площадь строящихся квадратных метров жилья	Площадь объектов с переносом срока ввода в эксплуатацию	Место компании в рейтинге застройщиков по РФ	Количество организаций в составе компании	Доля в регионе
1	ГК Самолет	2 013 458	0	2	14	19,93%
2	ГК ПИК	1 081 462	131 648	2	9	10,71%
3	ГК ФСК	588 172	0	5	5	5,82%
4	ГК Гранель	523 118	7 325	13	10	5,18%
5	Фонд защиты прав граждан-участников долевого строительства Московской области	493 967	0	26	1	4,89%
6	Фонд развития территорий	410 945	0	28	1	4,07%
7	ГК ИНГРАД	335 587	0	12	5	3,32%
8	ГК Главстрой	191 366	27 266	17	2	1,89%
9	ПКФ Гюнай	178 954	178 954	93	1	1,77%
10	3-RED	148 654	0	84	3	1,47%

² Составлено по: ТОП застройщиков Московской области по данным Единого ресурса застройщиков. URL: <https://erzrf.ru/top-zastroyshchikov/moskovskaya-oblast?topType=0&date=221101>

учетом уровня финансовой устойчивости таких компаний и оценки их вклада в региональную эффективность.

На основании анализа ряда научных источников к показателям, характеризующим финансовую устойчивость компаний [Бычкова, Бадмаева, 2016. С. 247–254; Гутова, Герасименко, Терещенко, 2016. С. 146–149; Сафонова, Блажевич, Бондарь, 2016. С. 434–440] и эффективность [Асаул, Асаул, Люлин, Чепаченко, 2019. С. 111–117; Колечков, Тимушев, 2022. С. 43–61] деятельности организаций строительного бизнеса в регионе, в данном исследовании отнесе-

ны следующие (табл. 2).

Входными данными для проведения анализа стала информация по результатам бухгалтерской и финансовой отчетности компаний строительного бизнеса, а также данные Федеральной службы государственной статистики.

Поскольку показатели оценки зон согласования корпоративных и региональных интересов компаний строительного бизнеса могут быть существенно дифференцированы в количественном измерении, то получение итогового сводного индекса путем алгебраической суммы значений входных параметров в задан-

Таблица 2

Показатели оценки зон пересечения корпоративных и региональных интересов

Наименование показателя	Характеристика показателя для целей исследования
<i>Показатели финансовой устойчивости компании</i>	
x_1 – объем годовой выручки, млн руб.	Характеризует объемы продаж компании и оборот денежных средств
x_2 – степень износа основных фондов, %	Показывает долю устаревших основных фондов
x_3 – финансовый результат по итогам года, млн руб.	Показывает прибыль или убыток компании
x_4 – уровень рентабельности продаж, млн руб.	Показывает сколько прибыли получает предприятие с одного рубля реализованной продукции
x_5 – объем кредиторской задолженности %;	Отражает уровень зависимости предприятия от заемных средств
x_6 – коэффициент ликвидности	Показывает какую часть текущих обязательств может погасить предприятие, мобилизовав все оборотные активы
<i>Показатели региональной эффективности</i>	
y_1 – площадь строящихся квадратных метров жилья, м ²	Показывает способность компании к обеспечению потребности населения в жилье
y_2 – площадь объектов с переносом срока ввода в эксплуатацию, м ²	Отражает неспособность компании к выполнению своих обязательств перед покупателями в срок
y_3 – число высокопроизводительных рабочих мест, ед.	Характеризует уровень инновационности компании
y_4 – число рабочих мест, ед.	Показывает вклад компании в обеспечение занятости в регионе
y_5 – доля в регионе, %	Отражает масштабы деятельности
y_6 – площадь построенных объектов инфраструктуры, м ²	Характеризует вклад компании в создание и развитие инфраструктуры региона
y_7 – объем уплаченных налоговых платежей в бюджет субъекта РФ, млн руб.	Показывает вклад компании в формирование региональных бюджетов

Источник: составлено автором.

ных условиях невозможно. Поэтому для объединения в один индекс различных по единицам измерения параметров целесообразно рассчитать интегральный показатель [Многомерный..., 1999; Плюта, 1989]. Последовательность этапов данной методики представлена на рисунке 3.

Полученный сводный интегральный индекс количественно определен в значениях от 0 до 1, что может быть представлено такой аналитической трактовкой: определенная компания строительного бизнеса характеризуется высоким уровнем финансовой устойчивости и осуществляет значительный вклад в развитие региона в том случае, если значение ее интегрального индекса стремится к числу 1.

На основании представленной методики интегральный показатель финансовой устойчивости компаний строительного бизнеса рассчитан на основании

значений входных параметров $x_1 - x_6$, а интегральный показатель региональной эффективности рассчитан на основании значений входных параметров $y_1 - y_7$ из табл. 3. Результаты расчета интегральных показателей представлены в табл. 3 и графически изображены на рис. 4.

На рисунке 4 по вертикальной оси показаны значения интегральных показателей финансовой устойчивости компаний строительного бизнеса, а по горизонтальной оси – величины интегральных показателей региональной эффективности данных бизнес-структур. Позиции компаний определены размерностью показателей в двоичной системе координат ($x_n; y_n$). Размер круга определен долей компании в регионе на рынке строительного бизнеса из табл. 1. Зоны согласования корпоративных и региональных интересов представлены равными квадрантами по аналогии с матрицей бо-

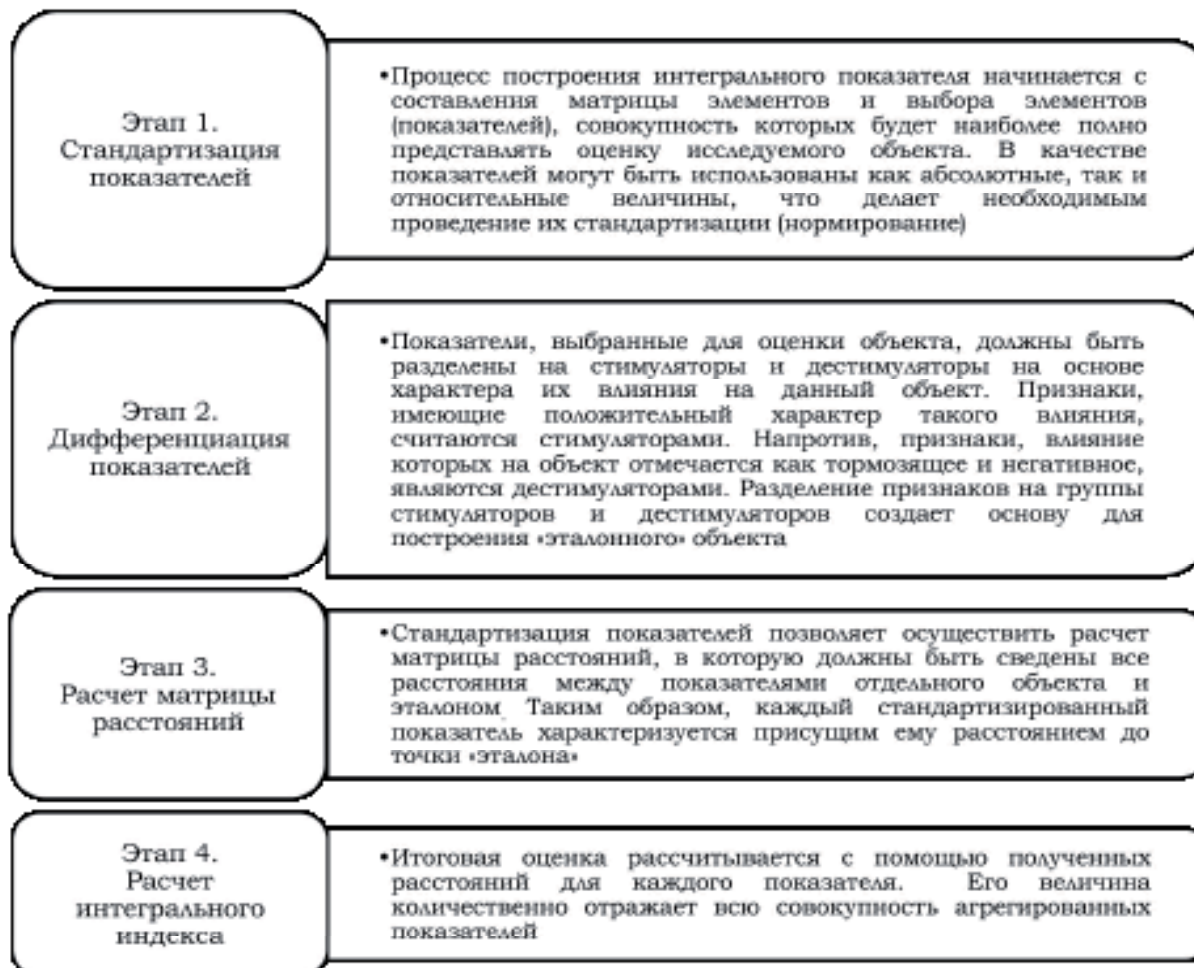

Рис. 3. Последовательность этапов методики расчета интегрального индекса [Плюта, 1989]

Таблица 3

Расчетные значения интегральных показателей финансовой устойчивости компании и ее региональной эффективности

Компании строительного бизнеса	$I_{\text{корп}}$	$I_{\text{регион}}$
ГК Самолет	0,69	0,34
ГК ПИК	0,63	0,47
ГК ФСК	0,55	0,33
ГК Гранель	0,63	0,56
Фонд защиты прав граждан-участников долевого строительства Московской области	0,47	0,56
Фонд развития территорий	0,43	0,62
ГК ИНГРАД	0,52	0,54
ГК Главстрой	0,43	0,26
ПКФ Гюнай	0,39	0,34
3-RED	0,48	0,37

*Примечание: здесь и далее в работе:

$I_{\text{корп}}$ – интегральный показатель финансовой устойчивости компании;

$I_{\text{регион}}$ – интегральный показатель региональной эффективности

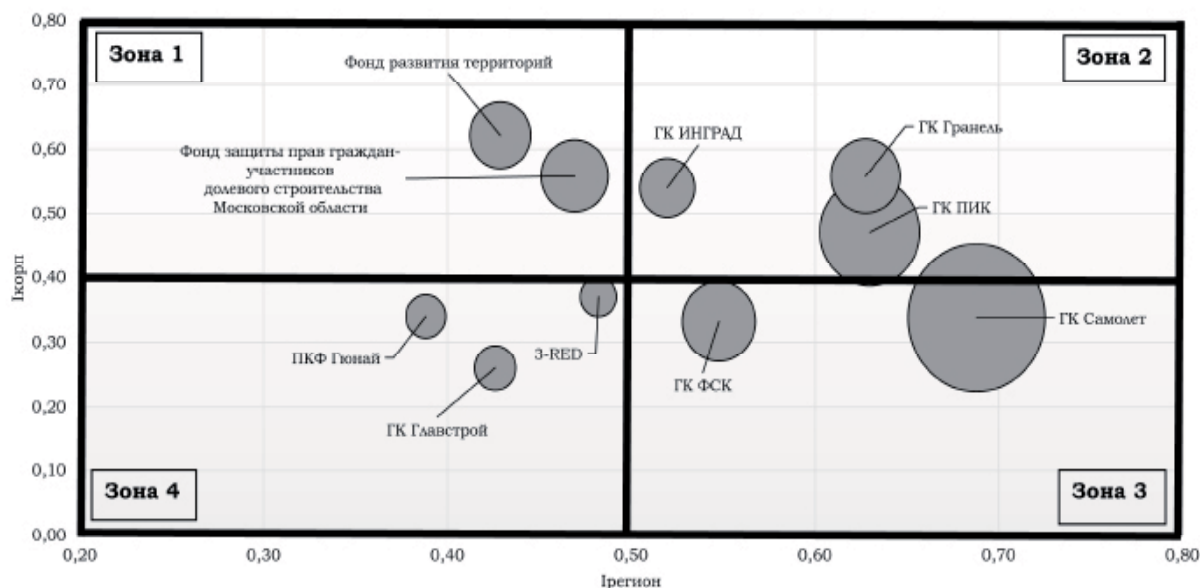

Рис. 4. Карта зон согласования корпоративных и региональных интересов компаний строительного бизнеса в экономике современного типа

стонской консалтинговой группы (БКГ) [Ислакаева, 2020. С. 116–122; Гончаров, Шалевская, 2018. С. 22–27].

С учетом отмеченного компании, входящие в Зону 1 (Фонд развития территорий и Фонд защиты прав граждан-участников долевого строительства Московской области), имеют высокий уровень финансовой устойчивости, но характеризуются сравнительно низкой региональной эффективностью. К сфере согласования корпоративных и региональных интересов компаний данной зоны могут

быть отнесены, например, меры финансовой региональной поддержки или особые условия налогообложения в обмен на предоставление рабочих мест или уменьшение числа объектов с переносом срока ввода в эксплуатацию.

Компании, входящие в Зону 2 (ГК ИНГРАД, ГК Гранель, ГК ПИК), имеют высокий уровень финансовой устойчивости и высокий уровень региональной эффективности, поэтому сфера согласования корпоративных и региональных интересов для указанных компаний не требует разработ-

ки особых инструментов поддержки.

В Зону 3 вошли компании (ГК Самолет, ГК ФСК), имеющие высокий уровень региональной эффективности и низкие значения финансовой устойчивости. Такие компании имеют высокий риск потери платежеспособности и наступления банкротства, поэтому сфера согласования корпоративных и региональных интересов компаний данной зоны должна сводиться к предоставлению специальных режимов кредитования для укрепления финансового состояния.

Компании Зоны 4 (ГК Главстрой, ПКФ Гюнай, 3-RED) характеризуются низким уровнем финансовой устойчивости и региональной эффективности, что делает нецелесообразным для них формирование особых сфер согласования корпора-

тивных и региональных интересов.

Вывод

Таким образом, разработанный методический подход расчета интегральных показателей финансовой устойчивости и региональной эффективности компаний строительного бизнеса позволяет определить для них сферы согласования корпоративных и региональных интересов в экономике региона в зависимости от позиций их зонирования на карте. Предложенный методический подход, прошедший апробацию на примере одного из субъектов Российской Федерации (Московской области), может быть применен для согласования корпоративных и региональных интересов компаний строительного бизнеса в экономике любого региона.

Список источников:

1. Асаул А. Н., Асаул М. А., Люлин П. Б., Чепаченко Н. В. Тренды жилищного строительства в России и среднесрочный прогноз // Проблемы прогнозирования. 2019. № 3 (174). С. 111–117.
2. Бычкова С. М., Бадмаева Д. Г. Методика анализа финансовой устойчивости предприятия // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. 2016. № 42. С. 247–254.
3. Гончаров В. Н., Шалевская Е. Ю. Стратегическая зона хозяйствования как единица портфельного анализа развития потенциала предприятия // ЭКОНОМИНФО. 2018. №1. С. 22–27.
4. Гутова К. В., Герасименко О. В., Терещенко А. Г. Управление платежеспособностью организации в рамках стабилизации финансового состояния // Инновационная наука. 2016. № 4–1. С. 146–149.
5. Ислакаева Г. Р. Использование матрицы бостонской консалтинговой группы в разработке стратегий развития корпораций и государства // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2020. №3 (33). С. 116–122.
6. Колечков Д.В., Тимушев Е. Н. Отрасль строительства в регионах России: состояние, факторы и следствия // Проблемы развития территории. 2022. №1. С. 43–61.
7. Красильникова Е. В., Шестаков В. А. Корпоративные особенности и препятствия, возникающие при организации и ведении предпринимательской деятельности в России // Российское предпринимательство. 2016. № 17(1). С. 23–36.
8. Многомерный статистический анализ в экономике / под ред. В.Н. Тамашевич. М.: ЮНИТИ, 1999. 598 с.
9. Плюта В. Сравнительный многомерный анализ в эконометрическом моделировании. М.: Финансы и статистика, 1989. 174 с.
10. Прокопова О. В. Закономерности и этапы развития корпоративных отношений в экономике России // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 3, Экон. Экол. 2009. №1 (14). С. 72–78.
11. Российская корпорация: внутренняя организация, внешние взаимодействия, перспективы развития. М.: ЗАО «Юридический дом «Юстицинформ», 2009. 542 с.
12. Сафонова Н. С., Блажевич О. Г., Бондарь А. П. Методические особенности оценки ликвидности и платежеспособности предприятия // Бюллетень науки и практика. 2016. № 5. С. 434–440.

References:

1. Asaul A. N., Asaul M. A., Lyulin P. B., Chepachenko N. V. (2019) Housing construction trends in Russia and medium-term forecast *Problemy prognozirovaniya* [Forecasting problems]. No. 3 (174): 111–117. (In Russ.)
2. Bychkova S. M., Badmaeva D. G. (2016) Methodology for analyzing the financial sustainability of an enterprise *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Proceedings of the St. Petersburg State Agrarian University]. No. 42: 247–254. (In Russ.)
3. Goncharov V. N., Shalevskaya E. Yu. (2018) Strategic management zone as a unit of portfolio analysis of enterprise potential development *EKONOMINFO* [ECONOMINFO]. No. 1: 22–27. (In Russ.)
4. Gutova K. V., Gerasimenko O. V., Tereshchenko A. G. (2016) Management of the organization's solvency in the framework of the stabilization of the financial condition *Innovatsionnaya nauka* [Innovative science]. No. 4–1: 146–149. (In Russ.)
5. Islakaeva G. R. (2020) Using the matrix of the Boston consulting group in the development of strategies for the development of corporations and the state *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovaniye, ekonomika. Seriya: Ekonomika* [Vestnik UGNTU. Science, education, economics. Series: Economy]. No. 3 (33): 116–122. (In Russ.)
6. Kolechkov D. V., Timushev E. N. (2022) Construction industry in the regions of Russia: state, factors and consequences *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory development]. № 1: 43–61. (In Russ.)
7. Krasilnikova E. V., Shestakov V. A. (2016) Corporate features and obstacles that arise when organizing and doing business in Russia *Rossiyskoye predprinimatel'stvo* [Russian Entrepreneurship]. No. 17(1): 23–36. (In Russ.)
8. Multivariate statistical analysis in economics / ed. V.N. Tamashevich. M.: UNITI, 1999. 598 p. (In Russ.)
9. Plyuta V. (1989) Comparative multivariate analysis in econometric modeling. M.: Finance and statistics. 174 p. (In Russ.)
10. Prokopova O. V. (2009) Patterns and stages of development of corporate relations in the Russian economy *Vestnik Volgogr. gos. un-ta. Ser. 3, Ekon. Ekol.* [Vestnik Volgogr. state university Ser. 3, Economy. Ekol.]. No. 1 (14): 72–78. (In Russ.)
11. Russian corporation: internal organization, external interactions, development prospects. M.: CJSC “Legal House” Yustitsinform “, 2009. 542 p. (In Russ.)
12. Safonova N. S., Blazhevich O. G., Bondar A. P. (2016) Methodological features of assessing the liquidity and solvency of an enterprise *Byulleten' nauki i praktika* [Bulletin of science and practice]. No. 5: 434–440. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.02.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 27.02.2023.

The article was submitted 08.02.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 27.02.2023.

Информация об авторе

А. А. Ромашин – генеральный директор, Агентство недвижимости «Мэншен».

Information about the author

A. A. Romashin – General Director, the Real Estate Agency “Menshen”.

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 316.334.3(571.62)

doi:10.22394/1818-4049-2023-102-1-88-100

Городской активизм в структуре гражданского общества Хабаровска: социально-политические аспекты

Николай Михайлович Байков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
baykov-nm@ganepa.ru

Аннотация. Социальная активность жителей городов, направленная на изменения в различных сферах их жизнедеятельности, реализуемая как в структурах гражданского общества, так и в политических организациях, приобрела в научном дискурсе звучание как «городской активизм». Этот термин не имеет однозначного определения, что затрудняет его операционализацию для социологического измерения, но позволяет использовать ряд методологических подходов для изучения этого феномена в структуре гражданского общества города Хабаровска. На основе социологии «социальных движений» (Г. Блумер) и анализа коллективных действий с позиции теории фреймов (Гофман И.) в статье предпринята попытка проанализировать результаты социологических исследований общественного мнения горожан, отражающие показатели их социальной активности, вовлеченности в социально-политическую сферу и действий органов местной власти. Показано, что истоки низкой гражданской и социально-политической активности горожан коренятся в состоянии их беспокойства актуальными проблемами жизнедеятельности, требующими своего решения. Они служат движущей силой, с одной стороны, из-за неудовлетворенности настоящей формой жизни, а с другой – из желаний и надежд на какое-то новое устройство своего существования. Отмечено, что смысловые рамки и ценностные ориентиры в коллективных действиях городского сообщества, власти и активистов политических партий нередко противоречивы и парадоксальны, порождают индифферентность и отчуждение у населения от вовлечения в коллективную общественную деятельность по изменению жизнедеятельности в лучшую сторону. Укреплению позиций гражданского активизма, направленного на развитие гражданского общества города, может способствовать целенаправленная информационно-коммуникативная деятельность и демонстрация успешных инициативных проектов не только в благоустройстве городской среды, но и в формировании ответственного политического сознания и поведения горожан.

Ключевые слова: городской активизм, политический активизм, гражданское общество, власть, городской округ Хабаровск

Благодарность: статья подготовлена по результатам исследования, выполненного в рамках муниципального гранта, утвержденного постановлением администрации города Хабаровска от 20 июля 2022 года № 2518

Для цитирования: Байков Н. М. Городской активизм в структуре гражданского общества Хабаровска: социально-политические аспекты // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 1 (102). С. 88–100. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-88-100>

Urban activism in the structure of civil society in Khabarovsk: socio-political aspects

Nikolay M. Baykov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА, Khabarovsk, Russia
baykov-nm@ranepa.ru

Abstract. *Social activity of the city residents, aimed at changing in the different spheres of their life, implemented both in the structures of civil society and in the political organizations, has acquired a sound in scientific discourse as «urban activism.» This term does not have an unambiguous definition, which makes it difficult to operationalize it for sociological measurement, but allows using a number of methodological approaches to study this phenomenon in the structure of civil society in the city of Khabarovsk. Based on the sociology of «social movements» (G. Bloomer) and the analysis of collective actions from the standpoint of frame theory (I. Hoffmann), the article attempted to analyze the results of sociological studies of public opinion of citizens, reflecting indicators of their social activity, involvement in the socio-political sphere and actions of the local authorities. It has been shown that the origins of the low civic and socio-political activity of the citizens are rooted in a state of their concern about the urgent life problems that require their solution. They serve as a driving force, on the one hand, due to dissatisfaction with the real form of life, and on the other, out of desires and hopes for some new structure of their existence. It is noted that the semantic framework and value guidelines in the collective actions of the city community, authorities and activists of political parties are often contradictory and paradoxical, giving rise to indifference and alienation from the population from involvement in collective social activities to change life for the better. Strengthening of the position of civil activism aimed at the development of the city's civil society can be facilitated by targeted information and communication activities and demonstration of the successful initiative projects not only in the improvement of the urban environment, but also in formation of responsible political consciousness and behavior of the citizens.*

Keywords: *urban activism, political activism, civil society, power, the Khabarovsk city district*

Acknowledgments: *the article was prepared based on the results of a study carried out within the framework of municipal grant approved by the resolution of the Khabarovsk city administration of July 20, 2022 No. 2518*

For citation: Baykov N. M. Urban activism in the structure of civil society in Khabarovsk: socio-political aspects // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 1 (102). Pp. 88–100. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-88-100>

Введение

В последние десятилетия в Хабаровске, как и в других городах России, наблюдается проявление многих разновидностей феномена «городского активизма». Среди них выделяются сообщества, а также индивидуальные, групповые и институциональные проявления социальной активности горожан.

Их жизненная позиция сопровождается активностью, сознательно направленной на позитивные изменения среды

жизнедеятельности и городского общественного пространства. По мнению экспертов, городской активизм достаточно тесно связан с политическим, так как общественная активность предполагает в той или иной степени взаимодействие с органами власти. Городские акции становятся основой для возможного продвижения их организаторов в органы власти и лоббирования интересов уже на официальном уровне. В свою очередь, политический активизм строится на про-

ведении мероприятий, направленных на актуальные проблемы жизнедеятельности и улучшение жизни населения¹. При этом взгляды людей на перемены в различных сферах своей жизнедеятельности отражают общий фон их социального самочувствия, которое в значительной степени определяет состояние городского активизма и отражается в общественном мнении, которое является одной из форм проявления коллективного действия.

Вместе с тем результаты социологических исследований свидетельствуют о достаточно низком уровне гражданской активности горожан и их вовлеченности в деятельность гражданского общества, и о взаимодействии с властью для решения вопросов местного значения². Большинство опрошенных жителей вообще не состоят ни в каких общественных организациях, в том числе политических, что характеризует высокую степень атомизации и разобщенности в городском округе. Лишь незначительная часть жителей являются активистами общественных организаций и политических партий.

На вовлеченность жителей города в гражданские и политические активности противоречивое влияние оказывают доступные информационно-коммуникативные средства. Как полагает в своей фундаментальной монографии авторитетный исследователь общественного мнения Д. Цаллер (John R. Zaller), 1–2 процента общества составляет элита, 5–10 процентов – осведомлённые граждане и около 90 процентов – малоосведомлённые, то есть люди, политическая позиция которых практически целиком регулируется медийными сообщениями [Цаллер, 2004]. Как следствие, общественное мнение горожан отражает трансформацию информационных предпочтений, которая проявляется в снижении роли печатных СМИ, радио и каналов телевидения, но фиксирует рост интереса к Ин-

тернету и социальным сетям, в которых зарегистрированы подавляющее большинство опрошенных жителей. Однако половина из них считают информацию из социальных сетей ложной и недостаточной. При этом меньшими предпочтениями среди местных телевизионных каналов у горожан пользуются городские средства массовой информации.

В рамках данной статьи проанализируем городскую активность в социально-политической сфере жизнедеятельности населения, в том числе и в деятельности муниципальных органов власти городского округа.

Методология исследования

Методологической основой для понимания феномена городского активизма служит социология «социальных движений», представленная в трудах исследователей за длительный исторический период. При этом зарубежные и отечественные социологи рассматривают социальные движения в целом как массовые коллективные действия одной или нескольких социальных групп, связанных с обеспечением групповых или общественных интересов, с удовлетворением как материальных, так и духовных потребностей и направленных на социальные изменения в различных формах взаимодействия с другими социальными группами населения или власти [Матвеева, 2009. С. 44–48].

Один из основоположников символического интеракционизма Г. Блумер рассматривает социальные движения как одно из явлений коллективного поведения, которое характеризуется групповой активностью индивидов. Он считал, что для возникновения коллективного поведения необходимы условия неустойчивости или нарушения привычных форм существования или заведенного порядка жизни. При этом его запускает состояние беспокойства, в котором оказываются

¹ *Городской активизм как субъект развития гражданского общества*. URL: http://www.prisp.ru/images/pdf/Gor_aktivizm_otchet.pdf

² *Социологический мониторинг «Социальное самочувствие жителей города Хабаровска» в 2020–2022 гг. В рамках каждого исследования опрашивалось 600 жителей г. Хабаровска. Тип выборки – маршрутная (поквартирная), квотная (в разрезе трех квот респондентов по полу, возрасту и району проживания в городе). Ошибка выборки не превышает ±5%. Научный руководитель: канд. социол. наук, доцент Ю. В. Березутский*

ся люди, когда у них возникают побуждения, желания или предрасположения, которые не могут быть удовлетворены наличными формами существования.

В этой связи «социальные движения можно рассматривать как коллективные предприятия, направленные на установление нового строя жизни. Их начало коренится в состоянии беспокойства, а движущая сила проистекает, с одной стороны, из неудовлетворенности настоящей формой жизни, а с другой – из желаний и надежд на какое-то новое устройство существования. Путь развития социального движения показывает возникновение нового строя жизни» [Блумер, 1994. С. 195].

Анализ коллективных действий осуществляется и с позиции теории фреймов [Snow, 2004. Pp. 380–413]. «Фрейм (по И. Гофману) – это интерпретация культурных и смысловых значений, способ расшифровки ситуации. С одной стороны, это согласование некоторого опыта, подчиненное принципам социальной организации событий; с другой – определение ситуаций в соответствии с субъективной вовлеченностью в них» [Гофман, 2004]. По мнению зарубежных исследователей, «характерная черта фреймов в гофмановском понимании – значимая для понимания разницы между политико-аналитическим подходом и подходом, принятым в исследованиях общественных движений, – состоит в том, что по Гофману фреймы *не создаются сознательно*. Напротив, они неосознанно применяются и/или развиваются участниками взаимодействия в процессе коммуникации» [Двора Яноу, Мерлин ван Хульст, 2011. С. 90].

Смысловой ракурс рассмотрения городского активизма и ожиданий его участников с позиции фрейм-анализа выступает как рамка их социальных представлений о том, как его собирать в целостное и практико-ориентированное социальное движение. При этом реализуется «способность практического сознания «собирать» мир в организованное целое без участия дискурсивного контроля».

Результаты исследования

Определенное представление о том, в какой мере беспокойство хабаровчан

актуальными проблемами их жизнедеятельности может являться основой для их групповой активности дают результаты социологического мониторинга (табл. 1). С февраля 2022 г. озабоченности населения «*ростом цен на товары и услуги*», доминирующие весь исследовательский период, уменьшились к двум третьим ответов опрошенных и вернулись показателям марта 2020 г. За исследовательский период доля тех, кто оценивает «*низкий уровень жизни*» стабильно сохраняется на уровне третьей части опрошенных. С февраля по сентябрь 2022 г. у жителей города существенно сократилась обеспокоенность пандемией и ее последствиями, с 39,1% снизилась до 18,3%.

В целом по большинству волнующих горожан проблем, предложенных им для оценки, отмечается динамика снижения их озабоченностей по многим позициям. Так, в летне-осенний период сокращаются озабоченности горожан состоянием ЖКХ, когда существенно уменьшается нагрузка на бюджеты домохозяйств из-за отсутствия расходов на отопление и их сокращение на электричество и горячую воду.

Однако в различных социальных группах жителей города сохраняются беспокойства многими проблемами, сохраняющимися в течение долгого времени: «дороговизна и низкое качество лечения, лекарств» (25,8%); «западные санкции в отношении России» (22,0%); «безнадзорные животные» (18,8%) и др.

Проблемное поле жизнедеятельности населения городского округа выступает как понижающий фактор его социального самочувствия. Общий крен в сторону отрицательных оценок хабаровчан подтверждает их доминирующее (двукратное превосходство) количество на открытые вопросы анкеты. Свою неудовлетворенность горожане в большинстве своем связывают с дороговизной жизни, неудовлетворенностью состоянием дорог и улиц, благоустройством в местах проживания, социальными проблемами жизнедеятельности:

- состояние дорог (ремонт, провалы, «пробки») – 31,5%, (февраль – 20,3%);
- рост цен (на продукты, бензин, про-

Таблица 1

Результаты ответов на вопрос анкеты: «Какие проблемы волнуют Вас больше всего?» (в % от числа опрошенных)

Проблемы	Март 2020 г.	Февраль 2021 г.	Июнь 2021 г.	Июль 2021 г.	Август 2021 г.	Февраль 2022 г.	Июнь 2022 г.	Сентябрь 2022 г.
Рост цен на товары и услуги	64,6	64,8	73,2	69,6	74,5	82,7	85,3	67,8
Низкий уровень жизни	37,0	35,2	34,3	32,3	30,0	40,3	34,2	33,8
Дороговизна и низкое качество лечения, лекарств	40,0	46,8	36,0	31,6	59,2	54,9	50,0	26,8
Состояние ЖКХ	44,0	33,7	35,8	31,1	42,8	42,1	32,2	25,5
Западные санкции в отношении России	*	*	*	*	*	*	*	22,0
Безнадзорные животные	*	*	*	*	*	*	*	18,8
Пандемия и ее последствия	-	22,2	26,2	30,8	26,7	39,1	14,5	18,3
Благоустройство улиц, дворов, дорог	38,0	27,0	29,3	24,8	34,2	34,9	25,7	13,0
Алкоголизм, пьянство	28,0	18,5	19,8	15,5	16,5	16,0	16,5	12,8
Состояние культуры, нравственности	*	*	*	*	*	*	16,3	12,3
Экологическое состояние города	18,7	16,7	18,5	13,8	17,0	21,6	19,5	10,8
Жилищная проблема	25,2	19,5	22,5	16,8	19,8	23,3	25,2	10,5
Приезд трудовых мигрантов	21,0	18,3	22,3	17,3	18,7	34,6	23,5	10,5
Наркомания	24,5	16,8	20,3	12,0	16,2	18,1	20,3	10,5
Преступность, отсутствие порядка	13,5	15,8	13,8	8,8	10,0	11,8	9,3	9,5
Коррупция, произвол чиновников	31,6	26,0	26,3	22,0	27,3	28,0	15,2	8,0
Безработица или опасность потерять работу	28,9	24,0	20,8	19,1	17,8	22,8	30,8	7,8
Получение качественного образования	-	16,0	16,7	15,5	20,2	30,6	21,5	7,3
Работа общественного транспорта	*	*	*	*	*	*	*	7,3
Озеленение города	11,9	9,5	6,7	6,7	8,0	7,2	9,7	7,0
Обеспеченность детскими садами	6,0	5,0	5,2	4,5	5,7	8,0	7,3	6,0
Организация досуга	*	*	*	*	*	*	*	4,8
Другое	4,1	3,5	3,3	5,0	3,8	2,2	0,5	1,8

Знак «*» вариант ответа не задавались в опросе.

Источник: социологический мониторинг «Социальное самочувствие жителей города Хабаровска» в 2020–2022 гг.²

езд, жилье, ЖКХ, квартплату) – 27,8%, (февраль – 44,9%);

– социальные проблемы (качество и доступность медицины, питание школьников, эвакуация школ из-за звонков минирования, низкие зарплаты, нехватка школ, детсадов) – 19,0%;

– проблемы благоустройства (грязь, уборка дорог, тротуаров и дворовых территорий – 12,8%, (февраль – 36,1%);

– работа общественного транспорта – 7,0%, (февраль – 8,8%);

– приток мигрантов, отток населения – 5,3%, (февраль – 7,1%).

В то же время решение насущных проблем городского округа в немалой степени зависит от социальной активности самих жителей, их включенности в решение проблем (вопросов местного значения). В целом участие хабаровчан в их решении носит позитивно-созидательный характер, что нашло подтверждение в результатах опросов. Две трети опрошенных от числа «активных» граждан принимают участие в субботниках по благоустройству дворовых территорий и подъездов (68,9%), в собраниях жильцов дома, района, города (59,7%); пишут коллективные обращения (14,3%).

В то же время результаты социологических исследований позволяют сделать вывод о том, что уровень общественной активности хабаровчан в решении вопросов местного значения недостаточный, как и во многих других субъектах Дальнего Востока России³. Так, примерно только каждый пятый от числа опрошенных (18,3%) принимает участие в решении местных проблем (вопросов) городской жизни. При этом четверо из десяти опрошенных (41,5%) не активны по причине того, что считают, что «от них ничего не зависит», и каждому пятому (21,5%) – это «все равно». Лишь каждый десятый опрошенный отметил, что является членом какой-либо общественной организации. Среди основных причин своей низкой социальной активности горожане отмечают отсутствие доверия к органам власти (35,1%), неверие

в собственные возможности влияния на что-либо (35,6%). Ограниченность или отсутствие реальной возможности определять стратегию и перспективы решения реальных проблем населения приводит к снижению инициативы городского самоуправления, формализации сложившихся управленческих практик взаимодействия с гражданским сообществом.

Отчужденное состояние общественного сознания значительной части горожан актуализирует задачи повышения активности различных социальных групп городского сообщества, особенно молодежи, посредством их вовлеченности в решение актуальных проблем жизнедеятельности. По данным общероссийского социологического опроса (октябрь-ноябрь 2019 г.) индикаторы «информированности», характеризующие доступ к разным источникам информации, прежде всего Интернету и социальным сетям, сильнее связаны с показателями их политической активности. Доступ к разным источникам информации связан с более высокими уровнями таких показателей, как «объединение с другими людьми для решения общих проблем, защиты своих прав», «обращение с запросом, жалобой, заявлением в государственные органы», «голосование на выборах любого уровня» [Волков, Гончаров, Снеговая, 2020].

Анализ опыта взаимодействия городских активистов с представителями власти, проведенный российскими исследователями, показал, что основные управленческие практики выступают как ресурс и барьер развития городских проектов, направленных на решение актуальных проблем жизнедеятельности населения. При этом ключевыми типами контекстов деятельности городских активистов, формируемых управленческими практиками служат: открытость, нейтральность, дисфункция, закрытость (противодействие) [Королева, Чернова, 2018. С. 93–101].

Комплексный анализ состояния социальной активности городского сообщества, представленный нами в рамках

³ Состояние и проблемы местного самоуправления в дальневосточных субъектах РФ. URL: <http://www.allbest.ru/>

реализации муниципального проекта, отразил позитивную динамику ее изменений от «хабаровских политических протестов» в защиту арестованного губернатора края С.И. Фургала к созидательным действиям по созданию новой системы территориального общественного самоуправления в краевом центре [Байков, Березутский, Митрофанов, Юревич, 2020]. Как справедливо отмечают исследователи, в отличие от протестных активистов, представляющих оппозиционные политические партии и организации, для «новых» городских активистов характерно стремление к изменениям и созданию в городе чего-то нового, связанного чаще всего «непосредственно с физическим изменением городской среды» [Королева, Чернова. 2018. С. 93]. От риторики противостояния с властью и стремления принудить ее к отказу от неприемлемых для них действий, новые городские активисты готовы к взаимодействию с городским муниципалитетом для достижения целей по трансформации городской среды посредством самоуправления на территориях своего проживания. «За этой готовностью к коммуникации стоит убежденность в том, что диалог эффективнее, чем открытое противостояние. Стремление к общему благу (чему-то важному и нужному горожанам) является ключевой ценностью, вокруг которой строится деятельность новых активистов» [Паченков, Воронкова, 2021. С. 253–268].

Можно сделать вывод, что изменения общественного мнения горожан как «некого коллективного продукта» (Г. Блумер) отражают состояние общей неопределенности, фрустрации жизненных планов, обусловленного последствиями пандемии коронавируса, санкционной политикой коллективного Запада против России, специальной военной операцией и другими общесистемными факторами. Обеспокоенное состояние общественного сознания не только отражает представления городской общественности и ее готовности к действию по решению тре-

вожащих ее проблем жизнедеятельности, но и делает возможным согласованные действия, которые необязательно должны быть основаны на консенсусе, но показывать движение к какому-то решению, даже и не всегда единодушному.

Такие действия городских активистов реализуются сегодня в процессе консолидации интересов независимо от своих социально-политических интересов в оказании поддержки нашим бойцам, участвующим в специальной военной операции. Так, к оказанию помощи военнослужащим и мобилизованным гражданам одними из первых в Хабаровске подключились активисты волонтерского центра «Единой России», которые работали во время пандемии коронавируса. На базе центра организованы пункты сборов для помощи участникам спецоперации и их семей. Депутаты от ЛДПР, помимо сбора гуманитарной помощи, оказывают моральную поддержку нашим бойцам, направляя детские рисунки и письма в зону СВО.

Участие граждан в политической жизни как особая роль, закрепленная действующим законодательством, осуществляется посредством формирования и выражения их политической воли в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления своих интересов в органах государственной власти и местного самоуправления⁴. Однако, по данным государственной регистрации, динамика численности политических партий в регионе за последние 5 лет демонстрирует тенденцию на сокращение (табл. 2). Основной причиной уменьшения количества их региональных отделений связано с ликвидацией политических партий Верховным судом Российской Федерации по административным исковым заявлениям Минюста России в связи с неприятием ими в течение семи лет подряд участия в выборах, а также в связи несоответствием количества региональных отделений требованиям федерального закона «О политических партиях»⁵.

⁴ О политических партиях: Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. №29. Ст. 2950.

Однако региональные отделения парламентских политических партий (Единая Россия, КПРФ, ЛДПР, «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – ЗА ПРАВДУ», «Новые люди») проявляют фрагментарную активность в общественно-политической жизни города, а деятельность партийных активистов прослеживается только в период избирательных кампаний.

Результаты опроса хабаровчан по показателю доверия региональным отделениям политических партий свидетельствуют об определенной трансформации общественного сознания. Так, в большей степени респонденты выражают свое доверие «Единой России» (23,1%), чем ЛДПР (16,0%), что ранее не наблюдалось. На наш взгляд, такие изменения обусловлены как общим ростом доверия Президенту РФ В. В. Путину, федеральным структурам, связанным с проведением специальной военной операцией в Украине, так и с перманентными «скандалами», связанными с представителями депутатского корпуса в городской Думе Хабаровска.

Как следствие, результаты социологических опросов хабаровчан свидетельствуют о сохранении тенденций в оценках низкой степени удовлетворенности деятельностью Хабаровской городской Думы. За период 2021–2022 гг. удовлетворенность населения города деятельностью городской Думы не превысила

пятой части опрошенных при трети неудовлетворенных и половине затруднившихся дать ей оценку (около 50%).

Большинство отделений политических партии не пользуются сколь-нибудь влиянием на гражданское общество города в силу отсутствия их действий, заслуживающих общественного доверия и поддержки. Более того, по данным опроса жителей города, каждый второй опрошенный выражает недоверие вообще любым политическим партиям (54,5%).

Отметим, что очевидные проблемы сейчас есть у всех региональных отделений политических партий и их партийных организаций в Хабаровске. Анализ их присутствия в информационном пространстве социальных сетей и новостных телеграмм-каналов скорее проявляется в ситуативных акциях, чем в системной партийной работе с населением города. Анализ показывает, что они лишь формально отражают плюрализм общественно-политической системы края и города.

Повышение роли региональных отделений политических партий как субъектов гражданского общества, их доверия от населения города требует от них системных действий по укреплению кадрового потенциала своих рядов, подбора и расстановки авторитетных в городском сообществе руководителей первичных организаций, чуткого реагирования на

Таблица 2

Число общественных и религиозных организаций в Хабаровском крае (по данным государственной регистрации, на 1 января, единиц)

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Общественные организации в том числе:	877	857	874	852	847
Политические партии	43	37	31	27	28
Профсоюзные организации	164	148	139	128	121
Общественные движения	27	27	31	29	26
Органы общественной самодеятельности	1	1	0	0	0
Религиозные организации	198	202	205	206	203

Источник: Хабаровскстат. URL: <https://clck.ru/32Wv8o>

⁵ Количество региональных отделений политических партий уменьшается // Законодательная Дума Хабаровского края. URL: <https://habarovsk.bezformata.com/listnews/otdeleniy-politicheskij-partiy/92453785/>

интересы и потребности горожан в повседневной работе. Легитимность власти определяется ее способностью решать внешние и внутренние проблемы граждан. Такая власть принимается массами, они согласны ей подчиняться, считая ее справедливой, авторитетной, а существующий порядок – наилучшим.

По данным социологических опросов хабаровчан, лидерами общественного мнения считают тех представителей городского сообщества, кто отражает интересы и потребности указанных выше социальных групп. Среди них представители органов власти, образования и науки, здравоохранения, культуры, предпринимателей, творческой интеллигенции, политических партий и общественных организаций. Но их доля в структуре городского населения незначительная, судя по тому, что две трети опрошенных не смогли назвать никого из авторитетных для себя людей города.

В последние годы второго десятилетия наступившего века гражданское общество городского округа неоднократно проявляло свою возросшую социальную и политическую активность в периоды выборов самого различного уровня. В ней отражался возросший общественный запрос на социальную справедливость и необходимость перемен в качестве жизни. Так, в результате выборных кампаний 2018–2019 гг. в Хабаровском крае и

в городском округе произошло переформатирование общественно-политической структуры органов власти, представленных региональными отделениями политических партий.

Участие городского населения в выборах представителей различных уровней власти как конституционное право и гражданская обязанность в значительной мере детерминировано их интересом к этой демократической процедуре. Меньше половины хабаровчан выражают свой интерес выборам (табл. 3).

Опрошенные жители городского округа разделились в равной мере на тех, кто в той или иной степени декларирует свой интерес к выборам (в сумме ответов «очень интересны выборы» и «скорее интересны, чем нет» – 41,6%) и его отсутствие (в сумме ответов «не интересны выборы» и «скорее не интересны, чем интересны» – 42,2%). При этом каждый шестой затруднился ответить (16,2%). Такого рода декларации интереса к муниципальным выборам сохраняются на протяжении последнего десятилетия. Так, в выборах 2014 г. интерес к выборам, по данным опроса, декларировали менее половины опрошенных (45,4%) избирателей города. Треть респондентов (35,8%) отмечали, что выборы депутатов «не очень интересуют», а каждого пятого (18,8%) «совсем не интересуют»⁶.

В целом ответы опрошенных отра-

Таблица 3

Результаты ответов на вопрос анкеты: «В какой степени Вам обычно интересны выборы представителей различных органов власти?»
(в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
Очень интересны	9,5
Скорее интересны, чем нет	32,1
Скорее не интересны, чем да	19,2
Не интересны	23,0
Трудно сказать	16,2

Источник: социологический мониторинг «Социальное самочувствие жителей города Хабаровска» в 2020–2022 гг.²

⁶ Опрошено 3104 человек в возрасте от 18 лет и старше, репрезентирующих избирателей города Хабаровска по 8 избирательным округам, определенным краевой избирательной комиссией. Полевой этап исследования проходил в период с 27 июня по 7 июля 2014 года. Статистическая погрешность не превышает 5%. В исследовании была использована методика маршрутной (поквартирной) многоступенчатой случайной выборки, позволяющей при массовых опросах достичь желаемой точности и достоверности информации.

жают реальное распределение участвующих в выборных кампаниях разного уровня в Хабаровске за последние годы, когда от половины и более жителей, внесенных в списки избирателей, «голосуют ногами», т. е. не приходят на избирательные участки.

Это ситуация наглядно отразилась на результатах дополнительных выборах депутатов Хабаровской городской Думы седьмого созыва по одномандатным избирательным округам № 30, № 31, которые состоялись 11 сентября 2022 г. (табл. 4). По данным социологического опроса, с той или иной степенью уверенности около половины опрошенных горожан декларировали участие в выборах на территориях этих округов (45,5% – в сумме ответов «Да, планирую» и «Скорее да, чем нет»), а приняли участие, по данным крайизбиркома, 12,49% от общего числа избирателей.

Для значительной части жителей

г. Хабаровска, допускающих возможность неучастия в муниципальных выборах, главными мотивами на протяжении последних исследовательских лет является ссылка на «занятость своими делами», неверие в то, что «их голос может на что-то повлиять» и «недоверие никому из кандидатов» (табл. 5). Если первый мотив, учитывая трехдневный период голосования в текущем году, можно отнести к своего рода психологической защите респондента при ответе на вопрос анкеты, то второй и третий – политические факторы недоверия к избирательной системе и конкретным кандидатам.

Среди различных мотивов неучастия в выборах в нашем крае, которые отмечают опрошенные жители, представления о честности их проведения являются крайне значимыми. Примерно лишь пятая часть опрошенных считают, что выборы в крае проходят «честно» (18,5%)

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Дополнительные выборы депутатов Хабаровской городской думы состоятся в Единый день голосования 11 сентября 2022 года. Планируете ли Вы принять участие в этих выборах?»

(в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
Да, планирую	27,5
Скорее да, чем нет	17,8
Скорее нет, чем да	9,8
Нет, не планирую	31,0
Еще не решил	14,0

Источник: социологический мониторинг «Социальное самочувствие жителей города Хабаровска» в 2020–2022 гг.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Если Вы допускаете возможность не пойти на выборы, то чем объясните Ваше решение?» (в % от числа опрошенных) (сумма ответов превышает 100%, т.к. по методике исследования можно было отметить несколько вариантов ответа)

Варианты ответов	2014 г.	2022 г.
1. Занятость своими делами	25,6	29,2
2. Не верю, что мой голос может на что-то повлиять	29,6	23,7
3. Не доверяю никому из кандидатов	16,1	16,0
4. Не вижу достойных кандидатов	17,9	12,3
5. Не позволяет состояние здоровья	7,9	11,9
6. Другое	2,3	0,5

Источник: социологический мониторинг «Социальное самочувствие жителей города Хабаровска» в 2020–2022 гг.²

и такая же доля имеет противоположное мнение – «нечестно» (19,0%). Третья часть опрошенных не имеет полной уверенности в честности выборов (37,2%), а каждый четвертый затруднился с оценкой на этот счет (25,2%).

В результате получается, что совокупное недоверие жителей к выборам как институту демократии доминирует в общественном сознании и составляет большинство (порядка 80%). Если человек допускает, что у него нет полной уверенности в честности выборов или же он затрудняется с их оценкой.

Активное участие жителей города в выборах органов власти – это делегирование своего голоса тем, кто берет на себя ответственность за социально-экономическое развитие территории своего проживания и создание благоприятных условий для жизнедеятельности. Однако только каждый четвертый опрошенный отвечает утвердительно на вопрос: «верит ли в возможность влиять на судьбу города и края через свое участие в выборах» (25,4%), третья часть считает – «лишь отчасти» (34,7%), а менее трети отрицают (29,5%).

Отношение большинства опрошенных жителей города к обсуждаемым в стране вариантам проведения выборов Губернатора региона достаточно однозначное – жители в доминирующем своем большинстве отстаивают позицию прямых выборов: «*прямые выборы на всенародном голосовании*» (74,0%). Приемлемость варианта «*непрямые выборы, когда губернатор выбирают депутаты законодательного органа*» разделяет лишь статистически незначимая доля опрошенных (2,7%). Один из десяти опрошенных считает, что «*мне все равно*» (10,2%).

Аналогичные ответы получены и в оценке варианта проведения выборов мэра города. Три четверти опрошенных считают приемлемым для г. Хабаровска только его «*прямые выборы на всенародном голосовании*» (74,5%). Вариант непрямых выборов, когда мэра выбирают депутаты городской Думы, не нашел поддержки опрошенных (3,7%). Каждый восьмой затруднился ответить (12,0%).

Таким образом, в общественном сознании населения городского округа от-

мечается парадокс: значительная часть опрошенных проявляет незначительный интерес к выборам, не желает принимать участие в выборах представительной власти, считает их нечестными, но при этом абсолютное большинство хабаровчан демонстрирует необходимость избрания высших должностных лиц региона и города только посредством прямых выборов на всенародном голосовании.

Заключение

Для повышения социально-политической активности населения в созидательной деятельности городского округа важно повышать эффективность взаимодействия всех его субъектов (региональных отделений политических партий и общественных организаций, органов местного самоуправления и лидеров общественного мнения) и демонстрировать образцы решений жизненно важных потребностей и актуальных проблем населения города с участием городских депутатов. При этом важно учитывать противоречия в массовом сознании населения города, которые проявляются между:

- высоким персонифицированным уровнем доверия населения к Президенту РФ и устойчивой тенденцией снижения удовлетворенности деятельностью депутатов (от Госдумы РФ до депутатов городской Думы) и чиновников всех уровней;

- декларируемым интересом населения к выборам и крайне низкой явкой на участки для голосования, особенно муниципального уровня, стремлением государственной власти поддерживать местное самоуправление посредством обеспечения наделенных полномочий необходимым объемом финансовых ресурсов и невозможностью на них успешно решать вопросы местного значения под потребности населения;

- направленностью органов муниципального управления на развитие диалога с гражданским сообществом города (грантовая поддержка НКО, общественные советы при органах власти, ТОСы и др.) и крайне слабым авторитетом и влиянием на формирование позитивного общественного мнения о городских депутатах, их роли и влияния на жизнедеятельность хабаровчан.

Список источников:

1. Байков Н. М., Березутский Ю. В., Митрофанов Д. В., Юревич Е. Ю. Городской активизм как основа развития территориального общественного самоуправления. Научные и методические материалы. – Хабаровск: Изд-во: «Ка-Принт», 2020.
2. Блумер. Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль: тексты / Под ред. В.И. Добренкова, М.: Изд-во МГУ, 1994.
3. Волков Д., Гончаров С., Снеговая М. Гражданский активизм российской молодежи. 2020. URL: https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/10/Youth_RU-publikatsiya-blank.pdf
4. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. Институт социологии РАН, 2004.
5. Двора Яноу, Мерлин ван Хульст. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования // Социологическое обозрение. Т. 10. № 1–2. 2011 С. 90. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2011/09/07/1266960174/10_1-2_10.pdf
6. Королева М. Н., Чернова М. А. Городской активизм: управленческие практики как ресурс и барьер развития городских проектов // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 93–101.
7. Матвеева Е. В. Социальные движения: понятие и общая характеристика // Система ценностей современного общества. 2009. С. 44–48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-dvizheniya-ponyatie-i-obschaya-harakteristika/viewer>
8. Паченков О. В., Воронкова Л. В. Новый городской активизм и «публичная политика» в России (на примере Санкт-Петербурга) // Журнал исследований социальной политики. 2021. Том 19. № 2. С. 253–268. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-gorodskoy-aktivizm-i-publichnaya-politika-v-rossii-na-primere-sankt-peterburga>
9. Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения / Пер. с англ. А.А. Петровой. Науч. ред. перевода ПН. Тартаковская. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 559 с.
10. Snow, D. A. (2004) Framing Processes, Ideology, and Discursive Fields', in D. A. Snow, S. A. Souleand H. Kriesi (eds) *The Blackwell Companion to Social Movements*, Oxford: Blackwell, pp. 380–413.

References:

1. Baykov N. M., Berezutsky Yu. V., Mitrofanov D. V., Yurevich E. Yu. (2020) Urban activism as a basis for the development of territorial public self-government. Scientific and methodical materials. Khabarovsk: Publishing house: «Ka-Print».
2. Bloomer. G. (1994) *Collective Behavior* // *American Sociological Thought: Texts* / Ed. IN AND. Dobrenkova, M.: Publishing House of Moscow State University.
3. Volkov D., Goncharov S., Snegovaya M. (2020) Civic activism of Russian youth. URL: https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/10/Youth_RU-publikatsiya-blank.pdf
4. Hoffman I. (2004) Analysis of frames. An essay on the organization of everyday experience. Institute of Sociology RAS.
5. Dvora Yanow, Merlin van Hulst (2011) Frames of the political: from frame analysis to framing analysis *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review]. Т. 10. No. 1–2: 90. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2011/09/07/1266960174/10_1-2_10.pdf
6. Koroleva M. N., Chernova M. A. (2018) Urban activism: managerial practices as a resource and barrier for the development of urban projects *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological research]. No. 9: 93–101.
7. Matveeva E. V. (2009) Social movements: concept and general characteristics *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva* [System of values of modern society]. Pp. 44–48. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-dvizheniya-ponyatie-i-obschaya->

harakteristika/viewer

8. Pachenkov O. V., Voronkova L. V. (2021) New urban activism and public policy in Russia (on the example of St. Petersburg) *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Research]. Vol. 19. No. 2: 253–268. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novy-gorodskoy-aktivizm-i-publichnaya-politika-v-rossii-na-primere-sankt-peterburga>

9. Zaller J. (2004) Origin and nature of public opinion / Per. from English. A.A. Petrova. Scientific ed. translation of PN. Tartakovskaya. – M.: Institute of the Public Opinion Foundation, 559 p.

10. Snow, D. A. (2004) Framing Processes, Ideology, and Discursive Fields', in D. A. Snow, S. A. Soule and H. Kriesi (eds) *The Blackwell Companion to Social Movements*, Oxford: Blackwell. Pp. 380–413.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 22.02.2023.

The article was submitted 10.02.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 22.02.2023.

Информация об авторе

Н. М. Байков – доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского отдела, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал».

Information about the author

N. M. Baykov – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the research department, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА.

Научная статья
УДК 314.335.2
doi:10.22394/1818-4049-2023-102-1-101-110

Социальная обусловленность репродуктивного поведения населения

Ирина Анатольевна Гареева

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия,
gar_ia@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ современной демографической ситуации, связанной с репродуктивной активностью населения. Используются данные Росстата, вторичные исследования поведения, мнения и установок населения в отношении репродуктивного поведения, а также отношения к социальным явлениям и процессам, связанным с репродуктивным поведением. В качестве теоретического обоснования автор опирается на теорию Р. Инглхарта, в основе которой лежит идея культурного перехода от индустриального общества к постиндустриальному, в условиях которого расширяются свободы выбора, позволяющие людям строить жизнь на основе собственного выбора, самостоятельно принимать решения. Другой теоретический подход, выбранный автором, определяет роль эмансипативных ценностей и подразумевает свободу выбора и равные возможности (К Вельцель). В статье анализируется ряд взаимосвязанных аспектов сложившейся демографической ситуации в стране и факторов, ее обуславливающих. Рассматривая репродуктивное поведение населения, автор использует понятия «репродуктивные установки», «репродуктивные намерения», «репродуктивные предпочтения», «репродуктивная мотивация». По мнению автора, это важные структурные элементы, которые расширяют понимание понятия «репродуктивное поведение». Репродуктивное поведение можно рассматривать с таких точек зрения, как: медицинское явление, связанное с зачатием, вынашиванием и рождением детей и медицинским воздействием; социально-политическое явление, связанное с решениями и мерами органов власти всех уровней по улучшению демографической ситуации; социально-экономическое явление, обусловленное изменениями поведения, установок, жизненных сценариев населения; культурное явление, суть которого заключается в изменении повседневных, привычных практик и появлении новых, ранее отсутствующих или не востребованных. Цель – на основе комплексного анализа обозначить основные изменения и тенденции развития демографической ситуации, связанной с репродуктивным поведением, выявить факторы, действующие как мотивирующие, так и как дестабилизирующие репродуктивную активность населения. В задачи исследования включалось следующее: описать сложившуюся демографическую ситуацию в стране; выявить и проанализировать социальные барьеры, препятствующие репродуктивной активности населения; изучить последствия низкой репродуктивной активности населения. Делаются выводы, что в современных условиях наиболее дестабилизирующими факторами являются сокращение числа молодых женщин и снижение количества рождений в среднем на одну женщину. Автор предполагает, что усиление мер социальной политики государства может активизировать молодое население на активное репродуктивное поведение: рождение двух и более детей в семье.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, демографическая ситуация, репродуктивная активность, рождение детей

Для цитирования: Гареева И. А. Социальная обусловленность репродуктивного поведения населения // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 1 (102). С. 101–110. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-101-110>

Social conditioning of reproductive behavior of the population

Irina A. Gareeva

The Pacific State University, Khabarovsk, Russia,
gar_ia@mail.ru

Abstract. *The article presents analysis of the current demographic situation associated with the reproductive activity of population. Rosstat data, secondary studies of attitudes, behavior, opinions and attitudes of the population in relation to reproductive behavior are given. As a theoretical justification, the author relies on the theory of R. Inglehart, which is based on the idea of a cultural transition from an industrial society to a post-industrial. Another theoretical approach chosen by the author defines the role of emancipative values and implies freedom of choice and equal opportunities (K Welzel). According to the author, these are important structural elements that expand the understanding of the concept of «reproductive behavior». Reproductive behavior can be viewed from the point of view as a medical phenomenon associated with conception, childbearing and childbirth and medical impact; as a socio-political phenomenon associated with the decisions and measures of authorities at all levels to improve the demographic situation. Purpose – on the basis of a comprehensive analysis, to identify the main changes and trends in the development of the demographic situation associated with reproductive behavior, to identify factors that act both motivating and destabilizing reproductive activity of the population.*

Keywords: *reproductive behavior, demographic situation, reproductive activity, child-bearing*

For citation: Gareeva I. A. Social conditioning of reproductive behavior of the population // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 1 (102). Pp. 101–110. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-101-110>

Введение

В июне 2022 г. на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ-2022) президент РФ В. В. Путин оценил демографическую ситуацию в стране как «крайне сложную». Президент заявил, что число рожденных детей в апреле 2022 г. было менее 100 000, что на 13% меньше, чем число детей, рожденных в этот же период 2021 г. С 2016 г. демографическая ситуация в Российской Федерации отличается нестабильностью, а в последнее время отмечаются тенденции к критичности. По данным Росстата до 2016 г. отмечался естественный прирост населения, но уже в 2018 г. естественная убыль составила 99712, 2019 г. – 32130, 2020 г. – 577575 (декабрь 2020 г начало пандемии), в 2021 г. – 613439¹. Соответственно соотношение рождае-

мости и смертности в указанные периоды также имеет негативные тенденции. Так, в 2012 г. число рождений и смертей составляло 13,3 на 1000 населения, а в 2021 г. на 9,6 рождений регистрировалось 16,7 смертей на 1000 населения. Естественная убыль в 2021 г. достигла «рекордных» показателей – 7,1 на 1000 населения, и это можно было бы объяснить высокой смертностью населения в условиях пандемии COVID-19, однако, уже с 2016 года естественный прирост имел незначительные, но отрицательные значения.

Россия уже неоднократно переживала депопуляционные периоды с формированием «демографических ям», которые были связаны с объективными причинами изменений общественной жизни (войны, перестройка, постперестроечный

¹ Росстат <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13215> Росстат. (Дата обращения: 25.12.2022 г.)

период и др.). В настоящее время наряду с существующими объективными проблемами изменяется и репродуктивное поведение населения, находящегося в активном репродуктивном возрасте. Всемирная организация здравоохранения установила возрастные рамки репродуктивного возраста 15–45 лет, а оптимальный репродуктивный возраст ограничен 20–35 годами. Если в 2012 г. в России число лиц, находящихся в оптимальном репродуктивном возрасте составляло 35043 тыс. человек, то в 2021 г. этот показатель снизился до 26679 тыс. человек. Значительное уменьшение произошло в возрастных группах 20–24 года (2012 г. – 11599 тыс. в 2021 г. – 6774 тыс.) и 25–29 лет (в 2012 г. – 12328 тыс., в 2021 г. – 7985 тыс.). По данным Росстата, не вызывает опасений соотношение числа женщин на 1000 мужчин в оптимальном репродуктивном возрасте. В 2012 г. средний показатель соотношения числа женщин в оптимальном репродуктивном возрасте к числу мужчин составляет в 2012 г. – 920/1000, в 2021 г. 849/1000. Однако это соотношение не сопоставляется с заключаемыми браками. Можно отметить изменение установок и намерений молодого населения на брак. Если в 2010 г. регистрировалось 1215 тыс. браков и 639 тыс. разводов, то в 2021 г. на 924 тыс. браков регистрировалось 644 тыс. разводов. Среди мужчин, находящихся в оптимальном репродуктивном возрасте, по данным Росстата, в 2021 г. 1592 тыс. не состоят в браке, 1260 тыс. состоят в браке, из них 193 тыс. состоят в отношениях. Среди женщин 1141 тыс. не состоит в браке, 1612 тыс. состоит в браке, 217 тыс. состоят в отношениях. Проведенный анализ статистических данных свидетельствует, что на ближайший период демографическая ситуация может развиваться по негативному сценарию, а, ориентируясь на показатели рождаемости, можно утверждать, что репродуктивная активность населения, находящегося в оптимальном репродук-

тивном возрасте, низкая. На негативные демографические тенденции указывали С. Захаров и Т. Фрейк, говоря о том, что спад рождаемости в России отмечался с конца 80-х годов прошлого столетия [Захаров, Фрейк, 2014. С. 106–143]. По мнению И. Ефремова, научного сотрудника лаборатории демографии и человеческого капитала ИЭП им. Е. Т. Гайдара, совокупный спад рождаемости в 2023 г. составит 8–10% от показателей 2022 г. За период январь – сентябрь 2022 г. в России родилось детей на 6,2% меньше, чем в 2021 г. за этот же период².

Репродуктивная активность населения стран мира зависит от множества факторов, у этой проблемы нет простого и легкого решения. Социальными барьерами для рождения детей являются в первую очередь материальные причины (размер дохода) и жилищные трудности.

Принимаемые государством меры не дают ощутимых результатов. Процесс сокращения рождаемости, наблюдаемый уже много лет, связан, по мнению аналитиков, с двумя составляющими:

во-первых, с низкой рождаемостью в стране в 90-е годы прошлого столетия и начале 2000 гг. нынешнего. Именно эти дети вступают сейчас в оптимальный репродуктивный возраст, являясь «демографическим эхом» тех лет. Для современной демографической ситуации характерно сокращение количества молодых женщин (по отношению к предшествующим годам), так называемых потенциальных матерей;

во-вторых, снижением количества рождений в среднем на одну женщину. В настоящее время количество детей, приходящихся на одну женщину, существенно различается в разных странах. Так, в Албании, Ирландии, Турции у женщин в возрасте 19–68 лет насчитывается 1,86–2,22 ребенка, а в России, Беларуси, Испании от 0,94 до 1,32³. Однако здесь можно выделить факторы, которые также будут влиять на репродуктивную активность. Большое влияние на число

² Повышение рождаемости вписалось в «Госуслуги». URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/12/07/638dceee9a7947d18752ceca> (Дата обращения: 27.12.2022).

³ ВЦИОМ <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhenskoe-schaste-rossijskaja-versija> ВЦИОМ

рождений детей, приходящихся на одну женщину, оказывают: наличие партнера (супруга); женщины с высшим образованием и успешной профессиональной карьерой откладывают рождение ребенка на более поздние возрастные сроки, соответственно времени на реализацию репродуктивных предпочтений (рождение двух или более детей) у них остается немного; уровень дохода семьи влияет на количество в семье детей обратно пропорционально: чем выше доход семьи, тем меньше детей [Кузнецова, 2011].

Таким образом, репродуктивное поведение населения является одним из важных факторов, который сможет улучшить демографическую ситуацию в стране. Увеличение числа рождений в среднем на одну женщину репродуктивного возраста может быть решающим в демографической политике для государства, которое через меры социальной политики способно активизировать молодое население на репродуктивную активность [Калачикова, 2015. С. 172].

Обсуждение результатов

Репродуктивное поведение активно обсуждается исследователями. Еще в 70-е годы прошлого столетия наиболее точное определение было дано В. А. Борисовым, согласно которому «репродуктивное поведение – это система действий, отношений и психических состояний личности, связанных с рождением или отказом от рождения детей любой очередности, в браке или вне брака» [Борисов, 1970]. Репродуктивное поведение рассматривается как демографическое поведение населения.

В качестве теоретического обоснования представленного исследования выбрана теория Р. Инглхарта, в основе которой лежит идея культурного перехода от индустриального общества к постиндустриальному, в условиях которого расширяются свободы выбора, позволяющие людям строить жизнь на основе собственного выбора, самостоятельно принимать решения. Другой теоретический подход К. Вельцеля определяет роль эмансипативных ценностей и подразумевает свободу выбора и равные возможности. По мнению автора данного подхода, у человека увеличиваются возможности, рас-

ширяется индивидуальная свобода, что позволяет реализовать индивидуальные предпочтения. К. Вельцель в теории эмансипации выделяет двенадцать переменных, объединенных в четыре компонента: автономия, выбор, гендерное равенство и право голоса. Автономия отражает независимость в репродуктивном поведении. Выбор демонстрирует, насколько люди свободны в репродуктивных решениях. Гендерное равенство, по мнению многих исследователей, имеет неоднозначную связь с рождаемостью, однако во многих работах отмечается, что гендерное равенство положительно влияет на уровень рождаемости. Право голоса позволяет выражать свое мнение. Доказано, что чем более демократично общество, тем выше уровень рождаемости.

Изучение репродуктивного поведения имеет существенное значение для понимания и прогнозирования тенденций рождаемости, а также анализа состояния демографической ситуации в стране в целом. Современная наука и практическое здравоохранение всесторонне изучают проблемы рождаемости, репродуктивного здоровья женщин, однако эти показатели зависят от множества факторов и не только медицинского характера. К ним относится целый комплекс факторов: социально-политические, социально-экономические, экологические, которые являются определяющими в состоянии репродуктивного поведения и здоровья населения, в том числе и женского. Наибольшее значение имеют – материальное обеспечение, уровень культуры, жилищные условия, питание, внутрисемейные отношения, обеспечение и доступность медицинской помощи и другие факторы, влияющие, в первую очередь, на качество жизни и населения в целом и женщин в частности.

Репродуктивное здоровье населения является одним из важнейших демографических показателей. Можно предположить, что неудовлетворительное состояние репродуктивного здоровья, связанного с беременностью, родами, заболеваниями репродуктивной сферы, в том числе инфекционного характера, как у женщин, так и мужчин, и заболеваниями, передаваемые половым путем,

негативно влияет на репродуктивную активность и репродуктивное поведение. Неудовлетворительное репродуктивное здоровье является проблемой, характерной не только для России. Во всем мире отмечается низкий уровень репродуктивного здоровья (вне зависимости от уровня рождаемости), и это связано с влиянием таких факторов, как недостаточный уровень знаний в отношении сексуального поведения человека и его несоответствия социальным представлениям, низкое качество и недоступность информации о репродуктивном здоровье, отсутствие репродуктивных служб, распространенность рискованного сексуального поведения.

Российская Федерация принимает ряд мер, направленных на укрепление и сохранение репродуктивного здоровья населения, которые нашли отражение в правительственных документах и мероприятиях. Создание и функционирование практически во всех субъектах РФ Перинатальных центров позитивно повлияло как на репродуктивное здоровье женщин, так на здоровье детей. Так, по данным Росстата, существенно снижается число прерываний беременности, проведенных в медицинских учреждениях. Если в 2016 г. было зарегистрировано 836611 прерываний беременностей, то в 2021 г. – 517737. Изменилась структура регистрируемых социально значимых заболеваний, если в 2016 г. зарегистрировано: 47,3 случаев заболеваний сифилисом (на 100000 населения), то в 2021 г. – 21,2; заболеваний гонококковой инфекцией в 2016 г. – 52, в 2021 г. – 10,8, трихомонозом в 2016 г. 134,5 случаев, в 2021 г. – 36. Однако значительно выросло количество зарегистрированных случаев ВИЧ инфекции и составило в 2016 г. 438,4, а в 2021 г. – 851,8.

Женщины относятся к той части населения, которая наиболее чувствительно и быстро реагирует на изменения, происходящие в социальной, экономической и политической сферах общества, и прежде всего репродуктивной активностью [Исупова, 2016. С. 69–88].

В современных условиях женщины становятся наиболее активными во всех сферах общественной жизни. По данным

Росстата, в 2019 г. число женщин, занимающих муниципальные должности и получивших высшее образование, составило 218,9 тыс. В этот же период, число мужчин, занимающих муниципальные должности и получивших высшее образование – 67,3 тыс. Снижение рождаемости можно объяснить тем, что социальное поведение женщин активизируется, в противовес репродуктивному, так как многие женщины откладывают календарь рождений первого и последующих детей на более поздние периоды.

Современное репродуктивное поведение – это система действий и отношений, опосредующих рождение определенного числа детей или отказ от деторождения, обусловленный биологическими, экономическими, психологическими и социальными факторами.

Выделяют следующие типы репродуктивного поведения: собственно репродуктивное поведение (деторождение), контрацептивное по обстоятельствам (предохранение до принятия решения родить ребенка), контрацептивное устойчивое (нежелание иметь ребенка продолжительный период времени), абортное, суррогатное материнство. В структуре репродуктивного поведения выделяют установки, ценности, мотивы, решения. Как научная категория понятие «репродуктивное поведение» имеет междисциплинарный характер и исследуется биологией, физиологией, социологией, демографией, статистикой, экономикой и другими науками. Соответственно, выделяют и множество подходов к пониманию репродуктивного поведения – экономический, социологический, демографический, биологический, социомедицинский, аксиологический.

С позиции экономической теории продолжают исследования отдельных условий, влияющих на репродуктивную активность населения, – жилищные, материальные, а также занятость женщин.

Современные демографы изучают взаимосвязь брачности и рождаемости, с позиции истолкования смены типов семьи (от безразводной многодетной, до добровольно бездетной) [Гурко, 2014. С. 77–85].

Социологи исследуют проблемы в кон-

тексте репродуктивного потенциала в связи с характером функционирования институтов системы здравоохранения [Багирова, Илышев, 2009. С. 37–46], изучается влияние государственной политики на формирование позитивного/негативного репродуктивного поведения [Архангельский, 2013. С. 129–136].

Репродуктивные установки формируются под влиянием общественных институтов, транслирующих значимые социокультурные нормы по отношению к семье и детям, отцовству и материнству. Индивидуальные репродуктивные установки, по мнению специалистов, начинают формироваться в возрасте 3–5 лет и окончательно формируются в возрасте 30 лет. Согласно теории фреймов Ирвина Гофмана «люди ведут себя соответственно тому, как мысленно конструируют социальную ситуацию», а применительно к современному репродуктивному поведению и репродуктивным установкам, «притязания на индивидуальный успех и достигнутое положение создают символические помехи к рождению детей».

Анализ результатов исследования, проведенного Т. С. Карабчук и А. П. Кочетовой, свидетельствует, что более молодое поколение женщин имеет меньшее количество детей, чем их предшественницы, так как процесс деторождения у них не завершен. Однако, что может повлиять на этих женщин, чтобы поддерживать их репродуктивную активность? По мнению авторов, это могут быть ценности. Авторы выделяют ряд индексов, которые позволили им выявить, что индекс сексуальной либерализации (толерантность к абортам, гомосексуализму, разводам), индекс гендерного неравенства в домохозяйстве и индекс свободы в принятии решения имеют отрицательную связь с количеством детей. Индекс долга перед обществом (обязанность иметь детей) и индекс ценности семьи имеют наиболее сильный положительный эффект связи с желанием иметь детей [Карабчук, Кочетова, 2017. С. 251–270]. Любая женщина любого возраста имеет ценность, ориентированную на рождение детей. Общество, которое транслирует для всех своих членов ценность семьи, будет формировать у женщины установку на обя-

занность перед обществом рожать детей (чувство долга).

Немаловажную роль в репродуктивной активности играют репродуктивный выбор и репродуктивные намерения. Репродуктивный выбор – это право человека на планирование семьи, деторождение и сексуальную жизнь. Репродуктивный выбор предполагает выбор материнства, как наиболее рациональное, заложенное природой репродуктивное поведение женщины. В то же время репродуктивный выбор предполагает и предупреждение нежелательной беременности. В современном обществе репродуктивный выбор является объектом конституционной защиты. Репродуктивное право каждого гражданина подразумевает свободу всех супружеских пар и отдельных лиц по собственному волеизъявлению принимать решения относительно количества детей, интервалов между рождением детей, времени рождения [Павлова, 2008. С. 39–40]. В свою очередь, репродуктивный выбор формируется под влиянием следующих факторов: репродуктивное здоровье (образ жизни, наследственность, окружающая среда, здравоохранение); репродуктивные установки (государство, общество, семья, религия); репродуктивное поведение (реализация желаемых рождений, или отказ от реализации желаемых рождений).

Изучение репродуктивных намерений населения в свое время стало «золотым стандартом» в исследовании рождаемости. Простота и эффективность этого метода позволила проводить большое количество исследований в этом направлении. В исследованиях используют два направления изучения репродуктивного намерения: желаемое число детей и намерения в отношении рождения очередного ребенка. Если в первом случае, предпочтения в желаемом количестве детей могут меняться, то второй вид намерений более стабилен, например желание иметь ребенка в ближайшие три года. Репродуктивные намерения – это решение о рождении ребенка. Репродуктивные намерения населения достаточно гибки и податливы социальным изменениям. Так, репродуктивные намерения в период с 2006 г. продемонстрировали рост

рождаемости. По мнению специалистов, это было связано с увеличением размера пособий по беременности и родам, изменению системы расчетов пособия по уходу за ребёнком, введению выплаты материнского капитала [Антонов, 2006]. Однако, по мнению других исследователей, ряд мер государственного характера мог оказать влияние на репродуктивные намерения, но существенно не изменил репродуктивные установки населения. По мнению В. В. Елизарова, те меры, которые были направлены на стимулирование рождаемости «и подарили небольшой подъем рождаемости, себя исчерпают, и неизбежно начнется следующая фаза падения рождаемости». Таким образом, стимулирующие рождаемость меры со стороны государства, не всегда являются решающими в мотивации населения.

Для подтверждения данного утверждения мы привлекли исследование Т. Гудковой, проводимое в 2012 и 2017 гг. Исследование проходило во всех субъектах Российской Федерации среди женских групп в возрасте 18–44 года и мужских групп в возрасте 18–60 лет. Исследование позволило оценить репродуктивные намерения (планы) мужчин и женщин.

По желаемому числу детей за период с 2012 по 2017 гг. в женской группе произошли изменения в сторону уменьшения (от -0,23 до -0,05), однако во всех возрастных женских группах желаемое число детей составляло не менее двух детей, в 2012 г – 2,21–2,34 и в 2017 г. 2,03–2,29.

Ожидаемое число детей в 2012 г. составляло два и более в возрастных группах 25–29 лет и 30–34 года (2,03–2,07 соответственно), а в 2017 г. в возрастных группах до 25 лет и 30–34 года не более 1,7–1,74. Разница в показателях желаемого числа детей и ожидаемого числа детей может объясняться тем, что принятие решения о рождении ребенка может изменяться и переоцениваться после рождения каждого ребенка.

Мужчины во всех возрастных группах как в 2012 г., так и в 2017 г. указывали желаемое число детей не менее двух (2,14–2,38 и 1,94–2,25 соответственно). Ожидаемое число детей два и более в 2012 г. отмечали мужчины в возрастных

группах 25–29 лет и 30–34 года, в 2017 г. этот показатель сместился на возрастные группы 30–34 и 35–39 лет.

На формирование репродуктивных намерений как в мужских, так и в женских группах вне зависимости от возраста влияют мотивы и факторы, побуждающие как на рождение детей, так и сдерживающие рождение ребенка. В качестве мотива рождения второго и последующих детей женщины выбирали: «чтобы ребенок не чувствовал себя одиноким» выбрали 68,7% женщин; «желание супруга/партнера иметь детей» выбрали 58,1% женщин; «гарантия, на поддержку детьми в старости» выбрали 49,1%; «желание укрепить семью» выбрали 48,6% женщин; «опыт друзей, у них двое/трое детей» выбрали 18,7% женщин. Мужчины выбирали те же суждения и в том же порядке.

Сдерживающими факторами (социальные барьеры) рождения детей как среди мужчин, так и среди женщин являются социально-экономические. В ответах на вопрос «Что может повлиять на ваш отказ рождения ребенка в ближайшее время?» выбирали следующие суждения: «пока не позволяют материальные возможности» – женщины – 73,4%, мужчины – 70,2%; «необходимость найти более высоко оплачиваемую работу» – женщины 65,8%, мужчины – 69,4%; «отсутствие собственного жилья» – женщины 57,9%, мужчины – 55,9%; «хочется пожить для себя» – женщины 48,9%, мужчины 51,4%¹¹.

Анализ результатов исследования демонстрирует, что российские мужчины и женщины ориентированы на действующие в обществе социальные нормы и ценности семьи, желают иметь двух и более детей. Однако в российском обществе сильно влияние социальных барьеров, сдерживающих россиян к рождению детей [Borozdina, Novkunskaaya, 2019: 439–452].

Негативным проявлением репродуктивного поведения может быть решение женщины прервать беременность. Прерывают беременность 48% женщин, состоящих в браке, 24% женщин, находящихся не замужем, 18% женщин, состоящих в отношениях, 8% женщин в разводе. Решившиеся на прерывание бе-

ременности 7% женщин оценивают свое материальное положение как низкое, 9% оценивают свое материальное положение как высокое, 84% как среднее. По уровню образования 50% женщин, принявших решение на прерывание беременности, имеют высшее, незаконченное высшее или средне специальное образование. Чаще принимают решение о прерывании беременности женщины социально активные, имеющие собственный бизнес. До 47% женщин, решившихся на прерывание беременности, имеют гинекологические заболевания. Следует отметить, что среди населения до сих пор бытует мнение, что аборт является приемлемым способом регулирования рождаемости. Женщины, принимающие решение по прерыванию беременности, недостаточно информированы о последствиях аборта и его влиянии на здоровье и отличаются низкой контрацептивной культурой.

Наиболее частыми причинами, влияющими на решение по прерыванию беременности, женщины называют следующие: наличие в семье необходимого числа детей; невозможность иметь больше детей по разным обстоятельствам; неудовлетворительные жилищные условия; материальная необеспеченность; нежелание супруга/партнера иметь детей; ориентированность на профессиональный рост; отсутствие детских садов; плохое здоровье [Литвина, 2022. С. 215–228].

Анализ возрастных групп женщин, принявших решение родить и прервать беременность, продемонстрировал:

рожают до 20 лет 3,8 женщин на 1000 населения, 20–24 года – 26,5 женщин на 1000 населения; 24–29 – 32,6 женщин на 1000 населения; 30–34 – 20,4 женщин на 100 населения; 35–39 – 11,5 женщин на 1000 населения;

прерывают беременность до 20 лет – 8,8 на 1000 населения; 20–24 – 23,2 на 1000 населения; 24–29 – 24,6 на 1000 населения; 30–34 – 17,5 на 1000 населения; 35–39 – 16,8 на 1000 населения.

Таким образом, можно утверждать, что сложившаяся ситуация характеризуется активным поведением женщин как в решении рождения детей, так и в решении прерывания беременности.

Женщины адаптированы к искусственному прерыванию беременности и считают его традиционным и приемлемым. Такое отношение женщин наносит урон репродуктивному потенциалу нации, так как женщины достаточно часто прибегают к прерыванию беременности, как к способу регулирования рождаемости.

Основными мероприятиями, которые позитивно повлияли бы на репродуктивное поведение населения считаются такие, как: улучшение жилищных условий; повышение материального благосостояния; увеличение размера пособий при рождении ребенка; увеличение числа детских дошкольных учреждений; формирование в обществе приоритета отцовства и материнства.

На сайте Госуслуг размещена анкета, разработанная Аналитическим центром при правительстве РФ. Результаты опроса, по мнению разработчиков анкеты, позволят оценить действующую систему стимулирования рождаемости и предложить новые, более эффективные меры в этом направлении. В опрос были включены действующие меры и планируемые, в частности, это увеличение размера пособий при рождении ребенка и в зависимости от количества детей в семье; увеличение размера пенсии по принципу «чем больше детей, тем выше пенсия»; расширение прав как матерей, так и отцов на удаленный режим работы; введение гибкого отпуска по уходу за ребенком до трех лет и возможность его использования до достижения ребенком семи лет; месячный отпуск для отцов с сохранением заработной платы при рождении ребенка; льготная ипотека по сниженной ставке; предоставление социального найма жилья для молодых семей.

Заключение

Таким образом, репродуктивное поведение населения обусловлено множеством влияющих на него факторов и является сложно управляемой категорией. В современных условиях наиболее дестабилизирующими факторами являются: сокращение числа молодых женщин, снижение количества рождений в среднем на одну женщину и социальные барьеры. Стимулирующие меры поддержки рождаемости со стороны государства

дают кратковременные эффекты репродуктивной активности населения. Для улучшения ситуации необходимы не «точечные» меры в поддержку рождаемости, а кардинальные, например материнский капитал должен выдаваться как на первого, так и на последующих рожденных детей.

Список источников:

1. Антонов А. И., Борисов В. А. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики. М.: Ключ-С, 2006. 192 с.
2. Архангельский В. Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. No 2. С. 129–136.
3. Багирова А., Илышев А. Факторы репродуктивного поведения населения // Социологические исследования. 2009. No 2. С. 37–46.4. Борисов В. А. Демография и социальная психология. М., 1970.
5. Гудкова Т. Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы // Демографическое обозрение. 2019. Том. 6. No 4. С. 83–103.
6. Гурко Т. Репродуктивные планы супругов и влияющие на них факторы // Социологические исследования. 2014. No 9. С. 77–85.
7. Исупова О. Г., Уткина В. В. Женщины на государственной службе в России: карьера, семья, репродуктивные намерения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. No 6. С. 69–88.
7. Карабчук Т. С., Кечетова А. П. Количество детей и семейные ценности: существуют ли когортные различия в Европе? // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2017. No 5. С. 251–270.
8. Калачикова О. Н., Шабунова А. А. Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 172 с.
9. Котов Д. А., Грек Н. В. Трансформация репродуктивного поведения в контексте жизненных стратегий российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. No 3. С. 499–516. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1628
10. Кузнецова Т. В. Медико-социальные факторы, определяющие репродуктивное поведение женщин в современных условиях: автореф. дисс. канд. мед. наук. Москва, 2011. С. 265.
11. Литвина Д. Репродуктивные потери в контексте институционального взаимодействия: практики, пространства и траектории заботы // Журнал исследований социальной политики . 2022. No 20(2). С. 215–228. DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-2-215-228
12. Павлова Ю. В. Конституционно-правовое обеспечение свободы репродуктивного выбора как одной из форм реализации права человека на жизнь // Конституционно-правовое обеспечение свободы. 2008. No 1. С. 39–40.
13. Borozdina E., Novkunskaia A. (2019) The Patient's Perspective on Institutional Logics in Russian Maternity Care. *The Journal of Social Policy Studies*, 17 (3): 439–452.
14. Borozdina E., Novkunskaia A. (2022) Patient-centered Care in Russian Maternity Hospitals: Introducing a New Approach Through Professionals' Agency. *Health*, 26 (2): 200–220.

References:

1. Antonov A. I., Borisov V. A. (2006) Population dynamics in Russia in the 21st century and demographic policy priorities. M.: Klyuch-S. 192 p. (In Russ.)
2. Arkhangelsky V. N. (2013) Reproductive and marital behavior *Sotsiologicheskiiye issledovaniya* [Sociological research]. No 2: 129–136. (In Russ.)
3. Bagirova A., Ilyshev A. (2009) Factors of reproductive behavior of the population *Sotsiologicheskiiye issledovaniya* [Sociological research]. No 2: 37–46. (In Russ.)

4. Borisov V. A. (1970) Demography and social psychology. M. (In Russ.)
5. Gudkova T. (2019) Reproductive intentions of Russians: motivation and deterrents // Demographic Review. Vol. 6. No. 4: 83–103. (In Russ.)
6. Gurko T. (2014) Reproductive plans of spouses and factors influencing them // Sociological research. No 9: 77–85. (In Russ.)
7. Isupova O. G., Utkina V. V. (2016) Women in the public service in Russia: career, family, reproductive intentions // Monitoring of public opinion: Economic and social changes. No. 6: 69–88. (In Russ.)
7. Karabchuk T. S., Kechetova A. P. (2017) Number of children and family values: are there cohort differences in Europe? // Monitoring of public opinion: Economic and social changes. No 5: 251–270. (In Russ.)
8. Kalachikova O. N., Shabunova A. A. (2015) Reproductive behavior as a factor of population reproduction: trends and prospects: monograph. Vologda: ISEDT RAN. 172 p. (In Russ.)
9. Kotov D. A., Grek N. V. (2020) Transformation of reproductive behavior in the context of life strategies of Russian youth // Public opinion monitoring: economic and social changes. No. 3: 499–516. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1628 (In Russ.)
10. Kuznetsova T. V. (2011) Medico-social factors that determine the reproductive behavior of women in modern conditions: author. diss. cand. honey. Sciences. Moscow. 265 p. (In Russ.)
11. Litvina D. (2022) Reproductive losses in the context of institutional interaction: practices, spaces and trajectories of care / Journal of Social Policy Research. No. 20(2): 215–228. DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-2-215-228 (In Russ.)
12. Pavlova Yu. V. (2008) Constitutional and legal support of freedom of reproductive choice as one of the forms of realization of the human right to life // Constitutional and legal support of freedom. No.1: 39–40. (In Russ.)
13. Borozdina E., Novkunskaya A. (2019) The Patient's Perspective on Institutional Logics in Russian Maternity Care. The Journal of Social Policy Studies, 17(3): 439–452.
14. Borozdina E., Novkunskaya A. (2022) Patient-centered Care in Russian Maternity Hospitals: Introducing a New Approach Through Professionals' Agency. Health, 26(2): 200–220.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023; одобрена после рецензирования 10.02.2023; принята к публикации 15.02.2023.

The article was submitted 26.01.2023; approved after reviewing 10.02.2023; accepted for publication 15.02.2023.

Информация об авторе

И. А. Гареева – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и психологии, Тихоокеанский государственный университет.

Information about the author

I. A. Gareeva – Doctor of Sociology, associate professor, professor of the department, The Pacific State University.

Научная статья
УДК 320.19.5(571.62)
doi:10.22394/1818-4049-2023-102-1-111-124

Взаимодействие органов местного самоуправления с городским сообществом Хабаровска: социологический анализ

Марина Алексеевна Буланова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
bulanova-ma@ranepa.ru

Аннотация. В статье проведен социологический анализ взаимодействия органов местного самоуправления с населением города Хабаровска, представленным как местное сообщество. На основе определенных действующим законодательством форм участия населения дана оценка их востребованности в решении вопросов местного значения и актуальных проблем жизнедеятельности. С методологических позиций социологии автором интерпретированы результаты опросов общественного мнения горожан как формы их коллективного поведения и вовлеченности в общественно-полезную деятельность на территории своего проживания, в публичные слушания, участие в муниципальных выборах. В результате исследований определено, что активность участия населения г. Хабаровск в законодательно определенных формах взаимодействия с местным самоуправлением крайне низкая из-за слабости солидарных социальных связей, высокой разобщенности власти и гражданского общества. Это обусловлено как объективными условиями локализации жителей в городских квартирах многоквартирных домов, так и их субъективными оценками неудовлетворенности деятельностью органов местного самоуправления в решении насущных проблем их жизнедеятельности и нежеланием содействовать их решению. Для повышения гражданской активности населения целесообразно развивать сетевое взаимодействие с органами местного самоуправления на основе современных средств коммуникаций, направленное на формирование солидарных местных сообществ на территориях проживания, стимулировать их средствами грантовой поддержки из городского бюджета.

Ключевые слова: местное самоуправление, местное сообщество, муниципальные выборы, территориальное общественное самоуправление, опросы, обращения граждан, г. Хабаровск

Для цитирования: Буланова М. А. Взаимодействие органов местного самоуправления с городским сообществом Хабаровска: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 1 (102). С. 111–124. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-111-124>

Interaction of the local governments with the city community of Khabarovsk: sociological analysis

Marina A. Bulanova

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa, Khabarovsk, Russia,
bulanova-ma@ranepa.ru

Abstract. Sociological analysis of interaction of the local governments with the

population of Khabarovsk, presented as the local community is given in this article. Based on the forms of participation of the population determined by the current legislation, evaluation of their relevance in solving the problems of local importance and urgent problems of life was given. From the methodological standpoint of sociology, the author interpreted the results of public opinion polls of the citizens as the forms of their collective behavior and involvement in the socially useful activities in the territory of their residence, in public hearings, and participation in the municipal elections. As a result of research, it was determined that the activity of the participation of the population of Khabarovsk in the legally determined forms of interaction with the local self-government is extremely low due to the weakness of solidarity social ties, high disunity of power and civil society. This is due to both the objective conditions for localizing residents in city apartments of apartment buildings and their subjective assessments of dissatisfaction with the activities of local governments to solve the urgent problems of their life and unwillingness to contribute to their solution. To increase the civic activity of population, it is advisable to develop the network interaction with the local government on the basis of modern means of communication, aimed at formation of the solidarity local communities in the territories of residence, to stimulate them with grant support from the city budget.

Keywords: local government, local community, municipal elections, territorial public government, polls, citizens' appeals, Khabarovsk

For citation: Bulanova M. A. Interaction of the local governments with the city community of Khabarovsk: sociological analysis // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 1 (102). Pp. 111–124. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-111-124>

Введение

В постсоветский период было определено, что «местное самоуправление играет особую роль в становлении гражданского общества в России, являясь одновременно и механизмом формирования такого общества и его неотъемлемой составной частью. Включение членов местного сообщества в процесс принятия общественно значимых решений является одним из механизмов реального осуществления народовластия»¹. Однако спустя два десятилетия после этого нормативного правового утверждения вовлеченность населения в деятельность ведущих и самых массовых институтов гражданского общества как в стране, так и в Хабаровском крае остается на низком уровне [Байков, 2018].

В настоящее время вовлеченность населения в общественно-полезную деятельность незначительная, хотя федеральное законодательство предусматривает раз-

нообразные формы его участия в решении вопросов местного значения. Поэтому данная проблема требует выявления барьеров и противоречий, которые мешают устанавливать партнерские взаимоотношения между органами местного самоуправления и местным сообществом, поиска новых инструментов их взаимодействия в условиях городского округа.

Методология исследования

Категория «социальное взаимодействие» является одной из центральных в социологической науке и имеет различные теоретические интерпретации. Так, теория обмена (Хоманс, 1984) базируется на том, что в социальном поведении человека заложено рациональное начало. Поэтому человек стремится вести себя расчетливо для получения различных выгод, для него любое взаимодействие есть обмен. При этом основные положения социального обмена базируются на следующих посылах:

¹ Указ Президента РФ №1370 от 15.10.1999 г. «Об утверждении основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901744894>² Выборочное исследование репродуктивных планов населения, 2017 год. Режим доступа: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html (дата обращения: 02.06.2022 г).

если в прошлом было событие, в котором данная деятельность была вознаграждена, чем более похожа ситуация в настоящем, тем выше вероятность того, что подобная деятельность будет выполнена;

чем чаще деятельность одного человека вознаграждает деятельность другого, тем чаще он будет выполнять эту деятельность;

частота взаимодействий зависит от частоты, с которой каждый вознаграждает деятельность другого [Хоманс, 1984. С. 779–810].

Гофман И. как представитель микро-социологического анализа определяет социальное взаимодействие: «... в узком смысле как нечто неповторимое, происходящее в социальных ситуациях, т. е. в средах, в которых два или более индивида находятся в физическом реактивном присутствии друг друга». Он формулирует это как «порядок взаимодействия» или взаимодействие «лицом – к лицу», которое ограничено в пространстве и во времени. В силу этого в данном порядке взаимодействия сосредоточенность и вовлеченность участников (хотя бы в форме мобилизации их внимания) является критической переменной..., а в процесс взаимодействия по природе вещей вовлекаются неизбежные психобиологические элементы: эмоции, настроения, познавательные и телесные ориентации, мускульные усилия. Легкость и тяжеловесность, самозабвенная непринужденность и осторожная осмотрительность становятся центральными характеристиками взаимодействия.

По Гофману можно выделить следующие базисные моменты взаимодействия: 1) в общественных местах мы встречаем «одиночек» (группу из одного лица) и «компаний» (группу более чем из одного лица), и такие группы толкуются как самодостаточные единицы для целей участия в потоке обыденной общественной жизни; 2) наличие контакта, под контактом понимается любое событие, когда индивид вступает в сферу ответного соприсутствия другого; 3) наличие обширного класса собраний, когда люди физически сходятся вместе в маленький кружок как полноправные сознательно ответственные участники некоего явно

взаимозависимого предприятия; 4) универсальная сценическая форма, при которой деятельность протекает перед аудиторией. [Гофман, 2002. С. 66–78].

П. Сорокин пишет: «... когда изменения психических переживаний или внешних актов одного индивида вызывается переживаниями и внешними актами другого (других), когда между теми и другими существует функциональная связь, тогда мы говорим, что эти индивиды взаимодействуют». При этом любое взаимодействие можно разложить на элементы и выделить три из них, без которых взаимодействие не может быть реализовано:

1) наличность двух или большего числа индивидов, обуславливающих переживания и поведение друг друга;

2) наличность актов, посредством которых они обуславливают взаимные переживания и поступки;

3) наличность проводников, передающих действие или раздражение актов от одного индивида к другому, где под проводниками понимаются все средства, которые позволяют передать раздражение от одних индивидов к другим [Сорокин, 1920. С. 82].

Таким образом, можно констатировать, что классические определения социального процесса «взаимодействия», его структуры и механизмов, представленные в описанных выше социологических парадигмах, могут служить методологическим инструментом его познания как основы для развития форм вовлеченности населения и органов местного самоуправления в разработку и реализацию управленческих решений вопросов местного значения в городском округе.

Обсуждение темы

Особая роль для интеграции населения в местное сообщество и осуществления эффективного с ним взаимодействия отводится органам местного самоуправления. В данном контексте под взаимодействием понимается деятельность субъектов взаимодействия для достижения общей цели. При этом под взаимодействием органов местного самоуправления с населением мы будем понимать достаточно регулярные действия партнеров,

направленные друг на друга, имеющие целью вызвать определенную ответную реакцию со стороны партнера. Предметом такого взаимодействия является выявление, а по возможности учет мнения и интересов при принятии общественно значимых решений, а также совместная деятельность при реализации управленческих решений.

Механизмом взаимодействия своего рода «правилами игры» при разработке и реализации управленческих решений служит местное сообщество, наделенное интересами в коммуникации, общении, социальном обмене с органами местного самоуправления и сравнением при оценке социальной ситуации в городе уровня своих притязаний. Результатом будет аккумулирование дополнительных человеческих, финансовых, материальных ресурсов для достижения общих целей. Местное сообщество неоднородно, оно состоит из различных групп, и взаимодействие с данными группами внутри сообщества требует применение различных средств (инструментов).

К. А. Антипьев относит к местному сообществу «общность людей, проживающих на одной территории, соединенных с ней интересами, потребностями, социальными связями и взаимодействиями. Сообщество имеет определенный уровень осознания своего единства, способно к постановке целей, интеграции для совместных действий» [Антипьев, 2011. С. 58–59].

Шамарова Г. М. утверждает, что «основной задачей, определяющей эффективное осуществление муниципального управления, является наличие взаимной ответственности местной власти и граждан. Для вовлечения граждан в процесс развития территории предлагает использовать современные механизмы (правовые, организационные), но при этом не уточняет, какие современные механизмы можно использовать для

повышения активности населения [Шамарова, 2021. С. 29–37].

Петухов Р. В. фиксирует разрушение доверия к муниципальным властям, их дистанцированность от местных жителей в связи с недостатком информации о деятельности местной власти, непрофессионализмом местных чиновников и нерешенными проблемами на территории муниципального образования [Петухов, 2018. С. 131–146].

Мерсиянова И. В. утверждает, что уровень доверия – основа самоорганизации, совместной деятельности людей [Мерсиянова, 2013. С. 177].

Майкова Э. Б. определяет, что основными факторами, сдерживающими гражданскую активность, являются недоверие населения местной власти и недостаточное знание всех возможных форм участия в местном самоуправлении [Майкова, Симонова, 2015. С. 90–94].

Во всех представленных работах исследовались отдельные элементы социального взаимодействия органов местного самоуправления с населением. Между тем социологический анализ взаимодействия органов местного самоуправления с городским населением может быть представлен в совокупности всех обязательных элементов: характеристики субъектов, предметов и механизмов («правил игры») социального взаимодействия.

Результаты исследования

Для оценки взаимодействия органов местного самоуправления г. Хабаровска с городским сообществом использовались результаты социологического мониторинга общественного мнения населения городского округа.²

Нормативная правовая основа форм взаимодействия населения и органов местного самоуправления, определенная федеральным законодательством, включает: муниципальные выборы, местный референдум, сходы граждан; голосование по отзыву депутата, члена выбор-

² Социологический мониторинг «Социальное самочувствие жителей города Хабаровска» в 2020–2022 гг. В рамках каждого этапа исследования опрашивалось 600 жителей г. Хабаровска. Тип выборки – маршрутная (поквартирная), квотная (в разрезе трех квот респондентов по полу, возрасту и району проживания в городе). Ошибка выборки не превышает ±5%. Научный руководитель: Берзутский Ю.В., кандидат социологических наук, доцент Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС.

ного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления; голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования; собрания и конференции граждан, публичные слушания и общественные обсуждения, опросы, правотворческую инициативу, территориальное общественное самоуправление, инициативные проекты³.

Участие в этих формах взаимодействия предполагает высокую социальную активность населения, потенциально заинтересованного в решении насущных проблем своей жизнедеятельности. Одним из индикаторов наличия такой активности является вовлеченность жителей города в общественные организации и объединения, которые выступают субъектами взаимодействия с органами местного самоуправления городского округа.

Однако, как показывают результаты исследования, лишь десятая часть из числа опрошенного городского населения (9,3%) состоит в каких-то общественных организациях и объединениях. Подавляющее большинство отмечает, что они не состоят ни в каких общественных организациях и объединениях. За год количество горожан, участвующих в деятель-

ности общественных институтов незначительно увеличилась на статистическую погрешность (3%), что свидетельствует о стагнации существующей ситуации во взаимодействии органов местного самоуправления с населением по совместному участию в решении вопросов местного значения городского округа (табл. 1)

Муниципальные выборы являются наиболее регулярно реализуемой формой взаимодействия органов местного самоуправления с населением города как электоратом. В соответствии с Уставом городского округа «город Хабаровск»⁴ выборы мэра города Хабаровска и депутатов Хабаровской городской Думы проводятся раз в пять лет.

При проведении муниципальных выборов органами местного самоуправления осуществляется содействие в информировании населения о сроках их проведения, о кандидатах, о расположении избирательных участков. На территории городского округа осуществляется предвыборная агитация.

Активность населения при проведении выборов мэра города Хабаровска в 2018 г. была невысокая, так как участие в них приняли около трети избирателей, внесенных в списки для голосования⁵. Так, явка избирателей на выборы в Ха-

Таблица 1

**Распределение ответов жителей Хабаровска на вопрос:
«В каких организациях (объединениях) Вы состоите?»**

(в % от числа опрошенных)

Оценка	Июнь 2021 г.	Февраль 2022 г.	Июнь 2022 г.
Не состою ни в каких	93,0	94,2	90,3
Политическая партия, движение	1,8	0,5	1,0
Общественная организация (НКО, СОНКО)	1,0	1,0	1,2
Молодежная общественная организация	1,2	0,5	0,7
Органы самоуправления (профсоюзы и т. д.)	1,7	1,7	2,2
Товарищества собственников жилья (ТСЖ)	2,3	1,5	5,3
Территориальное общ. самоуправления (ТОС)	0,2	0,3	0,7

Источник: составлено автором по результатам социологического мониторинга «Социальное самочувствие жителей города Хабаровска» в 2020–2022 гг.

³ Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 06.02.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/

⁴ Устав городского округа «город Хабаровск». URL: <https://docs.cntd.ru/document/995111033>

⁵ Сергей Кравчук выиграл выборы мэра Хабаровска с 40% голосов // Новости – Политика – Коммерсантъ. 10.09.2018 г. (kommersant.ru)

баровскую городскую Думу в 2019 г. составила всего лишь 22%. Необходимо отметить, что низкие показатели явки в целом характерны для муниципального уровня выборов на многих территориях страны в постсоветский период. Обобщенный анализ причин неявки на муниципальные выборы в Хабаровске с начала 2000-х гг. позволяет выделить следующие из них:

отсутствие актуальных общественно-значимых программ и гражданских инициатив со стороны кандидатов в депутаты городской Думы;

«вялотекущий» избирательный процесс со стороны кандидатов и их штабов, партий, социально-профессиональных групп городского сообщества;

низкая агитационно-пропагандистская активность кандидатов и доверенных им лиц на всех информационных направлениях (встречи, печатные и электронные СМИ, ТВ, социальные сети);

слабая (или отсутствует) информированность избирателей о личных, профессиональных и партийных характери-

стиках большинства кандидатов;

высокая доля неопределенных с предпочтениями граждан и их слабая структурированность вкупе с издержками знания о кандидатах, что повышает риск выбора случайного депутата.

Результаты неявки на выборы обусловлены и низким уровнем доверия населения органам местного самоуправления в силу их слабой способности решать актуальные вопросы жизнедеятельности населения из-за низкой бюджетной обеспеченности. Можно также предположить, что низкая активность населения на выборах объясняется как выраженной неудовлетворенностью части населения деятельностью органов местного самоуправления города, так и нежеланием оценивать их деятельность (табл. 2).

На протяжении двух лет доля горожан, неудовлетворенных деятельностью администрации г. Хабаровска, несколько возросла с 43,8% (февраль, 2021 г.) до 48,7% (февраль, 2022 г.), что может свидетельствовать о снижении уровня доверия к исполнительным органам власти.

Таблица 2

**Распределение ответов жителей Хабаровска на вопрос
«Удовлетворены ли Вы деятельностью администрации
г. Хабаровска и Хабаровской городской Думы?»**
(в % от числа опрошенных)²

Оценка	Администрации г. Хабаровска					Хабаровской гордумы				
	Март 2020 г.	Февр. 2021 г.	Июнь 2021 г.	Февр. 2022 г.	Июнь 2022 г.	Март 2020 г.	Февр. 2021 г.	Июнь 2021 г.	Февр. 2022 г.	Июнь 2022 г.
Полностью удовлетворен	6,3	2,3	3,2	3,3	3,7	5,0	1,2	3,3	1,2	2,0
Скорее удовлетворен, чем нет	24,4	22,7	32,0	16,0	25,8	18,7	13,8	26,3	16,3	21,2
Скорее не удовлетворен, чем да	19,3	30,0	27,3	33,9	32,8	13,3	21,0	20,0	21,3	19,8
Полностью не удовлетворен	9,3	13,8	10,8	14,8	6,8	7,5	14,5	10,7	14,8	7,2
Затрудняюсь ответить	40,7	31,2	26,7	31,9	30,8	55,5	49,5	39,7	46,4	49,8

Источник: составлено автором по результатам социологического мониторинга «Социальное самочувствие жителей города Хабаровска» в 2020–2022 гг.

Доверие к государству и его институтам возникает в основном из оценки гражданами результатов своего непосредственного взаимодействия с представителями власти и информации, получаемой из средств массовой информации [Штомка, 2012. С. 366–367].

Удовлетворенность деятельностью Хабаровского городской думы ниже, чем администрации г. Хабаровска. Объяснением этому может служить то, что результаты деятельности администрации города можно видеть непосредственно. Половина респондентов (49,8%) не смогли выразить своего мнения о результатах работы городских депутатов, а удовлетворены их деятельностью только четвертая часть (23,2%), и примерно столько же выразили ими свою неудовлетворенность (27%).

По результатам опроса около половины жителей (48,8%) отмечают, что в городе «положительных и отрицательных изменений примерно одинаково» и эта доля примерно на протяжении двух лет сохраняется. Число тех, кто отметил, что «город развивается, растет», составляет четвертую часть опрошенных (24,8%), и в течение двух лет доля этих ответов незначительно выросла (31,2%). При этом доля опрошенных горожан, отметивших ухудшение в развитии города, снизилась на статистически незначительную долю (с 19,6% до 16,8%), т. е. осталась примерно на уровне пятой-шестой части⁶.

Отрицательные оценки деятельности администрации г. Хабаровска и депутатов опрошенные связывают с отсутствием видимых изменений в условиях жизни на территории муниципального образования. Проблемы, на которые указали респонденты, можно объединить в несколько групп. Во-первых, неудовлетворенность населения состоянием и качеством ремонта дорог, отсутствием разметки, недовольство автомобильными пробками, своевременностью уборки

снега и т. д. Во-вторых, низким уровнем общего благоустройства дворов и города в целом, мусором и несанкционированными свалками, состоянием детских площадок. В-третьих, плохой работой общественного транспорта. В-четвертых, ростом цен на услуги ЖКХ, общим ростом цен на товары и услуги. При этом необходимо отметить, что в качестве положительных изменений отметили ремонт дорог, благоустройство, рост зарплат и т. д.

Можно по-разному относиться к этим субъективным оценкам жителей города, соглашаться с ними или оспаривать, так как решение части вопросов не входит в полномочия органов местного самоуправления. Однако они оказывают влияние на оценку удовлетворенности деятельности власти как собирательного образа, без различия ее уровня и из какого бюджета должно быть выделено финансирование на решение этих проблем.

Публичные слушания и общественные обсуждения как формы взаимодействия законодательно определены как обязательные по таким вопросам местного значения, как внесение изменений в Устав города, в Правила благоустройства; рассмотрение проекта местного бюджета. В соответствии с действующим законодательством, на публичные слушания, общественные обсуждения выносятся проекты правил землепользования и застройки, планировки территории, решений о предоставлении разрешений на условно разрешенный вид использования земельных участков и объектов капитального строительства, решений о предоставлении разрешений на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства, вопросы изменения одного вида разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства на другой, проекты генеральных планов⁷.

⁶ Аналитический доклад о состоянии и развитии гражданского общества в Хабаровском крае: научный доклад / Н. М. Байков [и др.]; под ред. Ю. В. Березутского. – Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2018. – 160 с.

⁷ Градостроительный кодекс Российской Федерации: федер.закон от 29.12.2004 N 190-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/

Порядок проведения публичных слушаний определен Хабаровской городской думой⁸, а решения, на них принятые, носят рекомендательный характер. При этом они обязательно должны быть учтены при принятии решения органами местного самоуправления. Население, которое выражает недовольство принятым решением, может оспорить его через суд.

В городе Хабаровске публичные слушания проходят периодически, информация о проведении публичных слушаний размещается на официальном сайте администрации города и в сети Интернет, там же публикуются протоколы и заключения. Однако активность населения на публичных слушаниях низкая, как правило, присутствуют только заинтересованные лица. Например, на публичных слушаниях 01.02.2023 г. по рассмотрению документации по планировке территории (проекта межевания) в границах ул. Муравьева Амурского – ул. Калинина – Уссурийского бульвара – ул. Комсомольской в Центральном районе г. Хабаровска присутствовало 6 человек. На публичных слушаниях 30.01.2023 г. по рассмотрению документации по планировке территории (проекта межевания) в границах ул. Выборгской – ул. Мурманской – ул. Батумской в Железнодорожном районе г. Хабаровска присутствовало 6 человек⁹.

Для определения мнения населения по актуальным вопросам органы местного самоуправления инициируют опросы, которые являются разновидностью консультативного референдума¹⁰. Опросы проводятся как непосредственно через размещение вопросов на официальном сайте администрации г. Хабаровска, так и с привлечением специализированных организаций. Запрещается при прове-

дении опроса какое-то прямое или косвенное ограничение прав жителей на участие в опросе в зависимости от пола, расы, национальности, происхождения, имущественного или должностного положения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям и иных обстоятельств. Жители муниципального образования принимают участие в опросах добровольно. В ходе опроса никто не может быть принужден к выражению своего мнения и убеждений или отказу от них. Подготовка, проведение и установление результатов опроса осуществляется открыто и гласно. При проведении опроса заинтересованным сторонам должно быть предоставлено равное право на изложение своих взглядов по вопросу, предлагаемому при проведении опроса [Буланова, 2022. С. 106].

В 2022 г. в городе Хабаровске проводились опросы:

по удовлетворенности населения предоставлением жилищно-коммунальных услуг;

молодых семей по вопросам получения дальневосточной ипотеки;

по организации отдыха детей;

по смотрю-конкурсу «Лучший двор, лучший подъезд» и т. д.

Таким образом, данная форма востребована органами местного самоуправления и позволяет учитывать мнение населения при принятии решений.

Однако необходимо заметить, что активность населения в опросах зачастую низкая. В интернет-опросе «Что жители города хотели бы видеть на обновленных городских бульварах?» приняли участие около 1,5 тыс. человек. В интернет-опросе при проведении смотра-конкурса «Лучший двор, лучший подъезд» приняли участие в целом по г. Хабаровску 16252

⁸ Решение Хабаровской городской Думы от 28.06.2018 г. № 850 «Об утверждении положения о публичных слушаниях, общественных обсуждениях по проектам в сфере градостроительной деятельности и проектам правил благоустройства территорий в городском округе «Город Хабаровск». URL: https://duma.khabarovskadm.ru/upload/medialibrary/620/reshenie_-850.pdf

⁹ Заключение по итогам публичных слушаний 30.01.2023 года. URL: https://khu27.ru/for-peoples/publichnye-slushaniya/index.php?ELEMENT_ID=139857

¹⁰ Решение Хабаровской городской Думы от 22 декабря 2020 года N 354 «Об утверждении Порядка назначения и проведения опроса граждан на территории городского округа «Город Хабаровск». URL: <https://docs.cntd.ru/document/465377352> <https://docs.cntd.ru/document/465377352?marker>

человека. При этом интернет-опрос по теме «Предложения по включению в перечень общественных территорий городского округа «Город Хабаровск», подлежащих благоустройству в первоочередном порядке в 2024 году», вызвал большой интерес у жителей, и в опросе приняли участие 62521 человек¹¹. Несмотря на разные показатели числа жителей города, принявших участие в интернет-опросах, их главное свойство – репрезентативность полученных результатов, можно поставить под сомнение, так как невозможно доказать их надежность и обоснованность на соответствие распределению характеристик опрошенных (пол, возраст, образование, территориальное распределение и др.) в генеральной совокупности городского населения.

Среди форм взаимодействия органов местного самоуправления с населением особое место занимает **территориальное общественное самоуправление**, под которым понимается самоорганизация граждан по месту их жительства на части территории поселения, внутригородской территории города федерального значения, муниципального округа, городского округа, внутригородского района, а также в расположенных на межселенной территории населенных пунктах (либо на части их территории) для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения¹².

Активное участие населения в территориальном общественном самоуправлении является характеристикой развитого местного сообщества. ТОС – один из лучших механизмов поддержки гражданских инициатив. Президент России В. В. Путин, оценивая эту практику, отметил: «Люди стремятся сделать что-то нужное, полезное, у них немало конструктивных идей и предложений, и главное – есть желание воплотить их в жизнь».

Очень важно, чтобы со стороны власти было такое же встречное желание».¹³

До 2020 г. на территории города Хабаровска не было учреждено ни одного территориального общественного самоуправления, что было обусловлено рядом факторов, среди которых доминировала ориентация администрации города на муниципальную программу обустройства дворов за счет средств местного бюджета и поддержку бизнес-структур в лице управляющих компаний. Кроме того, развитие городских ТОСов не было включено в муниципальную программу «Развитие гражданского общества в городском округе «Город Хабаровск» на 2021–2025 годы».

Посредством использования административных ресурсов муниципалитета за три года потенциал территориального самоуправления в городе был создан с нуля и существенно укрепился. Этому способствовало то, что администрацией города на основе предложений от активных граждан города, структурных подразделений, депутатского корпуса Хабаровской городской Думы было разработано новое положение о территориальном общественном самоуправлении в городе Хабаровске (решение Хабаровской городской Думы от 26.05.2020 № 174). В данном положении был изменен порядок организации ТОС в городе Хабаровске для упрощения создания ТОС. В целях поддержки развития территориального общественного самоуправления в городском округе проводится городской конкурс социально значимых инициатив (проектов) среди субъектов территориального общественного самоуправления.

По итогам опроса горожан в 2022 г. половина респондентов (50,7%) вообще не слышали о такой форме самоорганизации как ТОС, третья часть (38,9%) что-то слышали, 2,5% знакомы и 7,8% респондентов знают о ТОС.

¹¹ Официальный сайт Администрации г. Хабаровска. Опросы. URL: <https://khv27.ru/for-peoples/oprosy/>

¹² Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ: федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Доступ из справ.- правовой системы «Консультант Плюс».

¹³ Заседание Совета по развитию местного самоуправления. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/55301>

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Известно ли Вам что-либо о территориальном общественном самоуправлении (ТОС) по месту вашего жительства?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
Да, хорошо известно	7,8
Да, наш дом включен в ТОС	2,5
Да, что-то слышал (а) об этом	38,9
Впервые об этом слышу	50,7

Источник: составлено автором по результатам социологического мониторинга «Социальное самочувствие жителей города Хабаровска» в 2020–2022 гг.

За последние два года (2021–2022 гг.) активистами ТОС города было разработано и подано 277 заявок на краевой и городской конкурсы грантов их поддержки, а победителями признаны 92 инициативных проекта. На их реализацию жителями города привлечено уже около 43 млн рублей из краевого и городского бюджетов. При этом общий объем финансирования всех проектов с учетом доли софинансирования граждан составил около 80 млн рублей. За два года проведения краевого и городского конкурсов ТОС на территории города благоустроено 81 дворовая территория¹⁴. По итогам городского конкурса ТОС – 2022 г. победителями были признаны 27 проектов ТОС из 115 проектов, представленных на рассмотрение конкурсной комиссии. Фонд финансирования со стороны администрации города составил 10 млн рублей. Доля собственных средств граждан – 7,4 млн рублей¹⁵.

Проекты были направлены на строительство детских (спортивных) площадок, благоустройство придомовых территории, освещение, видеонаблюдение, а также на сценическое оборудование, сценические костюмы и спортивный инвентарь. Вместе с тем очевидно, что активизация населения на вовлеченность в ТОСы с помощью грантов ограничена

возможностями финансовой поддержки со стороны органов власти.

В соответствии с действующим законодательством каждый гражданин имеет право на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления¹⁶. При этом органы местного самоуправления обязаны рассмотреть обращение граждан и принять по нему обоснованное и законное решение. Таким образом, обращаясь в органы местного самоуправления, гражданин надеется на защиту своих прав и решение своих проблем.

Динамика общего количества обращений граждан в Администрацию города Хабаровска стабильная, в 2022 г. количество обращений снизилось незначительно (1,5%) (табл. 3). Хотя количество обращений не изменилось, начал меняться способ подачи обращений, выросло количество обращений в электронной форме (8,8%) и устных (42,8%). Количество обращений из главного управления Губернатора и Правительства края по работе с обращениями граждан, организаций и контролю поручений в 2022 г. поступило на 16,2% обращений меньше, чем в 2021 г. Через государственную информационную систему «Голос-27» поступило за 2022 г. на 3,3% обращений меньше, но при этом увеличилось количество обращений на

¹⁴ Организация ТОС в городе Хабаровске. URL: <https://khv27.ru/projects/territorialnoe-obshchestvennoe-samoupravlenie/>

¹⁵ В Хабаровске подвели итоги городского конкурса социально значимых проектов среди территориального общественного самоуправления. URL: https://khv27.ru/projects/territorialnoe-obshchestvennoe-samoupravlenie/novosti/index.php?ELEMENT_ID=142571

¹⁶ Федеральный закон № 59-ФЗ от 02.05.2006 г. «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/12146661/>

Таблица 4

**Количество обращений граждан в администрацию города Хабаровска
(2021–2022 гг.)¹⁷**

Обращения граждан	2021 г.	2022 г.	%
В администрацию г. Хабаровска, в том числе	13271	13065	- 1,55
письменных	4948	3965	-19,9
устных	119	170	42,8
электронных	8204	8930	8,84
В главное управление Губернатора и Правительства края по работе с обращениями граждан	3175	2662	-16,2
Через государственную информационную систему «Голос-27»	3636	3515	-3,32
Через информационный портал ГИС «ЖКХ».	231	273	18,18

Источник: составлено автором по результатам социологического мониторинга «Социальное самочувствие жителей города Хабаровска» в 2020–2022 гг.

информационном портале ГИС «ЖКХ» (18,18%)¹⁷.

Ответы на актуальные вопросы, волнующие жителей г. Хабаровска, ежемесячно размещаются в муниципальной газете «Хабаровские вести». В ней организовано ведение рубрики «горячая линия», в которой даются ответы на интересующие вопросы мэром города, его заместителями, руководителями структурных подразделений администрации города.

За 2022 г. мэром города и заместителями мэра города принято 203 человека, в общественно-консультационной приемной мэра города – 71 человек, справочно-консультационная помощь оказана 902 гражданам. За аналогичный период 2021 г. принято 76 обращений, 988 гражданам оказана справочно-консультационная помощь¹⁷.

Одним из основных направлений взаимодействия органов местного самоуправления с населением является информационное. Информирование ими населения о своей деятельности осуществляется как через официальные сайты органов местного самоуправления, социальные сети, телеграм-каналы, так и в непосредственном общении на собраниях, встречах, в прямом эфире с мэром и муниципальными руководителями. Речь идет об активном использовании цифровых технологий взаимодействия («лицом

к лицу»), когда население непосредственно может задать вопросы и получить ответы от мэра и представителей администрации. Так, по результатам исследования, население г. Хабаровска получает информацию в основном с интернет-сайтов (69,2%), центрального телевидения (55,0%), социальных сетей (54,8%), из общения с родственниками и друзьями (43,3%). Третья часть респондентов ответила, что источником информации выступает краевое телевидение (35,2%), и статистически незначимое – краевые газеты (3,2%). Востребованность местных каналов отметила незначительная часть опрошенных горожан. Среди них лидирует ИТА «Губерния» (36,5%), в то время как другие – в пределах десятой части опрошенных: ГТРК «Дальневосточная» (7,8%), ТВ-6 (8,8%).

Образовательное направление взаимодействия власти и городского населения предполагает просвещение о формах участия в местном самоуправлении, о способах формирования сообщества граждан, о направлениях работы с сообществом. Однако такие образовательно-просветительские акции проводятся в основном с муниципальными служащими и депутатами. Важно понимать, что обучать муниципальных служащих и политиков технологиям социального взаимодействия с разными группами населе-

¹⁷ Официальный сайт Администрации г. Хабаровска. URL: <https://khv27.ru/for-peoples/obratitsya-v-meriyu/analiticheskaya-informatsiya-po-rabote-s-obrashcheniyami-grazhdan/>

ния необходимо на постоянной основе. Это позволит формировать у них в сознании и поведении свою сопричастность к местному сообществу как партнеру по взаимодействию в решении вопросов местного значения.

Заключение

По результатам исследования, можно сделать вывод, что в городском сообществе Хабаровска сложилась фрагментарная модель взаимодействия населения с органами местного самоуправления. Непривлекательными для населения г. Хабаровска являются такие формы взаимодействия, как местный референдум, правотворческая инициатива, собрания и конференции. Причинами непривлекательности могут быть незнание этих форм и вообще сложность их организации и реализации. Проведение местно-

го референдума может инициироваться гражданами, но для этого нужна инициатива, сбор подписей и формирования фонда проведения референдум.

Вовлеченность населения в муниципальные выборы, опросы, обращения граждан, территориальное общественное самоуправление и другие формы взаимодействия органов местного самоуправления с горожанами оценивается как слабо выраженная и требующая привлечения дополнительных образовательных, информационных, финансовых и других ресурсов. Поддержка гражданских инициатив должно быть постоянным и системным, тогда население будет планировать дальнейшее развитие своей территории и стремиться вовлекать больше участников в реализацию инициативных проектов.

Список источников:

1. Антипьев К. А. Особенности управления местным сообществом // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 58–59.
2. Буланова М. А. Местное самоуправление и развитие местных сообществ: учебное пособие – Хабаровск: Дальневосточный институт управления-филиал РАНХиГС, 2022. – 140 с.
3. Викулова С. К. Взаимодействие органов местного самоуправления с населением: проблемы регулирования социальной напряженности (автореферат). URL: autoref-vzaimodeistvie-organov-mestnogo-samoupravleniya-s-naseleniem-problemy-regulirovaniya-sotsial.pdf.
4. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсияновой. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. – С. 177.
5. Майкова Э. Ю., Симонова Е. В. Самоуправленческий потенциал населения российских регионов (на примере Тверской области) // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 80–88.
6. Майкова Э. Ю., Симонова Е. В. Гражданское участие населения как фактор развития местного самоуправления в российских муниципальных образованиях // Власть. 2015. Том 22. № 1. С. 90–94.
7. Медведева Н. В., Фролова Е. В., Рогач О. В. Взаимодействие и перспективы партнерства территориального общественного самоуправления с местной властью // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 72–82.
8. Петухов Р. В. К проблеме социального содержания местного самоуправления // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 131–146. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.07>.
9. Сорокин П. Система социологии: Социальная аналитика. Ч. 1, Учение о строении простейшего (родового) социального явления.- Петроград: Издательское товарищество «КОЛОС», 1920. Т. 1. 464 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/1058676>
10. Гофман И. Порядок социального взаимодействия // Теоретическая социология: Антология: в 2-х ч. / Пер. с англ. Сост. и общ. ред С.П. Баньковской. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 2. URL: <https://uchebnikfree.com/page/sotciolog/ist/ist-5>

-idz-ax253--nf-3.html.

11. Трофимова И. Н. Структура и динамика институционального доверия в современном российском обществе // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 68–75.

12. Хоманс Дж. К. Социальное поведение: его элементарные формы. – URL: <https://talant55.irooo.ru/images/%D0%A7%D0%93%D0%9A/%D0%9B%D0%B5%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F/%D0%A5%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%81.pdf>.

13. Шамарова Г. М. Взаимодействие органов местного самоуправления с населением: отечественный и зарубежный опыт // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2021. № 8 (202). С. 29–37. Doi:10.46554/1993-0453-2021-8-202-29-37.

14. Штомпка П. Доверие – основа общества. М. : Логос, 2012. 445 с.

References:

1. Antipiev K. A. (2011) Features of local community management *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 8: 58–59. (In Russ.)

2. Bulanova M. A. (2022) Local self-government and development of local communities: textbook. – Khabarovsk: Far Eastern Institute of Management-branch of the RANEPА. – 140 p. (In Russ.)

3. Vikulova S. K. Interaction of local governments with the population: problems of regulation of social tension (abstract). URL: autoref-vzaimodeistvie-organov-mestnogo-samoupravleniya-s-naseleniem-problemy-regulirovaniya-sotsial.pdf. (In Russ.)

4. Trust and distrust in the context of the development of civil society / otv. ed. A.B. Kupreychenko, I.V. Mersiyanova. – M.: Publishing House of the National Research University Higher School of Economics, 2013. – P. 177. (In Russ.)

5. Maykova E. Yu., Simonova E. V. (2015) Self-government potential of the population of Russian regions (on the example of the Tver region) *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research]. No. 7: 80–88. (In Russ.)

6. Maykova E. Yu., Simonova E. V. (2015) Civil participation of the population as a factor in the development of local self-government in Russian municipalities *Vlast'* [Power]. 2015. Vol. 22. No. 1: 90–94. (In Russ.)

7. Medvedeva N. V., Frolova E. V., Rogach O. V. (2021) Interaction and prospects of partnership of territorial public self-government with local authorities *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research]. No. 10: 72–82. (In Russ.)

8. Petukhov R. V. (2018) To the problem of the social content of local self-government // Monitoring of public opinion: Economic and social changes. No. 6: 131–146. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.07>. (In Russ.)

9. Sorokin P. (1920) System of sociology: Social analytics. Part 1, The doctrine of the structure of the simplest (generic) social phenomenon. – Petrograd: Publishing Association “KOLOS”. Т. 1. 464 p. URL: <https://www.prlib.ru/item/1058676> (In Russ.)

10. Hoffman I. (2002) The order of social interaction. Theoretical sociology: Anthology: in 2 hours / Per. from English. Comp. and general ed S.P. Bankovsky. – M. : Book House “University”. Part 2. URL: <https://uchebnikfree.com/page/sotciolog/ist/ist-5--idz-ax253--nf-3.html>. (In Russ.)

11. Trofimova I. N. (2017) Structure and dynamics of institutional trust in modern Russian society *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research]. No. 5: 68–75. (In Russ.)

12. Homans J. K. Social behavior: its elementary forms. – URL: <https://talant55.irooo.ru/images/%D0%A7%D0%93%D0%9A/%D0%9B%D0%B5%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F/%D0%A5%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%81.pdf>. (In Russ.)

13. Shamarova G. M. (2021) Interaction of local governments with the population: domestic and foreign experience *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Samara State University of Economics]. No. 8 (202): 29–37. Doi:10.46554/1993-0453-2021-8-202-29-37. (In Russ.)

14. Sztompka P. (2012) Trust is the basis of society. М. : Logos. 445 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.02.2023; одобрена после рецензирования 17.02.2023; принята к публикации 21.02.2023.

The article was submitted 02.02.2023; approved after reviewing 17.02.2023; accepted for publication 21.02.2023.

Информация об авторе

М. А. Буланова – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

M. A. Bulanova – Candidate of Sociology, associate professor, the chair of management and public administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА.

Научная статья

УДК 316.442

doi:10.22394/1818-4049-2023-102-1-125-133

Формирование адаптивных стратегий населения по борьбе с бедностью в условиях неопределенности (социологический анализ)

Ирина Владимировна Шугаева

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия,

irina.shugaeva.74@mail.ru

Аннотация. Проблема современного российского общества, которая становится неотъемлемой частью повседневности, состоит в принятии положения о том, что неопределенность социально-экономических процессов диктует формирование новых общественных систем и изучение механизмов адаптивных стратегий населения. Для комфортного существования (адаптации) необходимо взаимодействие субъектов общества с микро- и макросредой, которая анализирует показатели устойчивого состояния внешних и внутренних факторов в реализации поставленных целей. Исследование различных адаптационных подходов в условиях неопределенности приобретает особую актуальность. Цель данной статьи заключается в исследовании различных типов адаптивных стратегий населения по борьбе с бедностью в условиях неопределенности, поскольку она представляет собой важный ресурс для преодоления материальных трудностей. На основе изучения публикаций российских и зарубежных социологов и анализа официальных статистических данных в статье показаны основные тенденции по борьбе с бедностью и выбором адаптационных стратегий на основе имеющихся ресурсов населения Хабаровского края. Особое внимание в статье уделено субъективным оценкам респондентов своего материального положения. Проведение сравнительной оценки на основе материальных ресурсов населения выявило важные направления в принятии активных адаптационных стратегий в борьбе с бедностью и показало, что, во-первых, распространение в обществе данных стратегий приводит к улучшению материального благосостояния и возможности дальнейшего социального роста. Во-вторых, низкий уровень адаптированности и применения более пассивных стратегий в условиях неопределенности будет снижать уровень благосостояния населения. Адаптированность в современных условиях позволяет проявлять наиболее гибкие формы поведенческой стратегии, при условии активной жизненной позиции. Применение нескольких типов стратегий (пассивной и активной) позволяет успешно преодолеть состояние бедности в условиях неопределенности, а также повысить уровень материального благосостояния.

Ключевые слова: бедность, неопределенность, ресурсы адаптации, стратегии бедных, адаптационная модель поведения, уровень бедности

Для цитирования: Шугаева И. В. Формирование адаптивных стратегий населения по борьбе с бедностью в условиях неопределенности (социологический анализ) // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 1 (102). С. 125–133. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-125-133>

Formation of adaptive strategies of population to combat poverty in the conditions of uncertainty (sociological analysis)

Irina V. Shugaeva

The Pacific State University, Khabarovsk, Russia,
irina.shugaeva.74@mail.ru

Abstract. *The problem of modern Russian society is to accept the position that uncertainty of the socio-economic processes dictates the formation of new social systems and the study of the mechanisms of adaptive strategies of the population, which becomes an integral part of everyday life. For a comfortable existence (adaptation), it is necessary to interact with the subjects of society with the micro and macro environment, which analyzes the indicators of the sustainable state of external and internal factors in the implementation of the goals and further development of individual strategies to combat poverty. The study of various adaptation approaches under conditions of uncertainty is of particular relevance. The purpose of this article was to study different types of adaptive strategies of population to combat poverty in the face of uncertainty, since it is an important resource for the overcoming material difficulties. Based on the study of publications of the Russian and foreign sociologists and the analysis of official statistics, the article shows the main trends in the fight against poverty and the choice of adaptation strategies based on the available resources of the population of the Khabarovsk territory. Particular attention in the article is given to the subjective assessments of respondents about their financial situation. Comparative assessment based on the material resources of population revealed important directions in the adoption of active adaptation strategies in the fight against poverty and showed that, firstly, dissemination of these strategies in the society leads to improvement in the material well-being and possibility of the further social growth. Secondly, low level of adaptation and use of the more passive strategies in the face of uncertainty will reduce the level of well-being of the population. Adaptation in the modern conditions allows show the most flexible forms of behavioral strategy, subject to the active life position. The use of several types of strategies (passive and active) makes it possible to successfully overcome the state of poverty in the face of uncertainty, as well as to increase the level of material well-being.*

Keywords: *poverty, uncertainty, adaptation resources, strategies of the poor, adaptive behavior model, poverty level*

For citation: Shugaeva I. V. Formation of adaptive strategies of population to combat poverty in the conditions of uncertainty (sociological analysis) // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 1 (102). Pp. 125–133. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-125-133>

Введение

Угроза возникновения социально-экономического кризиса диктует обществу специфику формирования и приспособления к новым реалиям жизни. Неопределенность развития социальных процессов в мире и общественных системах становится неотъемлемой частью повседневности человека. В современном обществе особую актуальность приобретает специфика адаптивных стратегий поведения населения по борьбе с бедно-

стью. В условиях модернизации российского общества успешный адаптационный ресурс будет выступать основным фактором взаимодействия личности с макро- и микросредой и отвечать возможностям социального развития для достижения материального благосостояния индивида в условиях неопределенности.

По мнению многих российских и зарубежных исследователей, успешная социальная адаптация населения в условиях неопределенности является главным вы-

ходом из состояния бедности, поскольку применение различных социально-экономических моделей поведения для достижения благополучного и безопасно-го, а также комфортного самочувствия и будет представлять собой главный ресурс адаптации.

Главные условия национальной безопасности страны и его приоритетным направлением являются снижение уровня бедности в два раза (до 6–7%) и повышение уровня и качества жизни населения. Для реализации данного направления Президентом РФ был подписан Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹, а также в 21.06.2020 г. в целях прорывного развития страны Президентом РФ подписан «Указ о национальных целях развития России на период до 2030 года»². По итогам данных Росстата за 2021 г., за чертой бедности в России находились 16,1 млн россиян, это сопоставимо с 11% населения³, эксперты связывают это в первую очередь с происходящей во всем мире и непосредственно в нашей стране пандемией COVID-19 и резким скачком цен на энергоносители, которые негативно отразились на реальных доходах граждан, что в свою очередь непосредственно привело к росту уровня бедности.

С точки зрения автора данной статьи, исследования, проводимые Росстатом, а также отдельно взятые подходы измерения бедности (абсолютный, относительный и субъективный) могут давать неоднозначные результаты. Критерием абсолютной бедности может служить черта прожиточного минимума (черта бедности). Относительная бедность рассматривается исходя из фиксированной доли среднего дохода, т. е. 50–60% от медианы. В данном случае, бедным будет считаться то население, чьи доходы будут ниже медианного среднего дохода. Субъективный подход рассматривает

мнение конкретного индивида об материальном состоянии (доходе) исходя из его собственных суждений. Применение данной концепции основывается на экспертном или социологическом опросе субъектов. По мнению О. Н. Воронковой [Воронкова, 2007. С. 147], главный вектор в изучении бедности целесообразно рассмотреть в пяти подходах, представленных в таблице 1.

Исходя из этого, целесообразным будет применение комбинированных трех методик исследования бедности как таковой, а также рассмотрение новых моделей адаптивных стратегий социального поведения индивида, основанных на рационализации индивидуальных и общественных потребностей [Авраамова, Логинов, 2018. С. 74].

Социологический анализ исследования бедности и выбор адаптивных стратегий населения в условиях неопределенности

В условиях неустойчивой экономической обстановки становится более трудным выстраивать модель адаптивной стратегии, поскольку возникающие материальные трудности напрямую зависят от макромасштабного снижения уровня жизни населения. Формирование адаптивных стратегий происходит по различным формам поведения, действий и поступков.

Большинство специалистов передают особую значимость социальной адаптации в условиях неопределенности. По мнению исследователей Козырева П. М., Назимова А. С., Смирнова А. А., делается акцент на значимость социально-экономической адаптации, «ведущее положение социально-экономической адаптации определяется сферой трудовой деятельности, посредством которой и происходит реализация основных функций повседневности, а именно жизнеобеспечения» [Козырева, Низамова, Смирнов, 2013. С. 328]. Необходимо также

¹ Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» от 07.05.2018 г. № 204. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>

² Указ о национальных целях развития РФ до 2030 года от 21.07.2020 г. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728>

³ Федеральная служба государственной статистики: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/1456>

Таблица 1

Подходы к бедности

подход	определение	Единица анализа	Основные трудности в измерении
денежный	Бедность – недостаток в потреблении (или доходе) по отношению к некоторой черте бедности	Идеальный вариант – индивид, но на практике – домохозяйство	Необходимость привязки к внешней оценке эксперта
через возможности	Бедность – отсутствие функциональных возможностей, т.е. возможности долго жить, хорошо питаться, быть здоровым, грамотным, и ценность жизненного уровня заключается именно в самой жизни, а не в обладании товарами [Сен, 2004]	Индивид	Невозможность определить список возможностей для оценки из-за многоаспектности подхода
через социальную эксклюзию	Бедность – недостаток материальных средств и неспособность успешно участвовать в экономической, социальной и культурной жизни, а также по ряду характеристик отчуждение и дистанцирование от основного хода общественной жизни [Шмидт, 2010. С. 547–566]	Индивиды или группы, близкие друг другу в своих сообществах или обществе в целом	Проблемы с многомерностью и динамикой процессов в обществе
через участие бедных	Бедность – это множество проблем, которые не ограничиваются только низким доходом. Бедность – отсутствие основополагающей свободы действий и выбора, которые более обеспеченные люди принимают за естественную данность [Всемирный Банк, 2001; Narayan, Patel, Schafft, Rademacher, 2000]	Группы или индивиды в рамках этих групп	Как соизмеримы мнения людей? Насколько представительны взгляды
комплексный	Бедность – это не только недостаточный доход или потребление, но и недостаточный уровень здоровья, питания и образования, недостаток социальных связей, незащищенность, низкая самооценка и беспомощность [ОЭСР, 2001]	Домохозяйство или индивид	Все вышеперечисленное

Источник: составлено автором.

согласиться с точкой зрения Г. Гутмана, которая полноценно раскрывает концепцию адаптивной стратегии поведения населения в условиях неопределенности [Гутман, 2002].

Наиболее важным условием для форми-

рования полноценного общества является своевременная и эффективная социально-экономическая адаптация наиболее уязвимых слоев населения. Среднемесячный доход и его основные источники, а именно их соотношение, являются непо-

средственным материалом для анализа материально-адаптационных ресурсов населения и главным показателем экономического, социального и политического благосостояния общества. Но главная нерешенная проблема, которая ведет большую часть населения к лишению достойного образа жизни, заключается именно в избыточности социально-экономических неравенств, формируя тем самым разнообразие ее формы и проявления.

Население страны за последний период времени осуществила молниеносную трансформацию адаптивных стратегий в условиях неопределенности на основе старых социально-адаптационных стандартов. С позиции автора данной статьи, интересную точку зрения относительно данного понятия высказала Каримова Л.Ф., которая рассматривает адаптационные стратегии «как совокупность определенных ресурсов, предпочитаемых с той или иной целью для реализации адаптационного потенциала в конкретном обществе» [Каримова, 2015. С. 133–140]. Поскольку современное общество во все времена было и остается неоднородным по соци-

альным слоям и группам, то и адаптационные стратегии будут восприниматься в зависимости от той социальной иерархии, в которой находится индивид (рис. 1).

На сегодняшний день изменения политической и экономической ситуации в стране характеризуется крайней неустойчивостью, которая затрагивает без исключения все социальные слои общества, поэтому более обеспеченные слои населения активно используют различные виды адаптационных стратегий, что нельзя сказать о малообеспеченной прослойке общества.

В социологическом исследовании, проведенном автором в 2021 г., изучалась субъективная оценка респондентов своего материального положения в Хабаровском крае, так как в условиях неопределенности данный показатель является наиболее сфокусированным для адаптационных ресурсов населения. В исследовании было выделено две основные группы населения от 18 до 40 и от 41 до 65 лет в населенных пунктах: г. Хабаровск, г. Комсомольск-на-Амуре, г. Бикин⁴. Перспектива оказаться в строю

Рис. 1. Стратификационная структура современного российского общества

⁴ Социологическое исследование «Формирование адаптационных стратегий населения по борьбе с бедностью в условиях неопределенности». Ген. совокупность – население Хабаровского края от 18 до 65 лет. Тип выборочной совокупности – квотный в разрезе двух характеристик (пол и возраст), случайный на этапе отбора респондентов, n= 680. Доверительный интервал – 95%. Научный руководитель – Щугаева И. В., 2021 г.

«бедных» на сегодняшний день становится более чем реалистичной картиной, но формирование взглядов на данную ситуацию у выделенных групп в соцопросе оказалось различным. Поэтому автор перед собой ставит три главных задачи, а именно определить:

как население реагирует на текущее состояние жизни в условиях неопределенности;

изменение в поведении потребления в условиях неопределенности;

какие адаптационные стратегии предпочитает население в условиях неопределенности по борьбе с бедностью.

В условиях социально-экономической нестабильности большинство россиян живет в условиях неопределенности, и связано это именно с проблемой снижения уровня дохода, которая влечет за собой «скатывание» в бедность. Исходя из трех критериев (высокий, средний, низкий), автор предложил респондентам дать свою оценку материального положения и его удовлетворенности (табл. 2).

Как показывают исследования, основным источником дохода для населения является заработная плата по основному месту работы, дополняют пенсии, приработки и т. д. В ходе исследования, группа респондентов, которые «материальных проблем не испытывают» составила около 54,8%, они оценили свой доход как «высокий». Респонденты со средним доходом оценивают свое материальное благосостояние как «выше среднего» – 66,4%, что

нельзя сказать о респондентах, чей доход был оценен как «низкий», и это соответствует показателю – 45,5% и 54,1%. Исходя из этого, видно, что большая часть респондентов считает, что материальное положение в целом не изменится.

Необходимо сделать акцент на том, что в современном российском обществе первостепенной задачей в борьбе с бедностью – это решение о повышении минимального размера заработной платы по основному месту работы. В соответствии с Федеральным законом, принятым Государственной Думой от 07.12.2022 № 522-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» с 1 января 2022 г. федеральный МРОТ составляет 16 242 руб.⁵ В свою очередь, все субъекты РФ имеют право устанавливать региональный МРОТ выше федерального, в Хабаровском крае МРОТ составил 12 792 руб.⁶ Данный установленный размер МРОТ не улучшает материального положения и остается для населения низким показателем, тем самым несет негативный настрой.

Одним из важнейших составляющих аспектов и оценки восприятия жизни является непосредственное удовлетворение потребностей, связанных с повседневной жизнью. На первое место выходит потребительская стратегия. Респондентам предлагалось ответить по трехбалльной шкале (буду экономить; буду незначительно экономить; не буду экономить) в зависимости от своего материального

Таблица 2

Оценка респондентов своего материального дохода, в %

№п.п	Группа респондентов (материальное благосостояние)	Шкала оценки		
		высокий	средний	низкий
1	Материальных проблем нет	54,8	38,4	6,8
2	Иногда возникают материальные трудности	31,2	66,4	2,4
3	Приходится экономить (самое необходимое)	12,2	42,3	45,5
4	Не хватает на самое необходимое	6,2	39,7	54,1

Источник: составлено автором на основе социологического исследования «Формирование адаптационных стратегии населения по борьбе с бедностью в условиях неопределенности», 2021

⁵ «Федеральный закон о минимальном размере оплаты труда» от 07.12.2022 г. № 522-ФЗ <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212190009?index=0&rangeSize=1>

⁶ Минимальный размер оплаты труда в Российской Федерации https://www.nalog.gov.ru/m27/news/activities_fts/10925836/

положения на вопрос о потреблении товаров и услуг в условиях неопределенности. Наблюдалось большое расхождение между группами. Респонденты, у которых сложные материальные трудности группа (№3 и №4) составляет 54,9% и 45,1% – постоянное ограничение расходов на товары и услуги. По оценкам респондентов, в группах (№1 и №2) наблюдалась совсем противоположенная картина, показатель составлял по данным группам – 72,4% и 27,6%, т. е. не наблюдалось особых ограничений в приобретении товаров. В своем большинстве многие респонденты на себе почувствовали изменение своего финансового состояния.

Нельзя не отметить, что сложный экономический период заставляет респондентов принимать активные действия по улучшению своего социального, материального благосостояния. От выбранной рациональной адаптивной стратегии, от индивидуального ресурса зависит снижение и преодоление бедности (рис. 2).

Формирование адаптивных стратегий во многом зависит, по мнению респондентов, от двух факторов, а именно «от внешних обстоятельств» и «от его собственных усилий». Респонденты, чей возраст составил до 40 лет, имеют более конкретную жизненную позицию по отношению к материальному благополучию и считают, что от собственных усилий зависит самооценка своего положения в обществе и данный показатель в этой груп-

пе составил 78,8% и 70,6%. Респонденты данной группы настроены на решительные действия, с помощью дополнительного заработка и активных действий повышают свое финансовое благополучие, т. е. готовы применять активные стратегии и не попасть в структуру бедных. Более старшее поколение респондентов (после 40 лет) сформировало негативные взгляды, что соответствует пассивной стратегии (62,1% и 77,5%). В данной группе респондентов наблюдается весомый пессимизм, т. к. не прилагаются усилия, чтобы выйти из категории «бедных» (рис. 3).

Активные и пассивные стратегии среди респондентов в условиях неопределенности занимают различные позиции, которые формируют пессимистическое и оптимистическое настроение в обществе. Стыдно быть бедным или нет, вопрос сегодня для всего общества более чем актуален, так как уровень и качество жизни населения во многом зависит от материального достатка человека. Респонденты, придерживающиеся активной жизненной позиции (78,8%), заявляют, что бедным быть стыдно, необходимо прилагать усилия для изменения своего положения в обществе.

Выводы. Результат исследования – доказано необходимость формирования адаптивных стратегий у населения для повышения своего благосостояния и способов реализации данных стратегий в обществе. Социально-экономические

По вашему мнению, от чего зависит материальное благополучие человека?

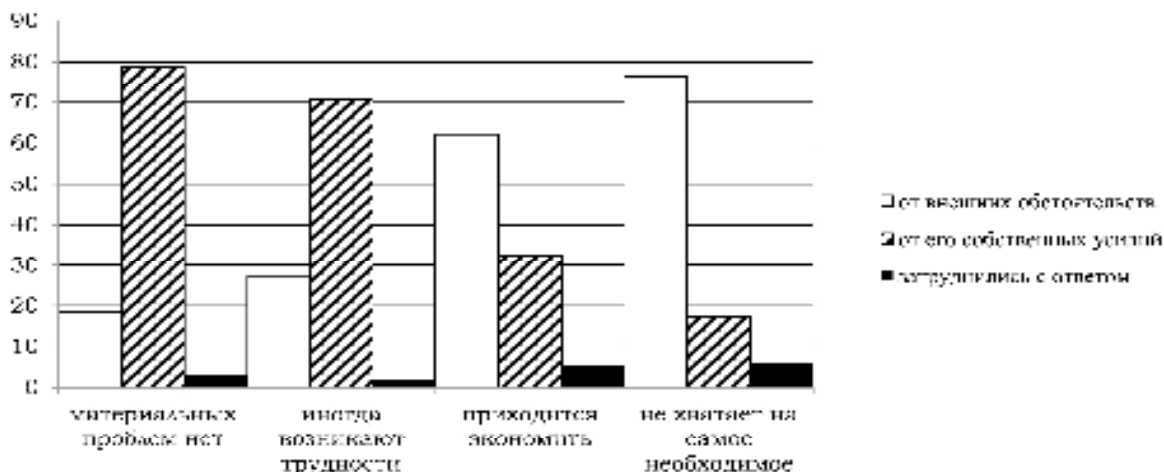

Рис. 2. Показатели материального благополучия человека

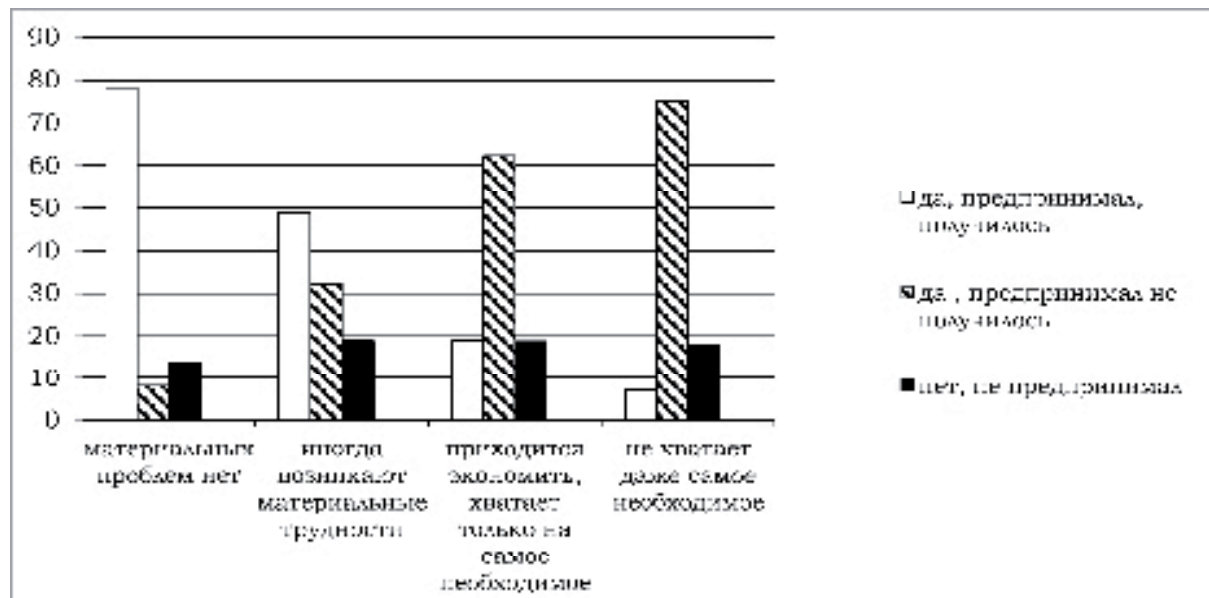

Рис. 3. Формирование различных действий респондентов для улучшения материального положения в условиях неопределенности.

условия в обществе диктуют жесткие направления по выработке стратегий. Как показало исследование, от возможности и желания индивида определяется успех его дальнейшей жизни. По мнению автора, в условиях трансформации общества главное условие по борьбе с бедностью, – активная адаптационная стратегия на базе индивидуальных ресурсов каждого человека. Имеющиеся ресурсы способствуют улучшению материального благосостояния индивида и определяют комплекс активных мер по борьбе с бедностью в условиях неопре-

деленности.

В данном исследовании респонденты демонстрировали различные адаптационные стратегии с учетом своего материального положения, которые являются сегодня главным фактором и стабильным показателем для удовлетворения различных потребностей. Необходимо сказать, что возраст респондентов, их жизненная позиция будет ключевым фактором в выборе стратегий, направленных на борьбу с бедностью, поскольку активная позиция гарантирует быстрое преодоление материальных трудностей.

Список источников:

1. Авраамова Е. М., Логинов Д. М. Адаптационные стратегии населения // Экономическое развитие России. 2018. Т. 25. № 3. С. 74–76.
2. Воронкова О.В. Подходы к определению и измерению бедности // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5. № 3. С. 147–154.
3. Гутман Г., Дигилина О., Старостин В., Чукин Н. Экономический рост и проблемы бедности в регионе. М.: Дашков и КО, 2002. 204 с.
4. Доклад о мировом развитии 2000/2001 года. Наступление на бедность. М.: Весь мир, Всемирный Банк, 2001.
5. Каримова Л.Ф. Адаптационные стратегии бедного населения в современном российском обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 1 (33). С. 133–140.
6. Козырева П.М., Низимова А.Э., Смирнов А.И., Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России. М.: Новый хронограф, 2013. – 328 с.
7. Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое изд-во : Либер. миссия, 2004 – 430 с.
8. Шмидт В.Р. Междисциплинарный подход к проблеме социальной эксклюзии

// Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 4. С. 547–566.

9. Narayan D., Patel R., Schafft K., Rademacher A., Koch-Schulte S. Voices of the poor: Can anyone hear us? https://changingminds.org/explanations/needs/narayan_voices_poor.htm

10. DAC Guidelines Poverty Reduction. International Development // https://books.google.ru/books?id=oNy9LZvOqDoC&redir_esc=y

References:

1. Avraamova E. M., Loginov D. M. (2018) Adaptation strategies of the population *Ekonomicheskoye razvitiye* [Economic development of Russia]. 2018. Vol. 25. No. 3: 74–76. (In Russ.)

2. Voronkova O. V. (2007) Approaches to the definition and measurement of poverty *Ekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Economic Bulletin of the Rostov State University]. 2007. Vol. 5. No. 3: 147–154.

3. Gutman G., Digilina O., Starostin V., Chukin N. (2002) Economic growth and problems of poverty in the region. M. : Dashkov i KO. 204 p. (In Russ.)

4. World Development Report 2000/2001. Attack on poverty. M.: All world, World Bank, 2001. (In Russ.)

5. Karimova L. F. (2015) Adaptation Strategies of the Poor Population in Modern Russian Society *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki* [Izvestia of Higher Educational Institutions. Volga region. Social Sciences]. No. 1 (33): 133–140. (In Russ.)

6. Kozyreva P. M., Nizimova A. E., Smirnov A. I. (2013) Resources and practices of social and economic adaptation of the population of Russia. M.: New Chronograph. 328 p. (In Russ.)

7. Sen A. (2004) Development as freedom. M.: New publishing house: Liber. Mission. 430 p. (In Russ.)

8. Schmidt V. R. Interdisciplinary Approach to the Problem of Social Exclusion *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Research]. 2004. V. 2. No. 4: 547–566. (In Russ.)

9. Narayan D., Patel R., Schafft K., Rademacher A., Koch-Schulte S. Voices of the poor: Can anyone hear us? https://changingminds.org/explanations/needs/narayan_voices_poor.htm

10. DAC Guidelines Poverty Reduction. International Development // https://books.google.ru/books?id=oNy9LZvOqDoC&redir_esc=y

Статья поступила в редакцию 25.01.2023; одобрена после рецензирования 08.02.2023; принята к публикации 10.02.2023.

The article was submitted 25.01.2023; approved after reviewing 08.02.2023; accepted for publication 10.02.2023.

Информация об авторе

И. В. Шугаева – кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, Тихоокеанский государственный университет.

Information about the author

I. V. Shugaeva – Candidate of Sociology, Associate Professor, the economic theory and national economics chair, the Pacific State University.

ПРЕДСТАВЛЯЮ К ЗАЩИТЕ

Научная статья

УДК 316.344.24(571.62)

doi:10.22394/1818-4049-2023-102-1-134-146

Субъективные представления о престиже профессии у школьников Хабаровского края: социологический анализ

Петр Эдуардович Перепечай

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
perepetchay-pe@ranepa.ru

Аннотация. В статье представлены основные методологические подходы к анализу престижа профессий как к одному из критериев социальной стратификации общества и его профессиональной дифференциации. На основе методологии его стратификационного измерения и результатов эмпирических социологических исследований школьников 8–11 классов Хабаровского края проанализированы их коллективные представления о феномене престижа профессий и его обусловленности объективными условиями рынка труда, его влияния на профессии субъективными мнениями, ценностными ориентациями и мотивами выбора престижной профессии, ролью заработной платы, родителей, учителей, средств массовой информации и Интернета, намерениями получения специальностей в организациях среднего и высшего образования края и за его пределами. Обозначены представления учащихся школ о престижности профессий и их взаимосвязи с экономическими и социальными процессами в современной России. Сделаны выводы по изменению процесса профессиональной ориентации в направлении создания условий для осознанного выбора учащимися специальностей (профессий) исходя из их личной заинтересованности в той или иной профессии.

Ключевые слова: престиж профессий, социологические исследования, учащиеся школ, выбор профессии, организации среднего и высшего образования, рынок труда, Хабаровский край

Для цитирования: Перепечай П. Э. Субъективные представления о престиже профессии у школьников Хабаровского края: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 1 (102). С. 134–146. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-134-146>

Subjective ideas about the prestige of profession among schoolchildren of the Khabarovsk territory: sociological analysis

Peter E. Perepetchay

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa, Khabarovsk, Russia
perepetchay-pe@ranepa.ru

Abstract. This article presents the main methodological approaches to the analysis of the prestige of professions, as one of the criteria for social stratification of the society and

its professional differentiation. Based on methodology of the stratification measurement and the results of empirical sociological studies of schoolchildren of the 8–11 grades of the Khabarovsk territory, their collective ideas about phenomenon of the prestige of professions, its conditionality by the objective conditions of the labor market and its influence on professions are analyzed. There are also the analyzed subjective opinions, value orientations and motives for choosing prestigious profession, the role of wages, parents, teachers, the media and the Internet, the intentions of obtaining specialties in organizations of the secondary and higher education in the region and beyond. The ideas of school students about the prestige of professions and their relationship with the economic and social processes in modern Russia are outlined. Conclusions are drawn on changing the process of vocational guidance in the direction of creating the conditions for students to make a conscious choice of specialties (professions) based on their personal interests in particular professions.

Keywords: *prestige of professions, sociological research, school students, choice of profession, organizations of secondary and higher education, labor market, the Khabarovsk territory*

For citation: Perepechay P. E. Subjective ideas about the prestige of profession among schoolchildren of the Khabarovsk territory: sociological analysis // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 1 (102). Pp. 134–146. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-134-146>

Введение

Вопросы осознанного профориентационного выбора престижной профессии учащейся молодежью обусловлены, с одной стороны, высокой динамичностью социально-экономических процессов в современном обществе, постоянно трансформирующих его социально-профессиональную структуру. С другой – потребностями личностного и профессионального самоопределения молодежи, ориентированного на успешность развития в процессе взросления.

Субъективные индикаторы престижности профессий в представлениях школьников могут варьироваться в зависимости от многих факторов, таких как культурные, социальные, экономические и личностные. Некоторые общие факторы включают в себя необходимый уровень образования для работы в той или иной профессии, уровень заработной платы, влияние на общество, сложность и ответственность работы, индивидуальные предпочтения человека и его интересы. Кроме того, многие факторы, такие как статус и престиж родителей, медийные образы, социальные стереотипы и традиции, также могут влиять на восприятие престижности профессии среди школьников. В целом,

восприятие престижности профессии может быть сильно субъективным и зависеть от индивидуальных мнений и представлений о том, что является важным и ценным в жизни.

Одной из основных проблем организации процесса профориентации в наши дни является то, что субъективные представления школьников о профессиональном выборе и субъективные индикаторы престижности профессий могут не всегда соответствовать реальному состоянию профессий на рынке труда. Это может создавать противоречия, которые оказывают негативное влияние на профессиональный выбор школьников. Например, субъективные представления школьников могут указывать на высокую престижность профессий, которые на самом деле не востребованы на рынке труда в Хабаровском крае. Это может привести к ситуации, когда школьник выбирает профессию, которая не обеспечивает стабильную карьеру и большую вариативность для трудоустройства. С другой стороны, некоторые профессии, которые реально востребованы на рынке труда в регионе, могут быть недооценены школьниками из-за отсутствия престижности, низкого уровня заработной платы или неверных

представлений о них. Возможны ситуации, когда на рынке труда из-за быстро меняющейся экономической ситуации некоторые профессии, которые ранее были востребованы, утрачивают спрос и, наоборот, появляются новые профессии, которые рождены потребностями нового технологического этапа общественного развития.

В этих условиях несоответствие субъективных представлений школьников о своем профессиональном выборе и реальной востребованности профессий на рынке труда может привести к дефициту кадров в различных сферах экономики и социальной сферы и замедлению их развития; безработице и неполному использованию рабочей силы при выборе и получении ими невостребованных специальностей; низкой производительности труда и удовлетворенности работой, не соответствующей их интересам и способностям.

В целях того, чтобы преодолевать противоречия между субъективными представлениями школьников о своем профессиональном выборе и реальным состоянием профессий на рынке труда, рассмотрим в рамках данной статьи методологические подходы и эмпирические результаты социологических исследований о престиже профессий как феномена общественного сознания.

Косилова (Федорищева) и др., 2019. С. 76–92.] В настоящей статье с учетом вышеизложенных нерешенных вопросов и обозначения имеющегося проблемного поля поставлена следующая цель: сформулировать принципиальный концепт алгоритма, детерминирующего формирование здоровьесберегающего поведения студентов медицинского университета.

Методология и методы исследования

В общественной науке нет однозначного определения термина «престиж», которое в переводе с французского (*prestige*) означает обаяние, очарование, а с латинского (*praestigium*) – это иллю-

зия, обман чувств, надувательство¹. В социологии престиж интерпретируется как «отрицательная или положительная оценка индивидуальных качеств или эффективности и как синоним статуса в системе социальной стратификации»².

Престиж – это своего рода критерий, который определяет высокое социальное положение, значимость, привлекательность того, что имеет высокую оценку и по достоинству вознаграждается обществом. Исследования престижа профессии социологами начались в начале XX в. как в рамках американской, так и европейской традиций. Так, в работе американского социолога Д. Треймана «Престиж профессии в сравнительном ракурсе» престиж профессий рассматривается в рамках концепций социальной стратификации как результат социально-экономических условий. Исходными положениями в теории Треймана в объяснении престижа тех или иных профессий являются положения о примерно одинаково исследованных им обществах разделения труда, на основе которых складываются различные степени власти и привилегии для тех, кто в любом обществе обладает властью. Как следствие, «поскольку власть и привилегии всюду ценятся, то и связанные с ними профессии считаются престижными»³.

Питирим Сорокин связывал престиж со статусным распределением индивидов и их профессиональной стратификацией [Сорокин, 1992. С. 276–292], исходя из трёх факторов: общественное значение работы, уровень образования и квалификации, материальное вознаграждение. Профессии, согласно Сорокину, сочетающие в себе все три фактора, считаются наиболее престижными. Например, профессии врача, учителя и инженера считаются высокопрестижными, так как они важны для общества, требуют высокой квалификации, образования и обеспечивают высокий уровень дохода.

Мангейм К., один из ведущих социологов XX века, считал, что общество

¹ Латинский словарь. URL: <https://latin.slovaronline.com/search?s=%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B6>

² Большой социологический словарь. URL: <https://rus-big-soc-dict.slovaronline.com/1336%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B6>

³ Четыре пункта теории Треймана. URL: https://studopedia.ru/6_90239_chetire-punkta-teorii-treymana.html

стратифицировано по профессиональной принадлежности, то есть люди занимают разные профессии и имеют разный социальный статус в зависимости от того, какую профессию они выбрали [Мангейм, 2010].

Отечественные исследователи определяют престиж профессий как «значимость, авторитет, уважение, влияние, которыми наделяются в обществе различные виды деятельности (профессии)» [Лукашова, 2009]. При этом престиж профессии определяется на основании сложившейся системы ценностей и является феноменом общественного сознания, в котором отражается существующая в обществе иерархия профессий. Последняя выстраивается в результате оценки имеющихся различий в степени сложности и важности разных видов трудовой деятельности, необходимого для их осуществления уровня образования, ответственности, величины оплаты труда и т. д.

Отечественные исследования в большей степени актуализированы на исследования престижа профессий у молодежи в контексте ее профессиональной ориентации и выбора стратегии жизненного самоопределения. При этом субъективные представления о профессии, сформированные в процессе обучения в школе, оказывают сильное влияние на выбор дальнейшего профессионального обучения молодежи в высших или средних образовательных организациях.

Престиж профессии, отраженный в субъективных представлениях учащейся молодежи, воздействует на ее профессиональную мобильность (миграцию), мотивируя выбор образовательных организаций за пределами своего региона. При этом, как отмечали Бергер П., Лукман Т., «субъективные значения становятся объективной фактичностью» и конструируется субъективная реальность. Образ профессии или ее имидж, формируемый в массовом сознании и базирующийся на мнении отдельных людей и целых социальных групп о значимости разных видов профессиональной деятельности, конструирует престиж отдельных профессий с учетом объективных социально-экономических оснований. В процессе объективации субъек-

тивных процессов (и смыслов) конструируется интерсубъективный повседневный мир отдельных профессиональных групп. [Бергер, Лукман, 1995]. Престиж профессии влияет на самооценку человека и его мотивацию к профессиональному развитию [Freidson, 1986].

Социологическое измерение престижности профессий осуществляется методом опроса посредством шкал, в которых респонденты соотносят социальную значимость или привлекательность различных профессий и выстраивают их относительно друг друга. Эти шкалы обладают относительной устойчивостью. Как отмечает Руднев М. Г. в своем анализе методологии и основных результатов исследований престижа профессий в зарубежной социологии «классическая» традиция измерения престижа профессий продолжает свое развитие, и шкала Треймана применяется как одно из наиболее проверенных и удобных средств идентификации положения респондентов в социальной иерархии [Руднев, 2008. С. 217–238].

Таким образом, методологические исследования профориентационной деятельности и престижности профессий указывают на существующие проблемы и точки роста, на основе которых должна строиться работа по трансформации данного процесса с учетом современных реалий.

Обсуждение темы

В российских и зарубежных научных источниках проблемы выбора профессии и определения ее престижности обсуждаются как одни из ключевых вопросов в сфере образования и трудоустройства молодых людей. Отмечается, что многие выпускники школ сталкиваются с трудностями при выборе профессии, так как не всегда имеют ясное представление о своих интересах и способностях. Оценивается важность ранней профориентации и содействия в выборе профессии со стороны семьи, школы и вуза [Суховеева, 2018].

Российские исследователи акцентируют внимание на том, что выбор профессии может быть связан с таким социально-экономическим фактором как уровень доходов по престижным профессиям. Молодые люди часто выби-

рают профессии с высокой зарплатой, не учитывая свои интересы и способности для профессиональной деятельности [Кравченко, 2020].

Престижность профессий в различных странах, в том числе в России, представляет интерес для молодых людей и может влиять на их выбор для ее получения в престижной организации. Однако авторы научных публикаций [Иудин, Ситников, Тютнев, 2020] отмечают, что существует разрыв между реальной значимостью профессии для общества и ее восприятием в обществе. Например, профессии в области образования и здравоохранения, несмотря на их важность для общества, не всегда считаются престижными. При этом подчеркивается, что в настоящее время в России происходит изменение восприятия престижности профессий, растет влияние культуры стартапов, где молодые люди могут создать свою компанию, чтобы стать успешными предпринимателями. Это может снизить интерес к традиционным профессиям, имеющим высокую общественную значимость, но недостаточно вознаграждаемым [Раева, 2021]. Исследователи отмечают, что престижность профессий может быть связана с уровнем доходов. При этом профессии, связанные с высокими доходами, считаются более престижными, чем профессии с низкими доходами [Залецкая, 2016].

В научных публикациях отмечается, что престижность профессии может иметь важное значение для молодых людей при выборе карьеры, влиять на их удовлетворенность работой и ее продуктивность [Коваленко, 2013]

Таким образом, проблема престижа профессий и профориентационного выбора школьниками представлена в российском научном дискурсе. В большинстве материалов авторы приходят к выводу, что основные проблемы выбора профессии связаны с недостаточ-

ным информированием о возможностях профессионального развития, недостаточной профориентацией, а также социально-экономическими факторами. Анализ содержательных аспектов, представленных в научных источниках, свидетельствует, что престижность профессий, как осознанный и рациональный выбор, является важным фактором, определяющим реализацию карьерных устремлений, удовлетворенность работой, здоровье и общественное благополучие работников.

Результаты исследования

В рамках социологического исследования представлений школьников Хабаровского края⁴ изучались социальные индикаторы их отношения к учебе, выбору профессий, ценностей и профессиональных ориентации на получение профессионального образования и связанных с ними миграционных намерений. Предполагалось, что они коррелируют с самоопределением учащихся школ и влияют на выбор ими престижных профессий. Результаты опроса показали, что сформированные в их коллективном сознании смыслы и образы престижа профессии от половины до трех четвертых опрошенных связывают, прежде всего, с запросами на высокий уровень оплаты труда (74,9%), востребованностью на рынке труда – 63,3%, возможностью построения карьеры – 52,8% и комфортными условиями деятельности – 47,1%. В меньшей мере школьники считают, что престиж профессии определяется уважением и доверием к профессии со стороны общества – 39,9% и значимостью профессии для общества, края, города – 39,9%. Распределение этих субъективных индикаторов свидетельствует о доминировании в общественном сознании школьников выраженных индивидуалистических прагматичных рыночных смыслов на фоне приниженности общественно-значимых представлений о престижности профессии

⁴ Социологический опрос «Отношение школьников Хабаровского края к обучению», проведенный в 2022 г. социологами Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС и специалистами Хабаровского краевого института развития образования под научным руководством канд. социол. наук, доцента Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС Ю. В. Березутского. Был использован метод репрезентативного социологического опроса. Объектом исследования являлись школьники 8–11 классов всех 19 муниципальных образований Хабаровского края. Объем выборки составил 6649 школьников.

как характеристики статуса в структуре профессиональной дифференциации общества. Заметим, что такие ответы по большинству позиций единодушно дали как школьники, определившиеся с профессией, так и не определившиеся. Незначительные отличия выявлены в определении престижа профессии по признаку «значимостью профессии для общества, края, города» определившихся с профессией (42,0%) и не определившихся (37,2%) школьников.

При этом только третья часть школьников региона при определении престижной профессии выделяет «интерес-

ное содержание деятельности» (35,5%), каждый второй – «возможность для творчества» (21,1%) и «самостоятельность в действиях» – 22,4%. «Доступность к власти» как индикатор престижа профессии определяют только шестая часть опрошенных школьников (16,7%) (табл. 1).

Хотелось бы отметить, что внимание школьников к заработной плате во многом оправдано, так как деньги – основной регулятор товарно-денежных отношений в рыночной экономике. Это подтверждает и определение ими заработной платы как решающего фактора при выборе места работы (табл. 2).

Таблица 1

Ранжирование ответов на вопрос: «Чем, на Ваш взгляд, определяется сегодня престиж профессии?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
1. Высоким уровнем оплаты труда	74,9
2. Востребованностью на рынке труда	63,3
3. Возможностью построения карьеры	52,8
4. Комфортные условия деятельности	47,1
5. Уважением и доверием к профессии со стороны общества	39,9
6. Значимостью профессии для общества, края, города	39,9
7. Интересным содержанием деятельности	35,5
8. Самостоятельностью в действиях	22,4
9. Возможностью для творчества	21,1
10. Доступностью к власти	16,7
11. Трудно сказать	5,6
12. Другое	1,0

Источник: составлено автором по результатам социологического опроса «Отношение школьников Хабаровского края к обучению», проведенного в 2022 г.⁴

Таблица 2

Ранжирование ответов на вопрос: «Что для Вас является решающим при выборе места работы?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
Большая зарплата	70,9
Интересная работа	53,4
Комфортные условия труда	51,8
Чтобы работа нравилась	50,3
Престижная организация	33,5
Близость к дому	18,0
Свободный режим работы	16,3
Возможность работать удаленно (дома)	15,5
Наличие социального пакета (место в детском саду, санаторно-курортное лечение, оплата больничного листа и т. п.)	12,9
Простая и легкая работа	10,1

Источник: составлено автором по результатам социологического опроса «Отношение школьников Хабаровского края к обучению», проведенного в 2022 г.⁴

Большая зарплата имеет первостепенное значение при выборе места работы для большинства опрошенных школьников. Для каждого второго опрошенного решающими факторами при выборе места работы служат «интересная работа» и «комфортные условия труда». Это указывает на то, что школьники в Хабаровском крае хотят заниматься работой, которая бы вдохновляла их и приносила удовольствие, не наносила бы вреда их здоровью и обеспечивала бы комфортные условия труда. При этом престижность организации имеет значение только для каждого третьего опрошенного. Возможными объяснениями таких ответов могут быть наличие в общественном мнении школьников стереотипов об отсутствии или недостаточности в крае тех организаций, которые демонстрируют престижность профессии своих работников. Учитывая, что свои дальнейшие действия после школы школьники связывают с организациями среднего и высшего образования, возможными доминантами их представлений могут быть критические оценки их престижности в крае и намерения найти ее в других регионах страны или за рубежом. Меньшее значение для школьников региона имеют такие факторы, как близость к дому, свободный режим работы, возможность работать удаленно и наличие социального пакета.

Отметим, что заработная плата в выборе профессии не может играть решающей роли, поскольку обычно оплачивается не профессия, а занимаемая работником должность. Высокодоходные рабочие места, как правило, ограничены в социально-профессиональной структуре общества, и их замещать может незначительная часть претендентов, что отражает высокую степень риска при выборе профессии по этому показателю престижности. Рассматривая фактор заработной платы, важно обращать внимание и на возможность карьерного роста. Для одних работ стартовая заработная плата может быть весьма высокой, но со временем она не будет повышаться, а

для других – она растет с годами.

При анализе самых высокооплачиваемых профессий в России на сегодняшний день обратим внимание на разницу в предлагаемой оплате по той или иной профессии⁵. Отметим, что большая часть профессий из рейтинга самых высокооплачиваемых представляет IT-сферу. Так, например, дата-сайентистам предлагают от 13 тыс. до 269 тыс. руб. Главный Go-разработчик может рассчитывать на зарплату от 40 тыс. до 460 тыс. руб. в месяц. В данном случае мы говорим о том, что даже обучившись и освоив определенную профессию, за которую обещают высокий уровень заработной платы, нужно учитывать, что уровень оплаты в каждой из профессий находится в определенном диапазоне. И эта еще одна ловушка, которая может поджидать школьников, которые, в первую очередь, ориентируются на уровень зарплаты при выборе профессии.

Отметим, что средний уровень заработной платы в Хабаровском крае на 2023 г. составляет 53 513 рублей, что значительно ниже того уровня заработной платы, которую обещают в сфере IT. Здесь необходимо учитывать фактор того, что высокий уровень заработной платы соответствует показателям зарплаты тех работников, которые трудоустроены и ведут свою профессиональную деятельность не в нашем регионе, а далеко за его пределами. В рейтинге по среднему уровню заработной платы Хабаровский край на сегодняшний день занимает 15 место, тогда как в той же самой Москве, которая занимает 3 место в данном рейтинге, люди в среднем получают 111 092 рублей, что уже ближе к тем цифрам, которые обещают соискателям работы в сфере IT. Ярким примером подобной разницы в уровне заработной платы представителей одной профессии в разных регионах страны является работа учителя. Если в Хабаровском крае на 2022 г. средняя зарплата учителя составляла 36 тысяч рублей, то в Ленинградской области учителя в 2022 г. получали в среднем 54 тысячи рублей. В Москве заработная плата учителей дер-

⁵ 10 самых высокооплачиваемых профессий в России. Кому, за что и сколько платят. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/62cd73679a7947299d884d94>

жится на уровне 125 тысяч рублей⁶. Следовательно, если высоко оцениваемые обществом социально-профессиональные статусы (престижные профессии) недостаточно вознаграждаются государством, то это ведет к рассогласованности позиций богатства, власти, престижа и негативным последствиям для социально-экономического благополучия общества.

Анализируя самые востребованные профессии на рынке труда на данный момент, мы видим определенное расхождение со списком самых высокооплачиваемых профессий. Так, по данным исследования сервиса «Работа.ру», в ходе которого были опрошены более 1 тыс. работодателей во всех регионах страны, работодатели определили, что самыми востребованными на рынке труда в 2023 г. являются специалисты рабочих профессий – это сварщики, токари, электрики и др. – 56% опрошенных. Половина опрошенных заявили о большом дефиците IT-специалистов (48%), каждый третий назвал профессию врача (33%) и столько же спрос на представителей так называемых массовых профессий (курьер, разнорабочий, продавец и т. п.). О высоком спросе на инженеров со-

общила третья часть респондентов (31%), по одной пятой отметили представителей бизнеса (21%), строителей (20%), младший медицинский персонал (19%). При этом незначительная часть отметили востребованность на рынке труда логистов и маркетологов (12%). Две трети опрошенных работодателей сообщили, что их компании испытывают дефицит квалифицированных специалистов (65%)⁷.

Как свидетельствуют данные опроса школьников Хабаровского края их представления о престижных профессиях расходятся с потребностями рынка труда в современном российском обществе (табл. 3)

В Хабаровском крае работодатели заявили более 23 тысяч вакансий. Спрос превышает предложение в ряде отраслей. Больше всего вакансий в сферах строительства, обрабатывающей промышленности, транспорта и связи, сельского и лесного хозяйства, здравоохранения и образования. Именно здесь спрос на сотрудников существенно превышает предложение. Работодатели готовы рассматривать кандидатов, в том числе без опыта работы. По числу свободных мест больше всего предложений по работе для монтаж-

Таблица 3

Мнения школьников Хабаровского края о престижных профессиях в современном российском обществе (в % от числа опрошенных. По методике опроса на открытый вопрос анкеты необходимо было самостоятельно написать три престижные профессии)

Профессии	%
1. Медицина	36,1
2. IT-специалист/программист	29,9
3. Юриспруденция	18,3
4. Силовые структуры	15,6
5. Образование	11,1
6. ИП	9,8
7. Техническая сфера	7,0
8. Инженер	7,0
9. Госслужба	6,3
10. Творческие специальности	5,7
11. Нет ответа на вопрос	16,8

Источник: составлено автором по результатам социологического опроса «Отношение школьников Хабаровского края к обучению», проведенного в 2022 г.⁴

⁶ Средняя зарплата московского учителя по итогам 2022 г. составляет 125 тысяч рублей. URL: <https://mel.fm/novosti/8275403-srednyaya-zarplata-moskovskogo-uchitelya-po-itogam-2022-goda-sostavlyayet-125-tysyach-rublej>

⁷ Работодатели назвали самые востребованные профессии на рынке труда в 2023 г. URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10978216>

ников, бетонщиков, слесарей, станочников, машинистов, электриков, водителей спецтехники, медсестер и воспитателей в детсады. Среди кандидатов с высшим образованием наиболее востребованы инженеры, геологи, химики, агрономы, программисты, экономисты, специалисты по закупкам, медики и педагоги.

Исходя из оценки школьниками выбора престижной профессии, мы приходим к выводам, что заработная плата или востребованность на рынке труда в большинстве случаев не удовлетворяют их в Хабаровском крае. Как следствие, это усложняет сделать осознанный выбор получения специальности в образовательных организациях края, удовлетворяющих их представлениям о престижности. Так, по результатам исследования только одна половина опрошенных школьников определилась с выбором профессии (53,0%), другая половина относит себя к неопределившимся (47%). При выборе будущей профессии большинство школьников опираются на своё мнение и декларируют свой его как самостоятельное решение (79,1%). В своем профориентационном выборе школьники в меньшей мере оценивают помощь от родителей (28,2%), СМИ и Интернета (15,6%), друзей и знакомых (10,2%), родственников (9,1%), учителей (6,6%), специалистов в профориентации (5,7%).

Это свидетельствует об определенном противоречии в сознании школьников,

которые, с одной стороны, полагаются на своё мнение при выборе будущей профессии, с другой – отмечают родителей и значимых других взрослых как главных помощников в данном процессе. Очевидно, что они вынуждены ориентироваться на жизненный опыт взрослых людей, так как своего у них еще нет. В этом случае ключевой ролевой моделью для них становятся родители, в особенности, если они работают в престижной организации. В проективном вопросе о том, кто им должен помогать в выборе профессии, запросы учащихся на всех участвующих в их профориентационном выборе существенно возрастают (табл. 4).

Результаты опроса школьников края указывают на то, что профессиональная ориентация на получение среднего профессионального образования (СПО) проявляется в большей степени, чем было несколько лет назад. Если раньше считалось, что колледж – для тех, кто не мог попасть в вуз сразу после школы, то в настоящее время ситуация изменилась. На начало 2021–2022 учебного года, по данным Высшей школы экономики (ВШЭ), количество студентов в учреждениях СПО по всей России составило 3,4 млн человек, что на 4% больше, чем в 2021 г.⁸

В 2016–2020 гг. были трудоустроены 80,5% выпускников колледжей, но на бирже труда в настоящее время размещено 260 тыс. вакансий, не требующих

Таблица 4

Ранжирование ответов на вопрос: «Кто (или что) на Ваш взгляд ДОЛЖЕН помогать в выборе будущей профессии школьникам?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
1. Родители	67,3
2. Профориентологи (специалисты в профориентации)	41,4
3. Учителя	28,7
4. СМИ, Интернет	26,6
5. Друзья, знакомые	20,9
6. Родственники	19,4
7. Другое (напишите)	10,9

Источник: составлено автором по результатам социологического опроса «Отношение школьников Хабаровского края к обучению», проведенного в 2022 г.⁴

⁸ Статистический обзор «Среднее профессиональное образование в России». URL: <https://issek.hse.ru/news/722073424.html>

высшего образования⁹. Современному работодателю в большей степени важны профессиональные навыки и умения соискателей, нежели диплом об окончании вуза. По этой причине техникумы и колледжи тщательно мониторят рынок труда, изучают требования организаций к будущим сотрудникам.

По данным опроса школьников края, доля считающих престижным поступить в техникум или колледж составила две трети от числа опрошенных (63,1%), что составляет три четверти от числа тех, кто ориентирован на престижность высшего образования (84,0%) (табл. 5).

По данным Министерства образования и науки Хабаровского края, за последние несколько лет спрос на обучение в системе среднего профессионального образования (СПО) Хабаровского края вырос в 1,5 раза. С 2018 г. количество желающих получить профессию в колледже либо техникуме превышает число поступающих в вузы. При этом в учреждениях СПО более восьми тысяч бюджетных мест. Наибольшей популярностью у выпускников школ пользуются специальности медицинского профиля, «Защита в чрезвычайных ситуациях», «Производство летательных аппаратов», «Компьютерные системы и комплексы», «Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта», «Повар, кондитер». Предприятиям и организациям края ежегодно требуется около десяти тысяч специалистов со средним профессиональным образованием, приоритетными считаются профессии строитель-

ной отрасли, транспорта, воспроизводства и переработки лесных ресурсов¹⁰.

На открытый вопрос анкеты школьники самостоятельно отметили лишь менее десятка востребованных профессии в Хабаровском крае (табл. 6). При этом лидерство занимают те, которые характеризуются рассогласованностью их общественной значимости и оплаты труда (медицина, образование, технические специальности). С этим противоречием связана одна из больших кадровых проблем в нашей стране – кадровый голод в важных и фундаментальных профессиональных направлениях.

Закрытое профессиональное сообщество «Врачи РФ» провело опрос среди медицинских работников, по итогам которого большинство респондентов заявили о дефиците кадров в своих медучреждениях. Специалисты отрасли в целом подтверждают выводы исследования, замечая, что пандемия лишь усилила кадровый голод в учреждениях здравоохранения. Профессиональное сообщество «Врачи РФ» объединяет 650 тыс. специалистов здравоохранения с медицинским образованием. С 30 июля было опрошено 2855 врачей. Согласно опросу, 87% опрошенных участников сообщества заявили о дефиците кадров в своих медицинских учреждениях, только 9% заявили об отсутствии проблем с сотрудниками, а 4% затруднились ответить на этот вопрос. Говоря о причинах кадрового дефицита, почти половина респондентов (47%) указывают на низкие зарплаты, 32% назвали оптимизацию здравоохранения и излиш-

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, престижно ли сегодня поступить для дальнейшего обучения в образовательные организации (в % от числа опрошенных)»

Образовательные организации	Да + Скорее да, чем нет	Нет + Скорее нет, чем да	Затрудняюсь ответить
СПО (техникум, колледж)	63,1	24,4	12,4
Высшее образование	84,0	13,4	2,6

Источник: составлено автором по результатам социологического опроса «Отношение школьников Хабаровского края к обучению», проведенного в 2022 г.⁴

⁹ Почему в России растет престиж СПО? Слушаем экспертов. URL: <https://dzen.ru/a/Y9oqdD4ckUQvaKWN>

¹⁰ Техникумы и колледжи обогнали вузы по количеству абитуриентов в Хабаровском крае URL: <https://www.gubernia.com/news/society/tekhnikumy-i-kolledzhi-obognali-vuzy-po-kolichestvu-abiturientov->

нюю бюрократизацию работы. Еще 5% указали на негативный образ медработника, созданный СМИ¹¹.

За последние пять лет также сократилось число специалистов в сфере образования. По данным статистики, наблюдается сокращение на пять тысяч человек (с 57 072 до 52 245). Официальный средний уровень зарплаты в размере 43 571 рубль не соответствует уровню оплаты работы большинства сотрудников сферы образования в регионе¹².

Несмотря на то, что четвертая часть из опрошиваемых планируют поступать в вуз, техникум или колледж Хабаровского края, такая же доля отвечающих также отмечает, что не планирует продолжать обучение на территории нашего региона и планирует для поступления уехать

в другой субъект страны. Подобные результаты требуют комплексного подхода к усовершенствованию системы профориентационной работы, основываясь на ценностях и факторах, определяющих, по мнению наших школьников, престижность профессии. Основной же задачей должно стать сокращение утечки молодых кадров из нашего региона.

Явная или скрытая неудовлетворенность школьников возможностями получения престижных профессий в системе профессионального образования края, обусловленная разбалансированностью рынка труда между востребованными профессиями и их оплатой труда, наличием престижных организаций с востребованными для молодежи рабочими местами, а также слабым влиянием про-

Таблица 6

Ранжирование ответов на открытый вопрос: «А какие профессии, на Ваш взгляд, востребованы сегодня в Хабаровском крае?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
1. Профессии в сфере медицины	43,9
2. Профессии в сфере образования	34,1
3. Технические специальности	24,7
4. IT-специалисты	15,2
5. Адвокат, юрист, судья, риелтор	10,3
6. Инженер	10,3
7. Строительство	10,3
8. Затрудняюсь ответить	26,2

Источник: составлено автором по результатам социологического опроса «Отношение школьников Хабаровского края к обучению», проведенного в 2022 г.⁴

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос: «Хотели бы Вы после окончания школы поступить в образовательное учреждение (вуз, техникум или колледж) на территории Хабаровского края?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
Да, планирую поступать в вуз Хабаровского края	25,9
Да, планирую поступать в техникум или колледж Хабаровского края	23,8
Нет, не планирую продолжать обучение на территории Хабаровского края, планирую уехать для поступления в другой регион страны	22,2
Не планирую вообще поступать в вуз или техникум, колледж	2,7
Еще не решил	25,4

Источник: составлено автором по результатам социологического опроса «Отношение школьников Хабаровского края к обучению», проведенного в 2022 г.⁴

¹¹ Кадромиопатия: почему в России не удается справиться с дефицитом врачей. URL: <https://iz.ru/1202652/sergei-gurianov/kadromiopatiia-pochemu-v-rossii-ne-udaetsia-spravitsia-s-deficitom-vrachei>

¹² В Хабаровском крае – кадровый голод в сфере образования. URL: <https://habarovsk.bezformata.com/listnews/habarovskom-krae-kadrovij-golod/75144983/>

форIENTATIONной и информационно-просветительской работы питают их образовательную миграцию за пределы края (табл. 7).

Заключение

Анализ субъективных представлений школьников о престижности профессии как феномене общественного сознания показал, что они обусловлены как противоречивым влиянием состояния рынка труда, так и несовершенством процесса профессиональной ориентации. Очевидно, что престиж профессии как показатель статусно-ролевого неравенства в профессиональной структуре российского общества слабо коррелирует с возможностями влияния на осознанный выбор профессии под потребности рынка труда. Как следствие, в коллективном сознании школьников доминируют индивидуалистические смыслы и образы о профессиональной деятельности, не подкрепленные общественной оценкой уважения и доверия к профессиям со стороны общества и их значимостью для общества, края, города. В поисках

выбора престижной профессии значительная часть молодежи использует механизм образовательной миграции для получения профессии за пределами края. Это усиливает и без того острый дефицит в специалистах со средним и высшим профессиональным образованием, негативно влияет на выполнение задач социально-экономического развития региона. Необходим комплекс мер со стороны государства, бизнеса, педагогической и родительской общественности по созданию благоприятных условий для формирования осознанного профессионального выбора школьниками и трудовой занятости молодежи как основы формирования у нее субъективных представлений о престиже профессий. Важно, чтобы интересы и потребности молодежи были направлены на выбор профессии и ее достойную востребованность на региональном рынке труда, где они действительно будут чувствовать себя на своем месте, что позволит обеспечить достижение успеха и высокого уровня достатка в любой профессии.

Список источников:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Грицанов А. А., Абушенко В. Л., Евелькин Г. М., Соколова Г. Н., Терещенко О. В. Новейший социологический словарь. 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: Инфра-М, 2020. 608 с.
3. Залецкая А. П. Самые престижные профессии: особенности и зависимости от тенденций рынка труда // Символ науки. 2016. № 6–1. С. 182–184.
4. Иудин А. А., Ситникова И. В., Тютяев А. С. Влияние ценностных ориентаций на профессиональный выбор абитуриентов (Часть 3) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 4 (60). С. 61–70.
5. Коваленко А. А. Анализ факторов, влияющих на выбор профессии молодежи: Международный аспект // Наука и современность. 2013. № 26–1. С. 119–123.
6. Кравченко А. И. Выбор профессии: концептуальные фреймы и эмпирические тренды // Социология. 2020. № 4. С. 22–51
7. Лукашова О. Г. Профессии престиж. 2009. URL: https://www.socionic.ru/index.php/p/4780-professii_prestij
8. Манхейм К. Глава II. Идеология и утопия // Социология власти. 2010. № 3. С. 235–250.
9. Раева И. В. Стартап: понятие, особенности, методы оценки // Имущественные отношения в РФ. 2021. № 6 (237). С. 45–55. DOI: 10.24412/2072-4098-2021-6-45-55.
10. Руднев М. Г. Методология и основные результаты исследований престижа профессий в зарубежной социологии. // Вопросы образования. № 2. 2008. С. 217–238.
11. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Союмонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
12. Суховеева Я. А. Роль основного и дополнительного образования в профориентации школьников и выпускников школ // Профессиональная ориентация. 2018. № 2. С. 133–136.

13. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. Пер. с англ. М.: Издательский дом «Классика-XXI». 2007. 421 с. ISBN 978-5-89817-185-8

14. Freidson E. Professional powers: A study of the institutionalization of formal knowledge. Chicago (IL): Univ. of Chicago press. 1986. XVIII, 241 p.

References:

1. Berger P., Lukman T. (1995) Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge / Per. E.D. Rutkevich. M.: Medium. 323 p. (In Russ.)

2. Gritsanov A. A., Abushenko V. L., Evelkin G. M., Sokolova G. N., Tereshchenko O. V. (2020) The latest sociological dictionary. 2nd edition, revised and enlarged. M.: Infra-M. 608 p. (In Russ.)

3. Zaletskaya A. P. (2016) The most prestigious professions: features and dependence on labor market trends // Symbol of Science. No. 6–1: 182–184. (In Russ.)

4. Iudin A. A., Sitnikova I. V., Tyuntyaev A. S. (2020) The influence of value orientations on the professional choice of applicants (Part 3) // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. No. 4 (60): 61–70. (In Russ.)

5. Kovalenko A. A. (2013) Analysis of the factors influencing the choice of profession of young people: International aspect // Science and modernity. No. 26–1: 119–123. (In Russ.)

6. Kravchenko A. I. (2020) Choosing a profession: conceptual frames and empirical trends // Sociology. No. 4: 22–51 (In Russ.)

7. Lukashova O. G. Professions prestige. 2009. URL: https://www.socionic.ru/index.php/p/4780-professii_prestij (In Russ.)

8. Manheim K. (2010) Chapter II. Ideology and utopia // Sociology of power. No. 3: 235–250. (In Russ.)

9. Raeva I. V. (2021) Startup: concept, features, evaluation methods // Property relations in the Russian Federation. No. 6 (237): 45–55. DOI: 10.24412/2072-4098-2021-6-45-55. (In Russ.)

10. Rudnev M. G. (2008) Methodology and main results of research on the prestige of professions in foreign sociology. // Questions of education. No. 2: 217–238. (In Russ.)

11. Sorokin P. (1992) Man. Civilization. Society / General ed., comp. and foreword. A. Yu. Soyumonov: Per. from English. Moscow: Politizdat. 543 p.

12. Sukhoveeva Ya. A. (2018) The role of basic and additional education in the career guidance of schoolchildren and school graduates // Professional orientation. No. 2: 133–136. (In Russ.)

13. Florida R. (2007) Creative class: people who change the future. Per. from English. M.: Publishing House “Classics-XXI”. 421 p. ISBN 978-5-89817-185-8 (In Russ.)

14. Freidson E. (1986) Professional powers: A study of the institutionalization of formal knowledge. Chicago (IL): Univ. of Chicago Press. XVIII, 241 p.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 02.03.2023.

The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 02.03.2023.

Информация об авторе

П. Э. Перепечай – аспирант, директор Центра общественных связей, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

P. E. Perepechay – graduate student, Director of the Center for public relations, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА.

Научная статья

УДК 314.7:332.14(571.62)

doi:10.22394/1818-4049-2022-101-4-147-161

Оценка факторов влияния состояния региональной социальной инфраструктуры на миграционные процессы

Александр Станиславович Карев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
askarev@adm.khv.ru

Аннотация. Динамичное социально-экономическое развитие Дальнего Востока России имеет глубинное значение для современных экономических процессов в условиях «поворота на Восток», а также для сохранения и развития стабильных экономических связей со странами-партнёрами Азиатско-Тихоокеанского региона на длительную перспективу. Одной из основных проблем для регионов Дальневосточного федерального округа в постсоветский период является тренд на снижение численности населения макрорегиона, в том числе за счет процессов безвозвратной миграции. Целью данной статьи является исследование причин принятия жителями макрорегиона решений о переезде на другое постоянное место жительства, а также определение наиболее существенных «выталкивающих» факторов, побуждающих для принятия такого решения. Методом исследования принят априорный анализ факторов влияния состояния региональной социальной инфраструктуры на миграционные процессы (на примере Хабаровского края). В результате исследования сформирован перечень наиболее значимых факторов, оказывающих существенное влияние на качество жизни населения и, соответственно, на принятие решений о безвозвратной миграции. Полученные результаты могут способствовать выработке органами государственной власти и местного самоуправления соответствующих решений при осуществлении планирования социальной инфраструктуры для обеспечения устойчивого развития Дальневосточного макрорегиона.

Ключевые слова: факторы миграции, социальная инфраструктура, качество жизни населения

Для цитирования: Карев А. С. Оценка факторов влияния состояния региональной социальной инфраструктуры на миграционные процессы // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 1 (102). С. 147– 161. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-147-161>

Assessment of impact of the regional social infrastructure state on migration processes

Aleksandr S. Karev

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia
askarev@adm.khv.ru

Abstract. The dynamic socio-economic development of the Russian Far East is of deep importance for the modern economic processes under the conditions of «turn to the East,» as well as for preservation and development of the stable economic connections with the partner countries of the Asia-Pacific region for a long time. One of the main

problems for the regions of the Far-Eastern federal district in the post-Soviet period is the trend towards a decrease in the population of the macro-region due to the processes of irretrievable migration. The purpose of this article is to investigate reasons for the macro-region residents to make decisions about moving to another permanent place of residence, as well as to determine the most significant «pushing» factors that prompt such decision. Priori analysis of the influence of the regional social infrastructure state on the migration processes (on the example of the Khabarovsk territory) was adopted by the research method. As a result of the study, a list of the most significant factors has been formed that have a significant impact on the quality of population life and, accordingly, on adoption of the decisions on irretrievable migration. The obtained results can contribute to development by the state and local authorities of appropriate decisions in implementation of the social infrastructure planning to ensure sustainable development of the Far-Eastern macro-region.

Keywords: migration factors, social infrastructure, population, quality of life

For citation: Karev A. S. Assessment of impact of the regional social infrastructure state on migration processes // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 1 (102). Pp. 147–161. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-4-147-161>

Введение

Дальневосточный федеральный округ (далее – ДФО) как регион с особыми экономическими и социально-демографическими условиями развития находится в зоне особого внимания государства. В общем тренде поворота экономики государства на Восток развитие территорий ДФО принимает все более существенное стратегическое значение для государства.

Государственная политика последних десятилетий направлена на значительное увеличение темпов развития Дальневосточного макрорегиона. Принимаемые меры, безусловно, дают свой результат, однако до настоящего времени в регионе сохраняются отрицательные тенденции по показателям численности населения. За последние 20 лет Дальневосточный федеральный округ стал аутсайдером по показателю численности населения: снижение численности населения региона составило 9,3% (0,84 млн человек). Основные потери населения отмечены с 2000 по 2006 гг.: в этот период динамика снижения численности населения составляла в среднем по 88,4 тыс. человек в год. Экстремальное снижение показателя зафиксировано с 2000 г. по 2001 г.: в этот

период численность населения федерального округа уменьшилась на 112,8 тыс. человек.¹

В настоящее время ситуация изменилась в лучшую сторону, отток населения стабилизирован на минимальных значениях. Стратегической задачей в развитии региона должно стать достижение положительного значения сальдо по показателю миграционного потока со сменой места жительства, перелом социально-демографической ситуации и обеспечение системного увеличения численности населения региона. Данная позиция отражена в Постановлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 19 января 2023 г. № 2918-8 ГД, в котором обращено особое внимание на то, что «главным ресурсом развития Дальнего Востока – стратегического приоритета России в XXI веке – является человеческий потенциал. В связи с этим демографическая политика Российской Федерации в отношении Дальнего Востока должна обеспечить преодоление миграционного оттока, стабилизацию и увеличение численности населения в субъектах Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерально-

¹ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207>, <https://showdata.gks.ru/report/278934/>

го округа».²

В рамках изучения демографических проблем Дальневосточных территорий автором статьи проведено исследование причин принятия населением решений о постоянной миграции (переезде на постоянное место жительства) в другой регион. Исследование носит пилотный характер и выполнено на примере Хабаровского края. Механизмом исследования принят метод априорного анализа факторов влияния состояния социальной инфраструктуры в составе показателей качества жизни населения на миграционные процессы. Получение аналитической информации выполнено посредством проведения анкетирования экспертов – компетентных представителей сферы государственного и муниципального управления. Результаты анкетирования, по мнению автора, могут стать одним из инструментов оценки взаимосвязи между сложившимся миграционным процессом и уровнем жизни населения (в составе различных показателей, к которым отнесена и социальная инфраструктура в объеме её обеспеченности и качества).

Факторы оценки качества жизни и региональной социальной инфраструктуры: сущность и значение для социально-демографического развития Дальнего Востока

Указом Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» сформулированы основные вызовы и угрозы экономической безопасности государства, к числу которых отне-

сены:

недостаточная динамика экономического развития, вызванная внешними факторами санкционного давления и внутренними системными проблемами в экономике, государственном управлении в отраслевом развитии;

увеличение разрыва в уровне доходов различных слоев населения и качества жизни населения различных территориях;

выраженный дисбаланс по уровню пространственного развития регионов государства.

Указанным доктринальным документом целями обеспечения экономической безопасности в числе прочего определено снижение уровня бедности и улучшение качества жизни населения.

Прорывное развитие экономического потенциала Дальнего Востока, стабилизация и выход на наращивание динамики положительных значений по миграционным и демографическим показателям (стабилизация и наращивание человеческого потенциала макрорегиона), достижение среднероссийских показателей качества жизни населения Дальневосточного макрорегиона провозглашено Главой государства приоритетным направлением государственной политики в отношении Дальнего Востока.^{3,4} [Найден, 2022. С. 39] Данный вектор социально-демографического развития макрорегиона соотносится с заданной национальной целью развития государства до 2030 года, которой является сохранение населения страны.⁵

При формировании миграционных мотиваций населения важным факто-

² Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 19 января 2023 года № 2918-8 ГД «Об информации Министра Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики А. О. Чекункова о мерах по обеспечению ускоренного социально-экономического развития Дальнего Востока». Собрание законодательства Российской Федерации от 2023 г., № 4, ст. 622.

³ Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». URL: // <http://www.consultant.ru/>

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 26.06.2020 № 427 «О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202006260029?index=0&rangeSize=1>.

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007210012>.

ром принятия решения остается совокупное представление об уровне и качестве жизни и комфорта в долгосрочном плане, «что определяется компонентами формирования и роста ценности человеческого капитала в виде масштабов и качественных характеристик социальной инфраструктуры, обеспечивающей функционирование сфер образования, здравоохранения, культуры и спорта, реализацию жилищной и социальной политики, другими словами – высококачественную и комфортную среду обитания». [Минакир, Найден, 2020. С. 48]

В исследованиях Вальковской В. В., Захарычевой Т. А., Рензина О. М. отмечается, что федеральный центр все активнее делегирует регионам Дальнего Востока ряд функций, направленных на решение вопросов национального развития, расширение и укрепление позиций государства в Северо-Восточной Азии и Тихоокеанском макрорегионе. [Вальковская, Захарычева, Рензин, 2022] Достижение цели прорывного развития Дальневосточного федерального округа видится в научном сообществе через решение социально-демографических проблем территорий Дальнего Востока (как минимум исключение снижения численности вследствие миграционного процесса и сохранения постоянно проживающего населения, как максимум – формирование для населения привлекательных условий для демографического воспроизводства). [Найден, 2022. С. 40]

Для решения миграционного вопроса необходимо понимание сочетания факторов регионального пространственного развития Дальневосточного макрорегиона: экономико-географических, геополитических и социально-демографических особенностей, оказывающих ключевое влияние на развитие данных территорий.

В частности, социально-демографическое положение Дальневосточного макрорегиона характеризуется сложившейся в постсоветский период отрицательной динамикой показателя численности населения. Так, Мотрич Е. Л.,

Найден С. Н. в своих работах отмечают, что причиной демографического спада на рассматриваемой территории в предыдущий период на 86,4% стали миграционные процессы перемещения населения в другие места постоянного проживания, и лишь на 13,6% естественные демографические процессы. Результаты исследований этих ученых подтверждают тенденцию обезлюживания северных и сельских территорий Дальневосточного макрорегиона, то есть прироста численности населения в крупных городских агломерациях при снижении численности населения макрорегиона в целом. В настоящее время отрицательный миграционный процесс в целом стабилизирован, тенденция оттока населения составляет в среднем порядка 30,0 тыс. человек в год, при этом более половины территорий Дальневосточного макрорегиона характеризуются системной ежегодной потерей постоянно проживающих жителей. [Мотрич, 2017. С. 64–71; Найден, 2020. С. 25]

Сложившееся социально-демографическое состояние макрорегиона обуславливает необходимость исследования выталкивающих мотивов принятия индивидуумом решения о смене места постоянного проживания. Глубинное понимание объективных факторов воздействия, свойственных рассматриваемой территории, при формировании решения о безвозвратной миграции является основой для выработки действенных мер по решению проблемы оттока населения с территорий Дальневосточного макрорегиона (отрицательного сальдо миграции) и позволит достичь одной из целей прорывного развития Дальнего Востока.

Для оценки социально-демографического положения макрорегиона и миграционных настроений населения Дальнего Востока представляет существенное значение исследование показателей качества жизни населения, доступности жилья, инфраструктуры отраслей образования, здравоохранения и спорта (табл. 1).

Таблица 1

Факторы оценки качества жизни и региональной социальной инфраструктуры

№ п/п	Наименование факторов	Краткая характеристика факторов
КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ		
1	Денежные доходы	Все виды денежных доходов, полученных трудящимися в виде вознаграждения за работу по найму, от личного подсобного хозяйства, индивидуальной трудовой деятельности, денежные поступления из общественных фондов потребления, финансово-кредитной системы и прочее, обеспечивающие удовлетворение личных потребностей населения. [Рудакова, 2008. С. 3] Все поступления денег в виде оплаты труда, доходов от предпринимательской деятельности, пенсий, стипендий, различных пособий, доходов от собственности в виде процентов, дивидендов, ренты, доходов от продажи товаров, доходов от оказания на сторону различных услуг и др. [Моргунова, 2020. С. 1]
2	Покупательная способность:	Способность приобретения товара или услуги за денежную единицу. Покупательная способность тем выше, чем больше товаров или услуг можно купить на денежную единицу.
2.1	-по основным продуктам питания	Зависит от уровня доходов населения и той его доли, которая может быть использована для покупок, но в не меньшей степени определяется величиной цен и тарифов на услуги. [Ляховецкий, 2022. С. 63–64]
2.2	-по лекарственным средствам	
2.3	-по предметам быта	
3	Размер обязательных платежей и взносов	Платежи социального характера (платежи граждан в социальные фонды и пр.), бюджеты всех уровней и другие платежи налогового характера. [Гусев, 2021. С. 932]
4	Размер платы за ЖКХ от величины общего дохода	Платежи населения за жилищные услуги (ремонт, содержание жилья) и коммунальные услуги (газоснабжение, отопление, электроснабжение, водоснабжение и водоотведение. [Клоков, 2013. С. 111] Плата населения за жилое помещение (пользование жилым помещением по найму для нанимателей), содержание жилого помещения, жилищные услуги по содержанию и капитальному ремонту общего имущества в многоквартирном доме для собственников помещений в многоквартирном доме, услуги по управлению общим имуществом ⁶
5	Бытовое обслуживание населения (обеспечение населения потребительскими услугами: общественное питание, розничные торговые точки и т. д.)	Отрасль экономики, состоящая из предприятий различных организационно-правовых форм собственности и индивидуальных предпринимателей, занимающихся оказанием бытовых услуг (выполнением работ) ⁷
6	Доступность рекреационных ресурсов	Совокупность реальных условий и факторов (инфраструктурных, организационно-управленческих, финансовых, информационных, инклюзивных, технологий цифровизации и пр.), обеспечивающих возможность доступа населения к компонентам природной среды и феноменам социокультурного характера, которые благодаря особым свойствам (уникальность, оригинальность, эстетическая привлекательность, лечебно-оздоровительная значимость) используются для организации различных видов и форм рекреационной деятельности (авторская характеристика)

⁶ Приказ Росстата от 29.07.2022 № 535 «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за строительством, инвестициями в нефинансовые активы и жилищно-коммунальным хозяйством». Информационная система Консультант плюс (дата обращения: 09.12.2022).

⁷ «ГОСТ Р 57137-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Бытовое обслуживание населения. Термины и определения» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 11.10.2016 № 1356-ст).

№ п/п	Наименование факторов	Краткая характеристика факторов
ЖИЛЬЁ		
7	Доступность жилья:	Ключевая характеристика экономики домохозяйства, позволяет оценить возможность приобретения жилища – насущного экономического блага, удовлетворяющего биологические и социальные потребности человека, занимающего значимое место в системе общечеловеческих ценностей. [Рабцевич, Уварова, 2020. С. 39.]
7.1	стоимость жилья на первичном рынке	Стоимость нового (вновь построенного или реконструированного) жилья, а также жилых помещений до ввода объекта недвижимости в эксплуатацию путем заключения договоров участия в долевом строительстве (авторская характеристика с учётом Приказа Росстата от 12.08.2022 № 572)
7.2	стоимость жилья на вторичном рынке	Стоимость жилья, находящегося в частной или в государственной собственности и обладающего определенной степенью износа в результате эксплуатации. (авторская характеристика с учётом Приказа Росстата от 30.07.2021 № 460)
7.3	объем ввода жилья	Общая площадь жилых помещений во введенных в эксплуатацию жилых и нежилых зданиях, жилых домах (многоквартирных и индивидуальных), которая определяется как сумма площадей всех частей жилых помещений, включая площадь помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в жилом помещении. (авторская характеристика с учётом Приказа Росстата от 18.01.2021 № 5)
ЗДРАВООХРАНЕНИЕ		
8	Обеспеченность населения объектами здравоохранения (в т. ч. мощность амбулаторно-поликлинических организаций)	Показатель, отражающий соответствие уровня фактических количественных значений инфраструктурных объектов сферы здравоохранения и фактической потребности, а также установленных нормативов таких значений и объемов медицинской помощи, в том числе мощность коечного фонда и врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений (количества посещений в смену на 10 000 чел. соответственно) (авторская характеристика)
9	Техническое состояние объектов здравоохранения (соответствие строительным и санитарным нормам, соответствие современным нормам внешнего и внутреннего облика учреждений)	Физический и моральный износ инфраструктурного объекта: -соответствие физического состояния основных конструктивных элементов и строительных конструкций здания (влияющих на его прочностные и эксплуатационные характеристики), инженерных систем, инженерного оборудования здания требованиям; -соответствие архитектурных, объемно-планировочных решений, инженерных систем здания современным требованиям проектирования медицинских инфраструктурных объектов (авторская характеристика)
10	Кадровая обеспеченность объектов здравоохранения и уровень подготовки медицинского персонала	Укомплектованность штатов как отношение количества занятых и штатных должностей в целом по учреждению и по отдельным категориям персонала. [Репринцева, 2018. С. 7] Качество подготовки и уровень образованности определяется не только количеством знаний, но и личностными характеристиками обучаемого, степенью его духовного и гражданского развития. Показатель качества подготовки специалиста корреспондирует показателю качества медицинской помощи, оказываемой пациенту [Вагина, 2008. С. 54]
11	Качество оказания услуг здравоохранения	Характеризуется качеством исполнения и качеством соответствия. Качество исполнения – характеристика, отражающая степень, в которой услуги фактически удовлетворяют потребности пациентов. Качество соответствия – характеристика, отражающая степень, в которой медицинские услуги, предоставляемые лечебным учреждением, соответствуют внутренним спецификациям услуги. Качество медицинской помощи определяется в числе прочего следующими факторами: материально-технические возможности, кадровые, организационные, финансовые, информационные и др. ресурсы. [Федотова, 2014. С. 307]

№ п/п	Наименование факторов	Краткая характеристика факторов
ДОШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ		
12	Обеспеченность детей дошкольного возраста местами в детских садах	Соответствие фактических и нормативных значений по показателю количества мест в образовательных дошкольных организациях на 1000 (тысячу) жителей, установленному нормативами градостроительного проектирования ⁸
13	Техническое состояние детских садов (соответствие строительным и санитарным нормам, соответствие современным нормам внешнего и внутреннего облика учреждений)	Физический и моральный износ инфраструктурного объекта: -соответствие физического состояния основных конструктивных элементов и строительных конструкций здания (влияющих на его прочностные и эксплуатационные характеристики), инженерных систем, инженерного оборудования здания требованиям; -соответствие архитектурных, объемно-планировочных решений, инженерных систем здания современным требованиям проектирования образовательных инфраструктурных объектов (авторская характеристика)
14	Качество оказания услуг в детских садах	Способность удовлетворять потребности личности и общества в полноценном развитии ребенка, сохранении и укреплении его здоровья. [Сафонова, 2001. С. 8.]
СРЕДНЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ		
15	Обеспеченность детей школьного возраста местами в образовательных учреждениях среднего образования	Соответствие фактических и нормативных значений по показателю количества мест в образовательных организациях на 1000 (тысячу) жителей, установленному нормативами градостроительного проектирования. (авторская характеристика)
16	Наличие «второй смены» в образовательных учреждениях среднего образования	Формат проведения занятий по освоению основной общеобразовательной программы учащимися образовательного учреждения среднего образования, при котором начало занятий сдвинуто на более поздний период учебного дня. Занятия второй смены должны заканчиваться не позднее 19 часов. ⁹
17	Техническое состояние учреждений среднего образования (соответствие строительным и санитарным нормам, соответствие современным нормам внешнего и внутреннего облика учреждений)	Физический и моральный износ инфраструктурного объекта: -соответствие физического состояния основных конструктивных элементов и строительных конструкций здания (влияющих на его прочностные и эксплуатационные характеристики), инженерных систем, инженерного оборудования здания требованиям; -соответствие архитектурных, объемно-планировочных решений, инженерных систем здания современным требованиям проектирования образовательных инфраструктурных объектов (авторская характеристика)
18	Качество оказания услуг в учреждениях среднего образования	Непосредственный результат учебного процесса, зависящий от уровня квалификации педагогического состава, учебно-методического процесса, информационно-технологического обеспечения, состояния материально-технической базы, интеллектуального потенциала обучающихся как субъекта образовательного процесса [Демина, Михайлова, 2016. С. 50]
СПОРТ		
19	Спортивные залы	Соответствие фактических и нормативных значений по показателю – спортивный зал общего пользования (квадратных метров общей площади пола на 1000 (тысячу) жителей), установленному нормативами градостроительного проектирования (авторская характеристика)

⁸ Решение Хабаровской городской Думы от 22.12.2015 № 225 «Об утверждении местных нормативов градостроительного проектирования городского округа «Город Хабаровск» // Хабаровские вести, № 199, 29.12.2015.

⁹ Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28.09.2020 №28 «Об утверждении санитарных правил СП 2.4.3648-20 «Санитарно-эпидемиологические требования к организациям воспитания и обучения, отдыха и оздоровления детей и молодежи». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012210122>.

№ п/п	Наименование факторов	Краткая характеристика факторов
20	Плавательные бассейны	Соответствие фактических и нормативных значений по показателю – бассейн общего пользования (квадратных метров площади зеркала воды на 1000 (тысячу) жителей), установленному нормативами градостроительного проектирования (авторская характеристика)
21	Плоскостные спортивные объекты (спортивные площадки, поля и т. п.)	Соответствие фактических и нормативных значений по показателю открытая спортплощадка, расположенная на озелененных территориях общего пользования (количество квадратных метров земельных участков из расчета на одного жителя), установленному нормативами градостроительного проектирования (авторская характеристика)
СВЯЗЬ		
22	Услуги Интернета	Предоставление населению телематических услуг доступа к сети Интернет (выполнение определенных действий или осуществление деятельности по передаче данных с помощью сети общего пользования Интернет), надлежащего качества в соответствии с современными техническими требованиями (скорость потока, приема-передачи данных, стабильность соединения), обеспечивающих доступ населения к информации, связи и коммуникации, в том числе в целях обеспечения доступности государственных услуг, финансовых инструментов и пр. ¹⁰ [Задума, 2018. С. 270]
23	Услуги телефонной связи	Услуги местной, внутризонавой, междугородной и международной телефонной связи в сети связи общего пользования, а также при оказании услуг подвижной радиосвязи, услуг подвижной радиотелефонной связи и услуг подвижной спутниковой радиосвязи в сети связи общего пользования ¹¹
24	Услуги почтовой связи	Услуги по приему, обработке, перевозке, доставке (вручению) почтовых отправлений, а также по осуществлению почтовых переводов денежных средств ¹²
БАНКОВСКАЯ СФЕРА		
25	Доступность банковских услуг (банковское обслуживание, сеть банкоматов и т. д.)	Основные факторы: - территориальная и временная доступность обслуживания; комфортность банковских помещений для лиц с ограниченными возможностями [Лисина, 2018. С. 35–37]; - цифровизация банковских услуг (доступность по времени (24/7) и месту (из любой точки); экономия времени для доступа к услуге; высокая скорость взаимодействия, не зависящая от скорости работы банковского специалиста, отсутствие проблемы очередей; возможность одновременного доступа к нескольким продуктам и услугам в любой комбинации) [Сикорская, 2022. С. 73]
26	Доступность банковских продуктов для населения (ипотечного, потребительского кредитования)	Степень соответствия характеристик продуктов и услуг коммерческого банка требованиям, предъявляемым потребителем и другими заинтересованными сторонами. Индивидуальный подход. Широкий ассортимент продуктов, включающий специализированные продукты для определенных групп клиентов [Лисина, 2018. С. 35–37]

¹⁰ ГОСТ Р 57666-2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Руководство по добросовестной практике предоставления услуг фиксированного проводного доступа к сети Интернет» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 14.09.2017 № 1112-ст). URL: <http://www.consultant.ru/>.

¹¹ Постановление Правительства РФ от 09.12.2014 № 1342 (ред. от 18.01.2021) «О порядке оказания услуг телефонной связи» (вместе с «Правилами оказания услуг телефонной связи»). URL: <http://www.consultant.ru/>.

¹² Федеральный закон от 17.07.1999 № 176-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О почтовой связи». URL: <http://www.consultant.ru/>.

№ п/п	Наименование факторов	Краткая характеристика факторов
27	Доступность банковских продуктов для бизнеса	Широкий ассортимент продуктов, включающий специализированные продукты для определенных групп клиентов, [Лисина, 2018. С. 35–37] в том числе: комфортные для бизнеса ставки по кредитам (с невысокой ставкой банковской маржи); долгосрочные кредитные линии; микрокредитование; беззалоговое кредитование (гарантийная государственная поддержка); комфортные для бизнеса сроки выплаты по кредитам; отсрочка по кредитам, реструктуризация задолженности без применения финансовых и имиджевых санкций; консультационные услуги и пр. (авторская характеристика)
ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА		
28	Экологическое состояние окружающей среды:	Соответствие качества воды источников централизованного водоснабжения и питьевой воды требованиям законодательства в сфере санитарно-эпидемиологического благополучия населения. ¹³
28.1	-качество питьевой воды	
28.2	-качество воздуха	

Источник: составлено автором.

Методика и результаты исследования

В сочетании с анализом статистических показателей качества жизни населения и социальной инфраструктуры автором проведено изучение мнения жителей одного из субъектов ДФО – Хабаровского края. Субъективная оценка факторов качества жизни и социальной инфраструктуры дана респондентами – специалистами-экспертами, непосредственно проживающими на территории Хабаровского края. Пилотное исследование проведено в период с октября по декабрь 2022 г. Опрошено 60 экспертов, профессионально занятых в сфере государственного (муниципального) управления. Эксперты постоянно проживают на территории муниципальных образований Хабаровского края. В исследовании задействованы эксперты от каждого муниципального образования (муниципального района и городского округа)

Хабаровского края. Из участвующих в исследовании респондентов 15% осуществляют деятельность в исполнительных органах управления городских округов, 63% экспертов – в исполнительных органах управления муниципальных районов, 17% экспертов – в исполнительных органах управления сельских поселений, 5% экспертов осуществляют деятельность в органах государственного управления регионом. Качественный состав респондентов сформирован следующим образом: 95% – эксперты, профессионально занятые в сфере государственного (муниципального) управления экономикой территорий, 3% – в сфере правоохранительной, контрольно-надзорной деятельности на территории региона, 2% – эксперты, область деятельности которых связана с развитием институтов гражданского общества, защитой прав и свобод человека и гражданина.

Для оценки каждого из параметров качества жизни населения применен метод априорного анализа (ранжирования)

¹³ «МР 2.1.4.0266-21. 2.1.4. Питьевая вода и водоснабжение населенных мест. Методика по оценке повышения качества питьевой воды, подаваемой централизованными системами водоснабжения. Методические рекомендации» (утв. Главным государственным санитарным врачом РФ 10.11.2021) URL: <http://www.consultant.ru/>.

¹⁴ Федеральный закон от 04.05.1999 № 96-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об охране атмосферного воздуха». URL: <http://www.consultant.ru/>.

факторов влияния. Априорный анализ (ранжирование) факторов представляет собой определение, отбор установление значимости факторов методами математической статистики с привлечением экспертов в данной области.

Априорное ранжирование факторов было выполнено посредством следующего алгоритма действий [Бакуменко, 2011. С. 142 – 144.].

Состав факторов влияния на принятие решения отдельным человеком или семьей о постоянной миграции определен автором исходя из состава факторов, формирующих показатель «качество жизни населения».

Респондентам – специалистам-экспертам предложено на принципах анонимности заполнить анкету, содержащую перечень факторов (табл. 1), характеризующих качество жизни населения и в конечном итоге оказывающих влияние на принятие индивидуумом решения о смене места жительства (безвозвратной миграции). Каждый респондент субъективно оценил и проранжировал факторы по степени влияния на качество жизни населения по шкале от «0» до «5», также респондентам была предоставлена возможность включить в анкету дополнительные факторы, исходя из собственной позиции. Фактору, который имеет, по мнению респондента, наибольшее внимание присваивался ранг «5», фактору, имеющему наименьшее значение – ранг «1», фактору, не имеющему значение – ранг «0». В случае, когда респондент не имеет возможности дифференцировать значимость отдельных факторов, ранг для таких факторов принимается равным (присваивается одно и то же ранговое значение).

Задачей проведения априорного анализа факторов в данном случае являлось определение согласованной позиции респондентов в оценке значимости каждого фактора и выявление факторов, оказывающих по совокупной оценке специалистов-экспертов наибольшее влияние на показатель качества жизни населения в Хабаровском крае.

На основе полученной в результате опроса информации определен набор факторов, существенно влияющих на решение гражданина о смене места жи-

тельства (Хабаровский край на другой регион), а также в случае необходимости порядок включения в исследование других факторов. Для формализации методом ранговой корреляции полученных в результате опроса априорных сведений составлена сводная анкета, так называемая матрица рангов, в которой x_{ij} – ранг j -го фактора у i -го респондента; m – число респондентов; n – число факторов. Так, например, оценка показала, что фактор X9 (доступность жилья: стоимость жилья на первичном рынке), с точки зрения респондентов, в среднем оказывает на решение гражданина по смене места жительства в Хабаровском крае на другой регион наибольшее влияние, так как имеет наименьшую сумму рангов (101), а фактор X8 (доступность рекреационных ресурсов) оказывает самое слабое влияние – имеет наибольшую сумму рангов (151).

Результаты распределения факторов по своей значимости в порядке убывания с точки зрения респондентов приведено в таблице 2.

На основании полученных данных можно сгруппировать факторы по степени их влияния на решение гражданина о смене места жительства (Хабаровский край на другой регион): например, I группа – X9, X10; II группа – X15, X1, X14 и т. п.

Оценка средней степени согласованности всех опрошенных респондентов в вопросе установления влияния отдельных факторов на решение гражданина по смене места жительства в Хабаровском крае на другой регион достаточно высокая: оценка значимости коэффициента конкордации по критерию Пирсона и по z -критерию (Фишера) подтвердила с вероятностью 0,950, что согласованность во мнении всех опрошенных респондентов является неслучайной.

Вывод

Таким образом, в результате проведенного исследования выделены важнейшие факторы (с точки зрения респондентов), влияющие на решение гражданина о смене места жительства на другой регион.

К наиболее значимым факторам влияния региональной социальной инфраструктуры на миграционные настроения

Таблица 2

**Результаты экспертной оценки влияния факторов качества жизни
и региональной социальной инфраструктуры на решение по смене места
жительства (на примере Хабаровского края)**

№ фактора	Наименование фактора	Сумма рангов
X ₉	Доступность жилья: стоимость жилья на первичном рынке	101,0
X ₁₀	Доступность жилья: стоимость жилья на вторичном рынке	105,0
X ₁₅	Качество оказания услуг здравоохранения	110,0
X ₁	Денежные доходы (в том числе заработная плата, социальные выплаты, доход от собственности, доход от предпринимательской деятельности, доход от вкладов, иные денежные поступления)	113,0
X ₁₄	Кадровая обеспеченность объектов здравоохранения и уровень подготовки медицинского персонала	114,0
X ₆	Размер платы за ЖКУ от величины общего дохода	119,0
X ₂	Покупательная способность по основным продуктам питания	121,0
X ₁₁	Доступность жилья: объем ввода жилья	122,0
X ₂₆	Услуги интернета	123,0
X ₃₃	Экологическое состояние окружающей среды: качество воздуха	123,0
X ₅	Размер обязательных платежей и взносов	125,0
X ₃₁	Доступность банковских продуктов для бизнеса	126,0
X ₂₇	Услуги телефонной связи	127,0
X ₃	Покупательная способность по лекарственным средствам	128,0
X ₃₂	Экологическое состояние окружающей среды: качество питьевой воды	129,0
X ₂₄	Плавательные бассейны	131,0
X ₁₆	Обеспеченность детей дошкольного возраста местами в детских садах	132,0
X ₂₀	Наличие «второй смены» в образовательных учреждениях среднего образования	133,0
X ₂₂	Качество оказания услуг в учреждениях среднего образования	135,0
X ₁₂	Обеспеченность населения объектами здравоохранения (в т.ч. мощность амбулаторно-поликлинических организаций)	138,0
X ₄	Покупательная способность по предметам быта	139,0
X ₁₇	Техническое состояние детских садов (соответствие строительным и санитарным нормам, соответствие современным нормам внешнего и внутреннего облика учреждений)	140,0
X ₂₈	Услуги почтовой связи	140,0
X ₁₃	Техническое состояние объектов здравоохранения (соответствие строительным и санитарным нормам, соответствие современным нормам внешнего и внутреннего облика учреждений)	141,0
X ₃₀	Доступность банковских продуктов для населения (ипотечного, потребительского кредитования)	142,0
X ₁₉	Обеспеченность детей школьного возраста местами в образовательных учреждениях среднего образования	143,0
X ₂₉	Доступность банковских услуг (банковское обслуживание, сеть банкоматов и т.д.)	144,0
X ₂₅	Плоскостные спортивные объекты (спортивные площадки, поля и т.п.)	145,0
X ₂₃	Спортивные залы	145,0
X ₁₈	Качество оказания услуг в детских садах	146,0
X ₇	Бытовое обслуживание населения (обеспечение населения потребительскими услугами: общественное питание, розничные торговые точки и т.д.)	149,0
X ₂₁	Техническое состояние учреждений среднего образования (соответствие строительным и санитарным нормам, соответствие современным нормам внешнего и внутреннего облика учреждений)	149,0
X ₈	Доступность рекреационных ресурсов	151,0

Источник: составлено автором.

респондентами были отнесены:

наличие, состояние и доступность инфраструктурных объектов социальной сферы (здравоохранения, дошкольного и среднего образования, объектов спорта);

наличие, качество и доступность ряда услуг социальной сферы (услуги связи, банковской сферы, бытовое обслуживание населения).

Наименьшее значение респондентами отдано доступности рекреационных ресурсов.

Все приведенные факторы влияния (как наиболее значимые, так и имеющие меньшую оценку значимости) нацеливают при решении миграционных проблем

на концентрацию внимания к наличию качественно развитой, системно сформированной совокупности объектов инфраструктуры, обеспечивающей доступность получения значимых для населения услуг, составляющих понятие качества жизни населения.

Таким образом, приведенный результат исследования подтверждает гипотезу о том, что важнейшим стимулом закрепления населения на территории Дальневосточного макрорегиона является именно развитая система инфраструктурных объектов социальной сферы, обеспечивающая предоставления значимых для населения услуг.

Список источников:

1. Бакуменко Л. П. Методика априорного ранжирования факторов качества жизни населения // Статистика и экономика. 2011. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-apriornogo-ranzhirovaniya-faktorov-kachestva-zhizni-naseleniya>

2. Вагина Е. В. Исследование качества профессиональной подготовки специалистов среднего звена в здравоохранении региона // Сибирский журнал клинической и экспериментальной медицины. 2008. №4–2. С. 54–57 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-kachestva-professionalnoy-podgotovki-spetsialistov-srednego-zvena-v-zdravoohranenii-regiona>

3. Вальковская В. В., Захарычева Т. А., Рензин О. М. Междисциплинарный диалог о региональном человеческом капитале // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 4. С. 68–76. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.4.68>.

4. Гусев А. Ю., Кошкина И. Г. Аналитическое исследование уровня расходов населения региона и их структуры // Роль аграрной науки в устойчивом развитии сельских территорий : сборник VI Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием, Новосибирск, 20 декабря 2021 года. Новосибирск: Издательский центр Новосибирского государственного аграрного университета «Золотой колос», 2021. С. 930–932.

5. Демина Е. В., Михайлова Е. Н. (2016) Качество образовательных услуг как показатель результативности образовательной деятельности современной школы // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 8 (173). С. 48–52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-obrazovatelnyh-uslug-kak-pokazatel-rezultativnosti-obrazovatelnoy-deyatelnosti-sovremennoy-shkoly>

6. Задума Я. Т. Гражданско-правовое регулирование правоотношений по оказанию услуг в сети Интернет // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2018. Т. 4. № 10–1. С. 268–272.

7. Клоков Д. В. Расходы на жилищно-коммунальные услуги в системе обязательных платежей домохозяйств // Вестник РГТУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2013. № 15 (116). С. 110–120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rashody-na-zhilishchno-kommunalnye-uslugi-v-sisteme-obyazatelnyh-platezhey-domohozyaystv-1>

8. Лисина Ю. А. Доступность как социальная составляющая качества банковских продуктов и услуг // Наука сегодня: проблемы и пути решения : материалы международной научно-практической конференции : в 3 частях, Вологда, 28 марта 2018 года. Вологда: ООО «Маркер», 2018. С. 35–37.

9. Ляховецкий А. М., Барсукова Л. А., Сокурова Э. В. Потребительская корзина и покупательная способность населения // Вестник Академии. 2022. № 1. С. 61–66. DOI

10.36871/v.a.2022.03.01.008.

10. Минакир П. А., Найден С. Н. Социальная динамика на Дальнем Востоке: дефект идей или провал институтов? // Регион: экономика и социология. 2020. № 3 (107). С. 30–61. DOI: 10.15372/REG20200302.

11. Моргунова О. С. Сущность и виды денежных доходов населения в России // Современные тенденции и инновации в науке и производстве : Материалы IX международной научно-практической конференции, Междуреченск, 15 апреля 2020 года. Междуреченск: Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, 2020.

12. Мотрич Е. А. Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 133–153.

13. Найден С. Н. Динамика смертности и продолжительность жизни населения регионов Дальнего Востока России: 2013–2021 гг. // Регионалистика. 2022. Т. 9. № 3. С. 38–53. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.3.38>.

14. Найден С. Н. Реализация государственной политики на Дальнем Востоке // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4(93). С. 24–36. DOI 10.22394/1818-4049-2020-93-4-24-36.

15. Рабцевич О. В., Уварова А. А. Доступность жилья в регионах России: анализ и интегральная оценка // Экономика строительства и природопользования. 2020. № 4 (77). С. 39–49. DOI 10.37279/2519-4453-2020-4-39-49.

16. Репринцева Е. В. Система показателей, характеризующих ресурсное обеспечение учреждений здравоохранения // Иннов: электронный научный журнал. 2018. №2 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-pokazateley-harakterizuyuschih-resursnoe-obespechenie-uchrezhdeniy-zdravoohraneniya>

17. Рудакова О. В. Распределение денежных доходов населения: основные понятия // Вестник ОрелГИЭТ. 2008. № 3(5). С. 100–111.

18. Сафонова О. А. Мониторинг качества образования. (теоретический аспект) // Управление ДОУ. 2001. № 6. С. 8.

19. Сикорская Л. В. Цифровизация банковских услуг и появление новых продуктов как результат пандемии // Современная наука. 2022. №2. С. 73–76. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-bankovskih-uslug-i-poyavlenie-novyh-pro>.

20. Федотова К. А., Федотова Ю. Э. Оценка качества оказания медицинских услуг в учреждениях здравоохранения Краснодарского края // Состояние и перспективы развития экономики в условиях неопределенности : сборник статей Международной научно-практической конференции, Уфа, 19 февраля 2014 года / Ответственный редактор А.А. Сукиасян. Уфа: Башкирский государственный университет, 2014. С. 306–312.

References:

1. Bakumenko L. P. (2011) Methods of a priori ranking of the factors of the quality of life of the population Statistika i ekonomika [Statistics and Economics]. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-apriornogo-ranzhirovaniya-faktorov-kachestva-zhizni-naseleniya>(In Russ.)

2. Vagina E. V. (2008) Study of the quality of professional training of mid-level specialists in the health care of the region Sibirskiy zhurnal klinicheskoy i eksperimental'noy meditsiny [Siberian Journal of Clinical and Experimental Medicine]. No. 4–2: 54–57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-kachestva-professionalnoy-podgotovki-spetsialistov-srednego-zvena-v-zdravoohranenii-regiona> (In Russ.)

3. Valkovskaya V. V., Zakharycheva T. A., Renzin O. M. (2022) Interdisciplinary dialogue on regional human capital Regionalistika [Regionalistics]. Vol. 9. No. 4: 68–76. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.4.68>. (In Russ.)

4. Gusev A. Yu., Koshkina I. G. (2021) Analytical study of the level of expenditures of the population of the region and their structure The role of agrarian science in the

sustainable development of rural areas in Collection of the VI All-Russian (national) scientific conference with international participation, Novosibirsk, December 20, 2021. Novosibirsk: Publishing Center of the Novosibirsk State Agrarian University "Zolotoy Kolos". Pp. 930–932. (In Russ.)

5. Demina E. V., Mikhailova E. N. (2016) The quality of educational services as an indicator of the effectiveness of the educational activities of a modern school. *Vestnik TSPU [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University]*. No. 8 (173): 48–52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-obrazovatelnyh-uslug-kak-pokazatel-rezultativnosti-obrazovatelnoy-deyatelnosti-sovremennoy-shkoly> (In Russ.)

6. Zaduma Ya. T. (2018) Civil law regulation of legal relations for the provision of services on the Internet *Vestnik studencheskogo nauchnogo obshchestva GOU VPO "Donetskiy natsional'nyy universitet" [Bulletin of the Student Scientific Society of the Donetsk National University]*. Vol. 4. No. 10–1: 268–272. (In Russ.)

7. Klokov D. V. (2013) Expenses for housing and communal services in the system of obligatory household payments *Vestnik rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Series "Economics. Management. Law" [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Economics. Management. Law"]*. No. 15 (116): 110–120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rashody-na-zhilischno-kommunalnye-uslugi-v-sisteme-obyazatelnyh-platezhey-domohozyaystv-1> (In Russ.)

8. Lisina Yu. A. (2018) Accessibility as a social component of the quality of banking products and services. *Science today: problems and solutions in materials of the international scientific and practical conference: in 3 parts, Vologda, March 28. Vologda: Marker LLC, 2018: 35–37.* (In Russ.)

9. Lyakhovetsky A. M., Barsukova L. A., Sokurova E. V. Consumer basket and purchasing power of the population *Vestnik Akademii [Bulletin of the Academy]*. 2022. No. 1: 61–66. DOI 10.36871/v.a.2022.03.01.008. (In Russ.)

10. Minakir P. A., Naiden S. N. (2020) Social dynamics in the Far East: a defect in ideas or a failure of institutions? *Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: economics and sociology]*. No. 3 (107): 30–61. DOI: 10.15372/REG20200302. (In Russ.)

11. Morgunova O. S. (2020) Essence and types of cash income of the population in Russia. *Modern trends and innovations in science and production in Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference, Mezhdurechensk, April 15, 2020. Mezhdurechensk: Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev.* (In Russ.)

12. Motrich E. L. (2017) The Far East region in the demographic space of Russia: post-reform trend *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*. No. 3: 133–153. (In Russ.)

13. Nayden S. N. Dynamics of mortality and life expectancy of the population of the regions of the Far East of Russia: 2013–2021 *Regionalistika [Regionalistics]*. 2022. Vol. 9. No. 3: 38–53. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2022.3.38>. (In Russ.)

14. Found S. N. (2020) Implementation of state policy in the Far East *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii [Power and management in the East of Russia]*. No. 4 (93): 24–36. DOI 10.22394/1818-4049-2020-93-4-24-36. (In Russ.)

15. Rabtsevich O. V., Uvarova A. A. (2020) Availability of housing in the regions of Russia: analysis and integral assessment *Ekonomika stroitel'stva i prirodopol'zovaniya [Economics of construction and nature management]*. No. 4 (77): 39–49. DOI 10.37279/2519-4453-2020-4-39-49. (In Russ.)

16. Reprintseva E. V. (2018) The system of indicators characterizing the resource provision of healthcare institutions *Innov: elektronnyy nauchnyy zhurnal [Innov: electronic scientific journal]*. No. 2 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-pokazateley-harakterizuyuschih-resursnoe-obespechenie-uchrezhdeniy-zdravoohraneniya> (In Russ.)

17. Rudakova O. V. (2008) Distribution of cash income of the population: basic concepts *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo instituta ekonomiki i trgovli [Bulletin of the Orel State Institute of Economics and Trade]*. No. 3(5): 100–111. (In Russ.)

18. Safonova O. A. (2001) Monitoring the quality of education. (theoretical aspect)

Upravleniye doshkol'nyimi obrazovatel'nyimi uchrezhdeniyami [Management of preschool educational institutions]. No. 6: 8. (In Russ.)

19. Sikorskaya L. V. (2022) Digitalization of banking services and the emergence of new products as a result of the pandemic *Sovremennaya nauka* [Modern Science]. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-bankovskih-uslug-i-poyavlenie-novyh-pro>. (In Russ.)

20. Fedotova K. A., Fedotova Yu. E. Assessment of the quality of medical services in healthcare institutions of the Krasnodar Territory // State and prospects for the development of the economy in conditions of uncertainty: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Ufa, February 19, 2014 / Responsible editor A.A. Sukiasyan. Ufa: Bashkir State University, 2014, pp. 306–312. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 03.03.2023.

The article was submitted 17.02.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 03.03.2023.

Информация об авторе

А. С. Карев – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

A. S. Karev – graduate student, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА.

Научная статья
УДК 338.2(470+520)
doi:10.22394/1818-4049-2023-102-1-162-175

Монетарная и антиинфляционная политика: японский вариант

Юлия Валерьевна Криводубова

Институт экономических исследований, Дальневосточное отделение Российской академии наук, Хабаровск, Россия
krivodubova@ecrin.ru

Аннотация. В контексте современного глобального тренда устойчиво высокой инфляции в развитых экономиках мира и соответствующего ей ужесточения национальными регуляторами денежно-кредитной политики особым случаем выглядит монетарная и антиинфляционная деятельность, проводимая в Японии. В статье рассматриваются генезис и особенности японской финансовой системы, рынков капитала и функционирования финансовых институтов. Показано, как уникальные характеристики японской финансовой системы оказывали влияние на формирование денежно-кредитной политики в стране на разных этапах ее развития и в значительной мере обусловили в Японии более низкий уровень инфляции в сравнении с другими развитыми странами.

Ключевые слова: финансовая система, денежно-кредитная политика, монетарная политика, инфляция, Япония, экономика Японии, методы государственного регулирования

Для цитирования: Криводубова Ю. В. Монетарная и антиинфляционная политика: японский вариант // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 1 (102). С. 162–175. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-162-175>

Monetary and anti-inflation policies: Japanese version

Yulia V. Krivodubova

The Economic Research Institute, the Far-Eastern branch of RAS, Khabarovsk, Russia
krivodubova@ecrin.ru

Abstract. In the context of modern global trend of consistently high inflation rates and corresponding monetary tightening by the national regulators, monetary and anti-inflation actions, taken in Japan, look as a special case. The article reviews genesis and specific features of Japanese financial system, capital markets and functioning of financial institutions. The article shows how unique characteristics of Japanese financial system influenced monetary policy in the country at different stages of its development and conditioned to a significant extent a lower inflation rate in comparison with the other developed economies.

Keywords: financial system, monetary policy, inflation, Japan, Japanese economy, government regulation methods

For citation: Krivodubova Yu. V. Monetary and anti-inflation policies: Japanese version // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 1 (102). Pp. 162–175. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-102-1-162-175>

Введение

Одной из главных тенденций развития в современной мировой экономике является высокая инфляция, возникшая после ковидного монетарного шока и углубляющегося глобального энергетического и продовольственного кризиса. В этих условиях денежно-кредитная политика большинства стран мира вошла в цикл количественного ужесточения и повышения учетных ставок в целях борьбы с инфляцией, которая повысилась до максимума за несколько последних десятилетий [International Monetary..., 2022. P. 1].

Одним из немногих исключений из наблюдаемого тренда в группе развитых стран мира является экономика Японии. В ней показатель инфляции хотя и демонстрирует некоторую тенденцию к росту, но при этом принимает низкие таргетированные правительством значения (табл. 1).

Япония является единственной страной в мире, неуклонно придерживающейся принципов ультрамягкой монетарной политики «нулевых ставок», проведение которой с 1999 г. было вызвано глубокими кризисными явлениями в экономике, необходимостью стимулирования экономического роста и преодоления присутствующей японской экономике дефляции. Целевой показатель по потребительской инфляции в 2%, достижение которого было запланировано к 2015 г., по факту Японии удавалось достичь и превысить только в апреле 2022 г., и связано это было в значительной степени с резким ростом мировых цен на энергоносители и продовольствие, продолжительным пе-

риодом ослабления иены.

Внимание международного научного экономического сообщества к японским финансам всегда было достаточно высоким. Обусловлено это, с одной стороны, тем, что японская финансовая система в настоящее время является третьей крупнейшей финансовой системой в мире после американской и китайской, а также традиционной на протяжении многих лет ролью Японии в качестве одного из ведущих поставщиков капитала на мировые рынки.

С другой стороны, обращает внимание практический опыт применения актуальной сегодня для многих стран нетрадиционной монетарной политики «количественного смягчения», которая в качестве антикризисной меры впервые в мировой практике стала использоваться в Японии с начала 2000-х гг.

Несмотря на многие формальные сходства при реализации денежно-кредитной политики в Японии и других странах, использование внешне одинаковой монетарной методологии очень часто скрывало разное содержание [Ackley Gardner, Ishi Hiromitsu, 1976. P. 196]. С этих позиций специалистами рассматриваются объяснения нетрадиционного варианта развития макроэкономической ситуации. В частности, одно из них связано со специфическими особенностями и уникальными отличительными характеристиками японской финансовой системы, структуры финансовых рынков и финансовых институтов, которые определяли формирование денежно-кредитной политики страны на разных этапах ее развития.

Таблица 1

Темпы роста потребительских цен в странах G7, на конец года, изменение в %

Страна	2019	2020	2021	2022
Канада	2,06	0,7	4,73	6,91
Франция	1,59	-0,18	3,32	6,3
Германия	1,53	-0,65	5,68	10,17
Италия	0,48	-0,28	4,15	8,74
Япония	0,51	-0,9	0,51	2,43
Великобритания	1,3	0,58	5,38	11,33
США	2,05	1,54	7,36	6,38

Источник: IMF, World Economic Outlook Database (www.imf.org)

Особенности формирования японской финансовой системы

Сложившиеся в экономической литературе представления об особенностях японской финансовой системы и генезисе денежно-кредитной политики Японии являются результатами многолетних исследований, проводимых учеными-экономистами из разных стран мира.

В качестве институциональной особенности финансовой системы Японии в послевоенный период 1945–1952 гг. на первый план выходит доминирование государственных финансовых институтов, которые играли ведущую роль и выступали финансовыми посредниками в восстановлении экономики. Сакакибара [Sakakibara Eisuke, 1999. P. 18]. отмечал, что доля государственного финансирования в кредитовании нефинансовых корпораций в 1952–1955 гг. достигала 32,1%, а приоритетных отраслей – 38,9%.

В последующие годы она несколько снижалась, но даже при этом оставалась высокой в сравнении с другими странами: доля активов государственных банковских институтов в общих активах банковской системы Японии находилась на уровне 20–22% [Hamada Koichi, Horiuchi Akiyoshi, 1999. P.34].

Главным кредитором для негосударственных банковских институтов, преимущественно городских банков и банков долгосрочного кредитования, являлся Центральный банк Японии. Банк Японии осуществлял контроль за использованием предоставленных банкам кредитных ресурсов, которые направлялись на развитие приоритетных отраслей экономики. Совместно с Министерством финансов Банк Японии определял параметры регулирования финансовой системы в целом.

Одним из главных методов управления экономикой в этот период времени являлось лимитирование процентных ставок, которое осуществлялось с 1947 г. В связи с наблюдавшимся до 1960-х гг. дефицитом внутренних финансовых ресурсов частного сектора при недостаточно развитых рынках капитала, поддержание процентных ставок на уровне ниже рыночных рассматривалось в качестве

средства увеличения предложения ресурсов корпоративным заемщикам, способа снижения издержек предприятий на привлечение финансирования и метода стимулирования инвестиций [Mogi Aiichi, 1994. Pp. 100–101].

Анализируя состояние японской финансовой системы в период высоких темпов экономического роста, Патрик [Patrick Hugh, 1999. P. 152] указывал на то, что это система неравновесная, поскольку на подавляющем большинстве финансовых рынков спрос превышал предложение при заданной величине процентных ставок. Это происходило потому, что устанавливаемая монетарными властями структура процентных ставок поддерживалась финансовыми институтами, занимающими на рынке олигополистическое положение. А ставки устанавливались на уровне ниже рыночных, особенно в периоды монетарного ужесточения. Такая позиция основывалась на тенденции превышения ожидаемых инвестиций над ожидаемыми сбережениями в развивающейся высокими темпами японской экономике. Патрик также отмечает, что поскольку ценовой механизм не устанавливал равновесие на финансовых рынках (кроме межбанковского рынка), приходилось прибегать к рационированию кредитов, которое подразумевало наличие разрешения финансовым институтам выбирать заемщиков. При такой ситуации преимущества имели крупные корпорации.

Каргилл и Рояма [Cargill Thomas F., Royama Shoichi, 1999. Pp. 221–229] выделили восемь факторов, которые определяли денежно-кредитную политику Японии накануне крупномасштабных финансовых реформ и либерализации середины 1970-х гг. Эти факторы рассматривались ими и другими исследователями (например, Судзуки [Suzuki, Yoshio, 1980. Pp. 13–36]) как уникальные характеристики японской финансовой среды и рынка капиталов:

сложившаяся структура перераспределения финансовых ресурсов между частным и корпоративным секторами, для которой был характерен дефицит финансовых ресурсов у корпоративного сектора и избыток средств у сектора домохозяйств;

зависимость корпоративного сектора экономики от получения финансирования через банковскую систему, преимущественно через городские банки, что в целом свидетельствовало о наличии тесных клиентских взаимоотношений в японской финансово-отраслевой структуре производства. Большую роль в перераспределении ресурсов между частным и корпоративным сектором играла система основных или главных (головных) банков. В целом, банки опосредовали практически в полном объеме финансовые потоки между домохозяйствами и корпоративным сектором. Анализируя данный аспект, Судзуки уточнял, что высокая степень «закредитованности корпоративного сектора» означала более высокую зависимость от банковского кредитования, чем от получения инвестиций в акционерный капитал. По данным, приводимым в его исследованиях, внутреннее финансирование корпоративного сектора (нераспределенная прибыль компаний и инвестиции в акционерный капитал) было характерно для послевоенной Японии – на него в 1914–1920 гг. приходилось 70,9%. Далее его доля сокращалась: в 1935–1940 гг. – до 57,7%; в 1950–1954 гг. – до 37,7%, в 1980 г. она снизилась до 20,4%. Закредитованность корпоративного сектора наблюдалась довольно длительное время, хотя позднее практически исчезла. Своими корнями, как отмечает Судзуки, это явление уходило, в том числе, и в организационную структуру «кейрэцу», центрами которых являлись сами банки;

значительные объемы торгового кредитования в структуре финансовых потоков, которое еще больше укрепляло связи между банковской системой, корпоративным сектором и многочисленными организациями, работавшими без образования юридического лица, которые иным образом в силу разных причин (отсутствие залогового обеспечения, наличие высоких рисков) финансирование получить не могли;

сложившаяся система движения капиталов между городскими банками и другими финансовыми институтами на межбанковском рынке – в связи с имевшей место сегментацией финансовых институтов, при которой городские бан-

ки кредитовали крупные корпорации и испытывали недостаток финансовых ресурсов, а региональные банки имели избыток финансовых ресурсов, поскольку кредитовали малый и средний бизнес, финансовые ресурсы между разными финансовыми институтами перераспределялись только через он-кольный рынок, заменявший краткосрочный межбанковский рынок и корректировавший «структурный дисбаланс банковской ликвидности», которую Судзуки обозначил в качестве еще одной особенности рынка капитала в Японии. Данное явление исчерпало себя в 1970-х гг., когда стали полноценно функционировать другие финансовые рынки;

зависимость городских банков, крупных региональных банков, банков долгосрочного финансирования от прямых кредитов Банка Японии, которые являлись основным источником капитала для коммерческих банков. В период 1969–1975 гг. на коммерческие банки приходилось 86,8% от общего объема прямых кредитов Банка Японии.

Поддержание Банком Японии своей учетной ставки на уровне ниже ставок межбанковского рынка обуславливало зависимость японских банков от государственного субсидирования. Прямые кредиты Банка Японии являлись основным источником увеличения активов городских банков, что определяло фундаментально иную роль прямого финансирования в денежно-кредитной политике Банка Японии в сравнении с другими странами, такими, например, как США. В Японии процесс заимствований у центрального банка имел хронический характер и сравнительно крупные масштабы – вся банковская система находилась в долгу у Банка Японии. Судзуки называл данную особенность японского рынка капиталов «закредитованностью банков». Следует отметить, что, по мнению Окли и Иши [Ackley Gardner, Ishi Hiromitsu, 1976. P. 198], банки, получавшие прямое финансирование от Банка Японии, в послевоенный период смогли обеспечить рост кредитования, в котором нуждалась экономика. Была ли эта «закредитованность» чрезмерной или достаточно необходимой для Японии – оценить весьма непросто. Кроме того, она

была обусловлена, и отсутствием полноценно функционирующего фондового рынка в Японии в тот период времени;

обширные нормативные ограничения по использованию кредитных ресурсов в сочетании с ограничениями практически по всем процентным ставкам. За исключением ставок межбанковского рынка и рынка РЕПО «Генсаки» все процентные ставки строго лимитировались. В дополнение к этому, регулирование создавало сегментированный рынок финансовых посредников, где каждому финансовому институту было предписано предоставлять кредиты с определенным сроком погашения – нефинансовый сектор, таким образом, был ограничен в выборе альтернатив по удовлетворению своего спроса на финансовые ресурсы;

изоляция национального финансового рынка Японии от международных рынков капитала в виду ограничений на движения капитала, обусловленных структурой экономики Японии, где до 1973 г. существовали ограничения импорта и контроль обменного курса;

отсутствие полноценного рынка государственных ценных бумаг объяснялось отсутствием дефицита финансовых ресурсов у государства, опорой Министерства финансов на систему синдиката при размещении ограниченного по объему государственного долга, стремления обеспечить политику низких ставок для всех заемщиков, включая правительство. Это не позволяло Банку Японии использовать операции на открытом рынке в качестве инструмента гибкой монетарной политики, поэтому его главным инструментом был учетный механизм.

После окончания периода высоких темпов роста экономики в середине 1970-х гг. начался процесс реформирования финансовой системы Японии – либерализация и дерегулирование.

Финансовая либерализация затронула, прежде всего, регламентацию процентных ставок. Хориучи отмечает, что хотя и принято считать, что экономический рост в Японии во многом основывался на политике низких ставок, которая стимулировала инвестиции, процентные ставки в Японии в 1950–1960-х гг. в номинальном выражении были выше, чем в других развитых экономиках мира, даже

с учетом присущей каждому периоду времени инфляции [Horiuchi Akiyoshi, 1999. P. 179].

Рыночной и свободной от регулирования была только ставка межбанковского рынка. Официальную учетную ставку устанавливал Банк Японии, банковские депозитные ставки строго регулировались в соответствии с Законом о временных корректировках процентных ставок от 1947 г. Отличительной чертой японских процентных ставок являлось то, что все ставки (включая долгосрочные, краткосрочные, ставки по облигациям) не были гибкими, за исключением ставки межбанковского рынка. А учетная и депозитная ставки всегда устанавливались на уровне значительно ниже ставки межбанковского рынка, чего не наблюдалось в других странах.

Важным последствием либерализации стала интернационализация финансовой системы, когда в 1980 г. были ослаблены ограничения на движение капитала, возникла взаимосвязь между японским денежным рынком и международными процентными ставками. Японская финансовая система постепенно интегрировалась в мировые финансы.

Доля иностранного финансирования в общем объеме внешнего финансирования корпораций выросла с 7,8% в 1975–1979 гг. до 22,7% в 1980–1983 гг., доля активов, номинированных в иностранной валюте, в общем объеме финансовых активов выросла соответственно с 2,4% до 33%. [Teranishi Juro, 1994. Pp. 27–80]. Возросло число иностранных банков, присутствующих в Японии – с 47 в 1970 г. до 84 в 1999 г. Но при этом не произошло значительного увеличения присутствия иностранных банков на кредитном и депозитном рынках в Японии [Shinkai Yoichi, 1999. P. 95].

В ходе реформирования финансового сектора некоторые уникальные характеристики японских финансовых институтов, финансовых рынков и соответствующей им денежно-кредитной политики были утрачены, и они стали во многом идентичны американским по своей организации и функциям, хотя при этом продолжали сохраняться чисто японские система почтовых сбережений, регулирование депозитных процентных ставок,

система головных банков, недостаточно развитый рынок государственных и корпоративных ценных бумаг.

Несмотря на выраженные тенденции к либерализации японской финансовой системы в целом, активное присутствие государства в регулировании финансового сектора продолжало сохраняться.

Каргилл [Cargill Thomas, 2000. P. 38] отмечает, что именно неспособность жестко регулируемой финансовой системы, эффективно функционировавшей в период высоких темпов экономического роста, адаптироваться к новым условиям, которые начали проявляться с 1970-х гг., стала одной из причин кризиса банковского сектора в Японии 1990-х гг.

Большинство исследователей одним из главных факторов стагнации японской экономики называли именно проблемы, возникшие в банковском секторе. Предложение банковских кредитов продолжало расти, и в банковской системе возникли проблемы «плохих долгов» – необеспеченных кредитов, выданных предприятиям, имеющим финансовые трудности. По некоторым оценкам [Rosen Adam, 2000. Pp. 1–25], объем «плохих» долгов составлял от 9% до 15% от ВВП.

По мнению Шимизу [Shimizu Yoshinori, 2000. Pp. 57–99], фундаментальными предпосылками финансового кризиса стали доминирующие позиции банков на финансовом рынке Японии и отсутствие эффективной системы разделения рисков.

Банковский кризис обнаружил слабые места финансовой системы Японии, и с середины 1990-х гг. государство стало принимать меры по ее дальнейшей либерализации и выходу из кризиса.

Японская финансовая система в своем развитии прошла путь от одной из самых закрытых и жестко регулируемых систем методами административного, практически планового контроля в послевоенный период, до одной из самых либеральных финансовых систем в мире к началу двадцать первого века.

Присущие ей особенности, с одной стороны, позволили решить задачи послевоенного восстановления экономики и обеспечивать высокие темпы экономического роста до середины 1970-х гг., а с другой стороны, проблемы в финансо-

вом секторе в 1990-х гг. запустили длительный кризисный процесс в японской экономике.

Уникальные характеристики и особенности японской финансовой системы оказывали влияние на проводимую в стране денежно-кредитную политику.

Практика реализации национальной денежно-кредитной политики в Японии

Денежно-кредитная политика в Японии в период 1950–1970-х гг., направленная на обеспечение максимально высоких темпов роста с упором на приоритетные отрасли промышленности и экспортную ориентацию экономики, формировалась с учетом особенностей финансовой системы.

Доминирование непрямого финансирования, зависимость корпоративного сектора от банковских кредитов, зависимость городских банков от прямых кредитов Банка Японии, стабильная система спроса и предложения финансовых ресурсов городскими и региональными банками на межбанковском рынке, игравшем ключевую роль в трансмиссионном механизме денежно-кредитной политики, а также ограничения практически по всем процентным ставкам, изоляция от международного рынка капиталов, отсутствие полноценно функционирующего рынка государственных ценных бумаг, свойственные финансовой системе Японии в тот период времени, привели к использованию таких инструментов в денежно-кредитной политике, как прямое кредитование банковского сектора через «дисконтное окно», изменение учетной ставки, операции с краткосрочными ценными бумагами на межбанковском рынке, установление кредитных лимитов для финансовых институтов или «руководство через окно».

Механизм финансирования японской экономики до середины 1970-х гг., согласно С. В. Брагинскому [Брагинский, 1989. С. 177], опирался на две специфические особенности – «заемный перебор» и «перекредитование». В основе денежно-кредитной политики лежала кредитная парадигма.

Корпорации испытывали финансовый голод, поскольку их потребности в финансах были выше, чем возможности.

В связи с тем, что фондовый рынок в Японии в тот период был развит слабо, у корпораций не было доступа к прямому финансированию и практически единственным источником пополнения финансовых ресурсов было не прямое банковское финансирование, которое доминировало в финансовой системе, и от которого зависел нефинансовый сектор экономики.

Банки, в свою очередь, особенно городские банки, испытывали постоянный недостаток ликвидности, который они могли компенсировать возможностью доступа к относительно дешевым кредитам Банка Японии.

Таким образом, формировалась структура непосредственной зависимости размеров кредитной экспансии, а следовательно, и денежной массы в экономике, от денежно-кредитной политики. Практическое выражение эта структура нашла в механизме административного руководства кредитной экспансией городских банков и других финансовых институтов путем установления Банком Японии количественных лимитов на увеличение кредитования данной группы финансовых институтов. Через этот механизм задавались темпы роста массы кредитных денег, и Банку Японии не требовалась другая специальная форма контроля за денежной массой в экономике.

Эффективность «руководства через окно» кредитными лимитами банковской системы обеспечивалась благодаря тому, что лимиты устанавливались таким образом, чтобы каждый финансовый институт имел стабильную долю на рынке. Кредитная деятельность в рамках установленных лимитов и стабильность положения на кредитном рынке соответствовали интересам всех участников рынка.

Эффект процентной ставки в трансмиссионном механизме денежно-кредитной политики играл менее важную роль по сравнению с контролем над количественным объемом кредитования корпоративного сектора экономики.

Учетная ставка устанавливалась на уровне ниже ставки межбанковского рынка для того, чтобы усилить зависимость городских банков от прямого финансирования Банка Японии, изменение этой ставки скорее служило банковской

системе сигналом об изменении денежно-кредитной политики в ту или иную сторону.

С учетом особенностей японской финансовой системы, в силу отсутствия полноценного развитого рынка государственных ценных бумаг операции с краткосрочными государственными ценными бумагами не могли стать эффективно применяемым инструментом денежно-кредитной политики, хотя такие ценные бумаги эмитировались (операции с ними совершались в основном за счет тех бумаг, у которых наступал срок погашения, либо за счет покупок напрямую у министерства финансов или у синдикатов компаний). По этой причине главным инструментом денежно-кредитной политики был механизм дисконтирования.

Ключевую роль в трансмиссионном механизме играла ставка межбанковского рынка, которая являлась операционной целью денежно-кредитной политики. Она выступала индикатором, определявшим воздействие денежно-кредитной политики на возможности финансовых институтов расширять кредитование.

Прямое воздействие на ставку межбанковского рынка осуществлялось через проведение Банком Японии операций в вексельном сегменте межбанковского рынка, продажей векселей «на себя», что позволяло варьировать административным присутствием на межбанковском рынке. Косвенное воздействие осуществлялось через воздействие на объемы спроса и предложения активов финансовыми институтами на межбанковском рынке, особенно городских банков, путем ограничения кредитов через дисконтное окно, досрочное предъявление займов к погашению, повышение дисконтной ставки для сокращения спреда между учетной ставкой, ставкой межбанковского рынка и повышением нормы резервирования.

Система котировок, которую контролировал Банк Японии на межбанковском рынке, где все трансакции до конца 1970-х гг. осуществляли ограниченными числом дилеров, и котировки выставлялись только после достижения предварительного консенсуса между участниками межбанковского рынка при вовлечении Банка Японии, и другие методы адми-

нистративного воздействия оказывали ограничительный эффект на колебания межбанковской ставки и не давали ей оставаться чисто рыночной.

Особенности японской финансовой системы обеспечивали тесную связь между денежно-кредитной политикой, доступностью кредитов и экономической активностью. Через распределение кредитных ресурсов и использование административных методов контроля, денежно-кредитная политика была нацелена на удовлетворение спроса на финансовые ресурсы, предъявляемого корпоративным сектором, при этом она ограничивалась необходимостью поддержания фиксированного обменного курса между йеной и долларом.

После нефтяного шока 1973 г. экономики ведущих развитых стран перешли на систему плавающего обменного курса. Японский финансовый рынок отреагировал на это структурными изменениями – городские банки начали сокращать объемы кредитования, система лимитирования процентных ставок перестала отвечать требованиям экономической реальности. В результате либерализации многие ставки стали свободны от регулирования.

Денежно-кредитная политика в период 1956–1973 гг. допускала рост предложения денег на 15–25% в год [Ito Takatoshi, 1989. P. 5]. В периоды давления со стороны платежного баланса денежную массу сокращали.

Нефтяное эмбарго 1973 г. усугубило инфляцию. Чрезмерное стимулирование экономики, ошибки в политике Банка Японии, четырехкратный рост цен на нефть привели в 1974 г. к инфляции в 31%

В целях борьбы с такой инфляцией в 1975 г. в денежно-кредитной политике произошли изменения – в качестве промежуточной цели был определен контроль предложения денег, который имел свои особенности. До этого времени в денежно-кредитной политике Японии практически не уделялось внимания данному аспекту в силу своеобразия механизма финансирования экономики и специфики форм и методов денежно-кредитной политики, преобладавших до кризиса 1974–1975 гг.

Со второй половины 1970-х гг. Банк Японии начал борьбу с инфляцией, изменив ориентир денежно-кредитной политики с контроля за объемом банковского кредитования на контроль за кассовыми остатками денежной массы, тем самым впервые выделив контроль за денежной массой как отдельную самостоятельную задачу в своей деятельности. [Брагинский, 1989. С. 105]. Денежно-кредитная политика изменилась в направлении снижения роли административного регулирования кредитной экспансией и повышение значения рыночного воздействия на состояние кредита и размер денежной массы с помощью эмиссионной политики.

При этом, по мнению Судзуки [Suzuki Yoshio, 1985. Pp. 1–10], японская монетарная политика с середины 1970-х гг. представляла собой не реализацию идей монетаризма в чистом виде, а «эклетический градуализм», занимающий промежуточную позицию между кейнсианской настройкой экономики и правилом роста монетаристов.

К началу 1980-х гг. японская денежно-кредитная политика утратила большинство своих уникальных характеристик и стала идентичной американской.

В 1985–1987 гг. монетарная политика была направлена на укрепление йены и ослабление доллара США, чтобы избежать резкого роста положительного сальдо торгового баланса.

В 1989 г. произошло ужесточение денежно-кредитной политики, в результате которого учетная ставка выросла с 2,5%, где она находилась с 1987 г., до 4,25% к концу года. Несмотря на это с инфляцией справиться не удалось, и она продолжила рост с 1% в начале 1989 г. до 3% к концу. В августе 1990 г. учетную ставку подняли сразу до 6%. Темпы роста ВВП до 1991 гг. все еще превышали 3%.

Начало 1990-х гг. в экономике Японии характеризуется появлением тенденции к ухудшению макроэкономических показателей, снижением темпов роста ВВП до самых низких значений, начиная с послевоенного периода. Попытки государства преодолеть падение экономики привели к резкому росту государственных заимствований и дефицита бюджета.

С июля по декабрь 1991 г. учетную

ставку снизили с 5,5% до 4,5%, в 1992 и 1993 гг. снижение продолжилось. В 1992 г. в ответ на замедление экономики был принят большой пакет фискальных стимулов. В 1992–1994 гг. экономика росла темпами ниже 1,2%. Цены на землю продолжали падение. Инфляция упала с 2% в начале 1992 г. до 0% в середине 1995 г. Денежно-кредитную политику продолжали ослаблять в ответ на ослабление экономики: ставка понижалась с 4,5% в апреле 1992 г. до 1,75% в сентябре 1993 г. В апреле 1995 г. ее понизили до 1% и в сентябре 1995 г. до 0,5%. Но экономика продолжала стагнировать, и инфляция упала до 0%.

В период с 1992 по 1995 гг. в экономике усугублялась проблема «плохих долгов». Строительные компании разорялись, а банки продолжали кредитовать их в надежде на то, что цены на недвижимость восстановятся. Ситуация в банковском секторе ухудшалась, но действенных мер по ее улучшению не принималось. Поскольку корпоративная информация была закрытой, глубину кризиса оценить было сложно.

Несмотря на ослабление экономики в 1993–1995 гг., курс йены укрепился со 100 йен за доллар до 80 йен за доллар без веских макроэкономических причин. Укрепление курса йены произошло на фоне преждевременных ожиданий восстановления экономики, что впоследствии привело к краткосрочной дефляции.

Экономика начала расти во втором полугодии 1995 г., и в 1996 г. темп роста превысил 3% – дополнительную поддержку экономическому росту оказало ослабление национальной валюты до 110 йен за доллар. В апреле 1997 г. ставка налога на потребление выросла с 3% до 5%, и во второй половине года рост экономики замедлился.

На фоне банковского кризиса в стране, а также азиатского валютного кризиса, в 1998 г. экономика Японии впервые после кризиса 1970-х гг. продемонстрировала отрицательные темпы экономического роста. Банки сокращали кредитование экономики, что оказало негативное воздействие на совокупный спрос и привело в экономику к дефляции.

Главной задачей экономической и денежно-кредитной политики, начиная

с 1999 г., стало противодействие дефляции и увеличение темпов экономического роста. В 1999 г. Банк Японии перешел к политике «нулевых» ставок, когда процентная ставка впервые была снижена до нуля.

После исчерпания возможностей применения традиционных методов денежно-кредитной политики последовали нетрадиционные меры, направленные на увеличение сальдо банковских депозитов на счетах Банка Японии и объемов покупки государственных облигаций. Таким образом, в Японии впервые появился новый тип денежной политики – «количественное смягчение» [Белов, 2021. С. 36], элементы которого впоследствии широко использовались в США и Европе для борьбы с мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг.

Заключение

С начала 2000-х гг. монетарная политика Банка Японии была представлена несколькими программами [Никитина, 2015. С. 154–158] – политика нулевых процентных ставок (1999–2000 гг.), политика количественного смягчения (2001–2006 гг.), расширенная программа количественного смягчения (2010–2013 гг.), политика количественного и качественного смягчения (2013 г. – по настоящее время).

В период с 1998 по 2003 гг. Банк Японии проявлял весьма осторожное отношение к появившимся нетрадиционным методам регулирования монетарной политики и таргетированию инфляции. Среди причин Ито и Мишкин [Ito Takatoshi, Mishkin Frederic S. 2004. С. 33] называют то, что, по мнению руководства Банка Японии, инфляция препятствовала бы проведению структурных реформ, в которых нуждалась экономика. Они также указывают на «ловушку независимости», в которую попал Банк Японии, опасаясь принимать решения самостоятельно.

Наиболее ощутимые результаты для экономики начала давать монетарная политика «количественного и качественного смягчения» в ходе реализации экономического курса «Абэномики», главной задачей которого было возрождение экономики, находившейся к тому моменту в стагнации более двадцати лет,

путем преодоления дефляции и ухода от дорогой йены [Рензин, Суслов, 2020. С. 96–97].

Что касается применения политики «количественного смягчения» в Японии, то оно продолжалось до 2006 г., потом возобновилось в 2010 г. Перерыв привел к возвращению дефляции и снижению темпов роста. В 2013 г. к количественному смягчению добавилось качественное смягчение – к покупке государственных облигаций добавились более рискованные корпоративные облигации.

Японская экономика вышла из дефляции, но целевого показателя Банка Японии по инфляции в 2% к 2015 г. в рамках «Абэномики» достигнуть не удалось, хотя темпы роста цен стали положительными.

Среди мер монетарной политики, введенных с 2016 г., можно отметить введение отрицательных ставок, включая целевой показатель минус 0,1% для краткосрочных процентных ставок и намерение поддерживать долгосрочные процентные ставки на уровне около 0%, а также ориентацию на нулевую доходность по 10-летним облигациям. В 2022 г. Банк Японии расширил колебания диапазона доходности 10-летних облигаций с 0,25% до 0,5%.

Ковидный кризис 2020–2022 гг. принципиально не изменил денежно-кредитную политику Японии, но, как и в других странах мира, через принятые широкомасштабные стимулирующие меры поддержки [Суслов, 2021. С. 21–24] заложил потенциал для роста инфляции

в будущем.

На фоне растущего давления со стороны цен на энергоресурсы и продовольственные товары инфляция в Японии заметно ускорила с начала 2022 г. и к декабрю уже вдвое превысила целевой показатель Банка Японии, добивающегося ее устойчивого уровня в 2%, достигнув 4% [Minutes of the Monetary..., 2023. P. 2] без учета цен на скоропортящиеся продукты (показатель инфляции в Японии рассчитывается без учета цен на скоропортящиеся продукты, подверженные значительным колебаниям). Это рекордный уровень инфляции с 1991 г., не считая ее повышения в 2014 г., когда цены в экономике выросли вследствие увеличения налога с продаж.

Сегодня Япония продолжает проводить «ультрамягкую» монетарную политику, имея самую большую долговую нагрузку в мире. Это происходит на фоне цикла ужесточения монетарной политики в США и странах Европы для борьбы с рекордно-высокой за последние сорок лет инфляцией и резкого укрепления доллара США по отношению к основным мировым валютам.

Низкий в сравнении с другими странами уровень инфляции в Японии на сегодняшний день является следствием проводимой денежно-кредитной политики в стране, связанной своими историческими корнями с уникальными характеристиками и особенностями японской финансовой системы, рынков капитала и финансовых институтов.

Список источников:

1. Белов А. В. Экономическая политика Японии в период пандемии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Том 65. № 1. С. 33–41.
2. Брагинский С. В. *Кредитно-денежная политика в Японии*. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1989.
3. Брагинский С. В. *Перестройка кредитно-денежной политики японского правительства и проблема контроля за денежной массой* // *Япония: экономика, политика, история*. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1989. С. 175–183.
4. Никитина С. А. Эволюция денежно-кредитной политики и программа «Абэномики» // *Вестник Института экономики РАН*. № 6. 2015. С. 151–165.
5. Рензин О. М., Суслов Д. В. *Экономическая динамика в Японии: детализация институциональных контуров политики «Абэномики»* // *Японские исследования*. 2020. № 1. С. 85–105.
6. Суслов Д. В. *Антикризисная политика в Японии во время пандемии COVID-19* // *Власть и управление на Востоке России*. 2021. № 4 (97). С. 16–27.
7. International Monetary Fund. 2022. *World Economic Outlook: Countering the Cost-*

- of-Living Crisis. Washington, DC. October. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/10/11/world-economic-outlook-october-2022>
8. Ackley, Gardner, Ishi, Hiromitsu. Fiscal, Monetary and Related Policies // Asia's New Giant. How the Japanese Economy Works / Hugh Patrick, Henry Rosovsky (ed.). The Brookings Institute, Washington D.C. 1976.
 9. Hamada, Koichi, Horiuchi, Akiyoshi. The Political Economy of the Financial Market // Banking in Japan. Volume III: Japanese Banking since 1973: Deregulation, Internationalization and Adjustment / William M. Tsutsui (ed.). London. 1999.
 10. Sakakibara, Eisuke. The Japanese Financial System in Transition // Banking in Japan. Volume III: Japanese Banking since 1973: Deregulation, Internationalization and Adjustment / William M. Tsutsui (ed.). London. 1999.
 11. Mogi, Aiichi. The Formation of the Postwar Financial System // Japan Postwar Experience. The Japan Institute of International Affairs. 1994.
 12. Patrick, Hugh. Finance Capital Market and Economic Growth in Japan // Banking in Japan. Volume II: Japanese Banking in the High-Growth Era. 1952-1973 / William M. Tsutsui (ed.). London. 1999.
 13. Cargill, Thomas F., Royama, Shoichi. Monetary Policy Prior To Reform // Banking in Japan. Volume II: Japanese Banking in the High-Growth Era, 1952-1973 / William M. Tsutsui (ed.). London. 1999.
 14. Suzuki, Yoshio. Money and Banking in Contemporary Japan // Yale University Press. New Haven and London. 1980.
 15. Horiuchi, Akiyoshi. The «Low Interest Rate Policy» and Economic Growth in Postwar Japan // Banking in Japan. Volume II: Japanese Banking in the High-Growth Era. 1952-1973 / William M. Tsutsui (ed.). London. 1999.
 16. Teranishi, Juro. Development and Structural Change in the Financial System // The Financial Development of Japan, Korea and Taiwan: Growth, Repression and Liberalization. Patrick, Hugh, Yung Chul Park (ed.). New York, Oxford University Press. 1994.
 17. Shinkai, Yoichi. The Internationalization of Finance in Japan// Banking in Japan. Volume III: Japanese Banking since 1973: Deregulation, Internationalization and Adjustment / William M. Tsutsui (ed.). London. 1999.
 18. Cargill, Thomas. What caused Japan's Banking Crisis? // in Crisis and Change in the Japanese Financial System/ Hoshi T. and Patrick H. (ed.). Kluwer Academic Publishers: Boston, Massachusetts. 2000.
 19. Posen, Adam. Introduction: Financial Similarities and Monetary Differences.// Japan's Financial Crisis and Its Parallel to US Experience / Ryoichi Mikitani and Adam S. Posen (ed.). Institute of International Economics. September 2000.
 20. Shimizu, Yoshinori. Convoy Regulation, Bank Management and the Financial Crisis in Japan // Japan's Financial Crisis and Its Parallel to US Experience / Ryoichi Mikitani and Adam S. Posen (ed.). Institute of International Economics. September 2000.
 21. Ito, Takatoshi. Is the Bank of Japan a Closet Monetarist? Monetary Targeting in Japan. 1978-1988. NBER Working Paper No. 2879. 1989.
 22. Suzuki, Yoshio. Japan's Monetary Policy Over the Past 10 Years // Bank of Japan Monetary and Economic Studies 3, No.2. 1985.
 23. Ito, Takatoshi and Mishkin, Frederic S. Two Decades of Japanese Monetary Policy and the Deflation Problem // NBER Working paper No. 10878. 2004.
 24. Minutes of the Monetary Policy Meeting of the Bank of Japan Policy Board on March 10, 2023. URL: https://www.boj.or.jp/en/mopo/mpmdeci/mpr_2023/k230310a.pdf

References:

1. Belov A. V. (2021) Economic Policy of Japan in the Time of Pandemic. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations]. Vol. 65. No. 1: 33-41 (In Russ.)
2. Braginskii S. V. (1989) *Kreditno-denezhnaya politika v Yaponii*. Moscow, Home edition of oriental literature (In Russ.)
3. Braginskii S. V. (1989) Transformation of Japan's government monetary policy and

the issue of control over money supply Yaponiya: ekonomika, politika, istoria [Japan: economy, policy, history]. Moscow, Home edition of oriental literature. Pp. 175–183 (In Russ.)

4. Nikitina S. A. (2015) Evolution of Japanese Monetary Policy and program of Abenomics. Vestnik instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences]. No. 6: 151 – 165 (In Russ.)

5. Renzin O. M., Suslov D. V. (2020) Economic dynamics in Japan: detailing of the Abenomics policy institutional outlines Yaponskiye issledovaniya [Japanese research]. No. 1: 85–105. (In Russ.)

6. Suslov D. V. (2021) The anti-crisis policy in Japan during the COVID-19. Vlasti i upravleniye na Vostoke Rossii [Power and administration in the East of Russia]. № 4 (97): 16–27. (In Russ.)

7. International Monetary Fund. 2022. World Economic Outlook: Countering the Cost-of-Living Crisis. Washington, DC. October. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/10/11/world-economic-outlook-october-2022>

8. Ackley, Gardner, Ishi, Hiromitsu. Fiscal, Monetary and Related Policies // Asia's New Giant. How the Japanese Economy Works / Hugh Patrick, Henry Rosovsky (ed.). The Brookings Institute, Washington D.C. 1976.

9. Hamada, Koichi, Horiuchi, Akiyoshi. (1999) The Political Economy of the Financial Market Bankovskoye delo v Yaponii [Banking in Japan]. Vol. III: Japanese Banking since 1973: Deregulation, Internationalization and Adjustment / William M. Tsutsui (ed.). London.

10. Sakakibara, Eisuke. (1999) The Japanese Financial System in Transition Bankovskoye delo v Yaponii [Banking in Japan]. Vol. III: Japanese Banking since 1973: Deregulation, Internationalization and Adjustment / William M. Tsutsui (ed.). London.

11. Mogi, Aiichi. (1994) The Formation of the Postwar Financial System Poslevoyenny opyt Yaponii [Japan Postwar Experience]. The Japan Institute of International Affairs.

12. Patrick, Hugh. (1999) Finance Capital Market and Economic Growth in Japan Bankovskoye delo v Yaponii [Banking in Japan]. Vol. II: Japanese Banking in the High-Growth Era. 1952–1973 / William M. Tsutsui (ed.). London.

13. Cargill, Thomas F., Royama, Shoichi. (1999) Monetary Policy Prior To Reform Bankovskoye delo v Yaponii [Banking in Japan]. Vol. II: Japanese Banking in the High-Growth Era, 1952–1973 / William M. Tsutsui (ed.). London.

14. Suzuki, Yoshio. (1980) Money and Banking in Contemporary Japan. Yale University Press. New Haven and London.

15. Horiuchi, Akiyoshi. (1999) The «Low Interest Rate Policy» and Economic Growth in Postwar Japan Bankovskoye delo v Yaponii [Banking in Japan]. Volume II: Japanese Banking in the High-Growth Era. 1952–1973 / William M. Tsutsui (ed.). London.

16. Teranishi, Juro. (1994) Development and Structural Change in the Financial System Finansovoye razvitiye Yaponii, Korei i Tayvanya: rost, repressii i liberalizatsiya [The Financial Development of Japan, Korea and Taiwan: Growth, Repression and Liberalization]. Patrick, Hugh, Yung Chul Park (ed.). New York, Oxford University Press.

17. Shinkai, Yoichi. (1999) The Internationalization of Finance in Japan Bankovskoye delo v Yaponii [Banking in Japan]. Vol. III: Japanese Banking since 1973: Deregulation, Internationalization and Adjustment / William M. Tsutsui (ed.). London. 1999.

18. Cargill, Thomas. (2000) What caused Japan's Banking Crisis? // in Crisis and Change in the Japanese Financial System/ Hoshi T. and Patrick H. (ed.). Kluwer Academic Publishers: Boston, Massachusetts.

19. Posen, Adam. (2000) Introduction: Financial Similarities and Monetary Differences Finansovyy krizis v Yaponii i yego paralleli s opytom SSHA [Japan's Financial Crisis and Its Parallel to US Experience] / Ryoichi Mikitani and Adam S. Posen (ed.). Institute of International Economics. September.

20. Shimizu, Yoshinori. (2000) Convoy Regulation, Bank Management and the Financial Crisis in Japan Finansovyy krizis v Yaponii i yego paralleli s opytom SSHA [Japan's Financial Crisis and Its Parallel to US Experience] / Ryoichi Mikitani and Adam

S. Posen (ed.). Institute of International Economics. September.

21. Ito, Takatoshi. (1989) Is the Bank of Japan a Closet Monetarist? Monetary Targeting in Japan. 1978–1988. NBER Working Paper No. 2879.

22. Suzuki, Yoshio. (1985) Japan's Monetary Policy Over the Past 10 Years Denezhnyye i ekonomicheskiye issledovaniya Banka Yaponii 3 [Bank of Japan Monetary and Economic Studies 3]. No. 2.

23. Ito, Takatoshi and Mishkin, Frederic S. (2004) Two Decades of Japanese Monetary Policy and the Deflation Problem. NBER Working paper No. 10878.

24. Minutes of the Monetary Policy Meeting of the Bank of Japan Policy Board on March 10, 2023. URL: https://www.boj.or.jp/en/mopo/mpmdeci/mpr_2023/k230310a.pdf

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 03.03.2023.

The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 03.03.2023.

Информация об авторе

Ю. В. Криводубова – младший научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН

Information about the author

Yu. V. Krivodubova – junior researcher, the Economic Research Institute FEB RAS

Власть и управление на Востоке России

Научный журнал

2023 г. № 1 (102)

«ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ»
В ИНТЕРНЕТЕ

<http://vlastdviu.ru/>
<http://elibrary.ru/>
<https://e.lanbook.com/>
<http://cyberleninka.ru/>
www.worldcat.org
app.dimensions.ai

Дата выхода в свет – 1.04.2023 г.

Формат бумаги 60x84 1/8 А-4

Усл. печ. л. – 20,4

Учетн.-изд. л. – 22,8

Тираж – 500 экз.

Заказ № 1.

Свободная цена

Адрес издателя и типографии: 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33
Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
Тел.: (4212)30-53-06, (4212)30-65-49; факс: (4212) 30-53-06 E-mail: rio-dviu@ranepa.ru
Web-сайт: <http://vlastdviu.ru/index.html>
